Д 211/44

А 21 44

Книгоиздательство „Жизнь и Знаніе“.

М. АЛЕКСАНДРОВЪ.

ГОСУДАРСТВО, БЮРОКРАТІЯ

И

АБСОЛЮТИЗМЪ

ВЪ ИСТОРІИ РОССІИ.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Б. М. Вольфа. Невскій, 126 (уг. Суворовскаго просп.).
1910.

Книгоиздательство „Жизнь и Знаніе".

Главное представительство: Книжный складъ „Провинція".

С.-Петербургъ, Екатерининская ул., д. 4.

ДѢТСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Книга 1. **Что разсказывала мама** о полезныхъ вещахъ, которыя были у дѣтей въ комнатѣ. Разсказы для младшаго возраста. Съ англійскаго передѣлала В. М. Величкина. Изданіе второе. 52 рисунка въ текстѣ. Цѣна въ изящной, въ нѣсколько красокъ отпечатанной, обложкѣ—70 коп. Въ папкѣ—90 коп. Въ роскошномъ переплетѣ—1 р. 15 коп. Первое изданіе ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библіотеки низшихъ учебн. завед.

Книга 2. **Господинъ Топотунъ.** Переводъ съ французскаго. Изданіе второе. Содержаніе: 1. Четвертая елка.—2. Фунтъ печенья.—3. Докторъ Топотунъ.—4. Въ школѣ.—5. Маленькій оселъ превращается въ цыпленка.—6. Двоюродный братъ Ниты.—7. Топотунъ женится.—8. Топотунъ превращается въ котенка.—9. Дѣйствительная исторія. Цѣна въ изящной, въ нѣсколько красокъ отпечатанной обложкѣ,—80 коп., въ папкѣ 1 руб. Въ роскошномъ переплетѣ—1 руб. 25 коп.

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

Книга 1. *Сазеракъ-де-Форжъ.* **Человѣкъ сталъ летать.** Прошлое, настоящее и будущее авіаціи. Съ 35 рисунками и съ приложеніемъ краткаго словаря терминовъ авіаціи. Переводъ съ французскаго В. Керженцева. Цѣна въ изящной обложкѣ, напечатанной въ двѣ краски—65 к.

Книга 2. *Германъ Вагнеръ.* **Разсказы о разныхъ замѣчательныхъ растеніяхъ.** Переводъ съ нѣмецкаго В. М. Величкиной. Изданіе второе. 52 рисунка въ текстѣ. Цѣна въ изящной, въ нѣсколько красокъ отпечатанной, обложкѣ—60 коп. Въ папкѣ—85 коп. Въ роскошномъ переплетѣ—1 руб. Первое изданіе Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, а также включено въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманіе при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

Книга 3. *Германъ Вагнеръ.* **Въ полѣ и на лугу.** Разсказы о разныхъ растеніяхъ и камняхъ. Переводъ съ нѣмецкаго В. М. Величкиной. Изданіе второе. 94 рисунка въ текстѣ. Цѣна въ изящной, въ нѣсколько красокъ отпечатанной, обложкѣ—60 коп. Въ папкѣ—85 коп. Въ роскошномъ переплетѣ—1 руб. Первое изданіе Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія включено въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманіе при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

Книга 4. *В. М. Величкина.* **Швейцарія.** Швейцарскія горы; швейцарскіе города и деревни; жизнь швейцарскаго народа. Цѣна въ изящной, въ нѣсколько красокъ отпечатанной, обложкѣ—60 коп. Въ папкѣ—85 коп. Въ роскошномъ переплетѣ—1 руб. Первое изданіе Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

Книга 5. *В. М. Величкина.* **Другъ дѣтей.** Разсказъ о замѣчательномъ швейцарскомъ учителѣ, Генрихѣ Песталоцци. Изданіе третье. Съ тремя рисунками въ текстѣ. Цѣна въ изящной, въ нѣсколько красокъ отпечатанной, обложкѣ—20 коп. Второе изданіе Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Книга 1. *Вурмъ, Э. и Адлеръ, В.* **Алкоголизмъ и рабочіе.** Переводъ съ нѣмецкаго К. Михайловой. Ц. 20 коп.

Книга 2. *М. С. Александровъ.* **Государство, бюрократія и абсолютизмъ въ исторіи Россіи.** Ц. 1 руб.

Книга 3. *Бончъ-Бруевичъ, Владимиръ.* **„Избранныя произведенія русской поэзіи".** Пятое изданіе. Сборникъ стихотвореній на общественные и политическіе мотивы отъ Пушкина и до нашихъ дней. Въ сборникъ вошли 829 произведеній 232 авторовъ. Цѣна 2 рубля.

№ 21744

Книгоиздательство „Жизнь и Знаніе“.

М. АЛЕКСАНДРОВЪ.

ГОСУДАРСТВО, БЮРОКРАТІЯ И АБСОЛЮТИЗМЪ

ВЪ ИСТОРІИ РОССІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Б. М. Вольфа, Невскій, 126 (уг. Суворовскаго просп.).
1910.

2007041865

О ТРЕХЪ КИТАХЪ.

(Вмѣсто предисловія).

Воскресли восьмидесятые годы. Всѣ общественныя кошки становятся сѣрыми. Всѣ вопросы общественно-теоретической мысли рѣшены. Рѣшеніе дано давно,—до бурныхъ дней, пережитыхъ Россіей.

Авторъ менѣе всего хотѣлъ бы спорить съ поэтомъ:

Того, что міръ сіяньемъ одѣвало,
Что въ жизнь влагало смыслъ, забвенью не предать!

Но также мало согласенъ онъ и раздѣлить долю поэта:

И на развалинахъ святого идеала
Одинъ останусь я скорбѣть и проклинать.

Не скорбѣть и проклинать, а жить! Помнить, но и впередъ идти!

И не надо забывать, что старыя надежды—уже развалина.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что онѣ цѣликомъ сокрушены? Нѣтъ! Пусть плачетъ и плюется малодушіе; пусть увѣряетъ, что Россія 1910 года осталась Россіей 1900 года!

Чѣмъ больше бодрости и вѣры, тѣмъ сильнѣе потребность понять: что же въ разбитыхъ надеждахъ было реальностью, и что—утопіей, иллюзіей, самообманомъ?

Источникъ самообмана — не вѣрное представленіе о политическихъ и соціальныхъ отношеніяхъ старой Россіи. Чтобы отдѣлить реальное отъ иллюзорнаго, первое условіе—пересмотрѣть заново основы міровоззрѣнія.

Предстоитъ гигантская общественно-теоретическая работа. Звено за звеномъ будетъ вырываться изъ стараго, чтобъ подвергнуться научной провѣркѣ.

Въ числѣ звеньевъ—и старое воззрѣніе на исторію страны. Признать его негодность — значитъ нарушить цѣльность *всего*, перейти къ испытанью огнемъ и желѣзомъ всѣхъ другихъ звеньевъ.

Представленіе о прошломъ Россіи покоится на ученіи о трехъ китахъ: закрѣпощеніи всѣхъ сословій государству, господствѣ бюрократіи, абсолютизмѣ.

Обратившись съ вопросомъ къ прошлому, чтобы понять настоящее, авторъ получилъ отвѣтъ: всѣ три кита—мифъ. Ученіе о нихъ—обломокъ превзойденной уже ступени развитія русской исторической науки. Этого, впрочемъ, не сознаютъ еще историки-спеціалисты, своими трудами разрушившіе ветхое зданіе...

С.-Петербургъ, 1910 г.

1. Государства въ государствѣ.

Отъ эпохи начала XVI вѣка сохранилось описаніе одного изъ боярскихъ наѣздовъ. Князь Иванъ Лапинъ напалъ на монастырскій дворъ, угналъ коней, ограбилъ имущество и убилъ монастырскаго слугу. На шумъ прискакали сосѣдніе крестьяне и великокняжескій псарь. Одинъ изъ людей князя Лапина,—нѣкій Карпикъ,—былъ взятъ въ плѣнъ: его „къ мертвому Иванкѣ къ ногѣ привязали". Затѣмъ Карпика отправляютъ вмѣстѣ съ убитымъ Иванкою къ намѣстнику въ Каширу. Князь Лапинъ и его люди напали на конвой, „пристава и его понятыхъ учали бити, и стрѣляти, и саблями сѣчи", чтобы отбить Карпика; при этомъ у соцкаго Θилата саблею отсѣкли ногу. Однако бой кончился неудачно для Лапина: онъ самъ попалъ въ плѣнъ; его представили на судъ великаго князя. Казалось бы, съ нынѣшней точки зрѣнія, Ивану Лапину не сдобровать. Получилось не то: по приговору суда, его обязали только вернуть награбленное да уплатить 4 рубля за Ивашкину голову.

Это было на рубежѣ между удѣльнымъ періодомъ и такъ называемымъ самодержавіемъ. Но вотъ самодержавіе уже безспорно утверждено. Полтора столѣтія прошло со времени наѣзда князя Ивана Лапина. Сильно ли измѣнились отношенія между самодержавной и единодержавной государственной властью, съ одной стороны, и отдѣльными землевладѣльцами, съ другой? Повидимому, не такъ ужъ сильно. Въ концѣ XVII вѣка, по свидѣтельству историка, помѣщики въ родѣ князя Лобанова-Ростовскаго нерѣдко выѣзжали на большую дорогу грабить и разбивать „даже государевыхъ мужиковъ съ государевой казною" [1]). Въ самой Москвѣ,—разсказываетъ И. Забѣлинъ,—„праздный боярскій людъ нерѣдко добывалъ себѣ продовольствіе посредствомъ воровства, грабежей и разбоевъ... Въ Москвѣ дѣйствительно бывали такіе боярскіе дворы, мимо которыхъ не было обывателямъ ни проѣзду, ни проходу. Таковы, напримѣръ, были дворы на Дмитровкѣ окольничаго Стрѣшнева, кн. Голицына, кн. Татева" [2]).

Все это было въ XVII вѣкѣ. Вступаетъ на престолъ Петръ I.

---

[1]) И. Забѣлинъ. Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ. В. Евр. 1871 г. №№ 1 и 2.

[2]) Тамъ же № 1 стр. 14.

Энергичный, непреклонный, безпощадный. Государственная власть поднимается на небывалую высоту. Растетъ регулярная армія, состоящая въ постоянномъ и непосредственномъ распоряженіи центральнаго правительства. Каково же отношеніе этого правительства къ боярскимъ наѣздамъ?

Въ 1709 году князь Өед. Юр. Ромодановскій поссорился съ крапивенскимъ воеводой и комендантомъ Левшинымъ. Не долго думая, онъ собираетъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ села Жердева, вооружаетъ ихъ, идетъ съ ними на городъ Крапивну и раззоряетъ построенную у города плетневую крѣпость. Когда же Ив. Левшинъ сошелъ съ воеводства, люди князя Ромодановскаго наѣзжаютъ грабежомъ на Бѣлевскую вотчину бывшаго воеводы, подвергаютъ разграбленію весь домъ и скотъ его, избиваютъ людей,—одного даже убиваютъ. Въ 1711 Левшинъ подаетъ жалобу въ Москву,—и только въ 1717 году получаетъ отвѣтъ, что въ разслѣдованіи по жалобѣ ему отказано за непредставленіемъ явныхъ уликъ (!).

Вообще не только въ XVII вѣкѣ, при Московскомъ самодержавіи, но и въ XVIII,—въ періодъ императорской Россіи,—помѣщичье село,—разсказываетъ К. П. Побѣдоносцевъ [1]),—„представляется какъ будто малымъ государствомъ посреди большого; нельзя не замѣтить, какихъ усилій и трудовъ стоитъ центральной власти проникнуть въ это маленькое государство, утвердить тамъ свою силу, исполнить свое распоряженіе“. Помѣщикъ по нѣсколько лѣтъ не исполняетъ никакихъ требованій правительства и даже, пользуясь вооруженной силой своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, открыто возстаетъ противъ властей. „Явленія этого рода,—продолжаетъ Побѣдоносцевъ,—такъ часто встрѣчаются въ памятникахъ, изданныхъ уже во всеобщее свѣдѣніе, что едва ли нужно приводить примѣры. Но въ памятникахъ, еще не изданныхъ, такихъ примѣровъ еще больше“.

Съ богатымъ не судись,—говоритъ русская поговорка, основанная на долгомъ историческомъ опытѣ. Не судись не только крестьянинъ противъ помѣщика, но и менѣе богатый, менѣе сильный помѣщикъ противъ помѣщика болѣе богатаго и сильнаго. Въ XVII и XVIII вѣкахъ обиженному помѣщику было въ высшей степени трудно вызвать богатаго обидчика даже къ судебному разбирательству. Если же это и удавалось, если судъ и рѣшалъ дѣло въ пользу обиженнаго, то требовались нерѣдко хлопоты въ теченіе десятковъ лѣтъ, чтобы добиться исполненія судебнаго рѣшенія. „Сильный помѣщикъ всѣхъ посыльныхъ отъ суда встрѣчалъ такъ, какъ домохозяинъ встрѣчаетъ шайку грабителей: съ бранью и ругательствомъ, съ дубьемъ и оружіемъ, „собрався со своими крестьяны“... Случалось даже, что пріѣхавшаго подъячаго

[1]) К. П. Побѣдоносцевъ. Историческія изслѣдованія и статьи. СПБ. 1876 г. стр. 160—162.

помѣщикъ приказывалъ бить, сажать на цѣпь, и освобождалъ только по усиленнымъ его просьбамъ. Послѣ нѣсколькихъ посылокъ отвѣтчикъ переѣзжалъ въ другую вотчину, гдѣ повторялись такія же продѣлки; большею частью онъ, если былъ силенъ, оставался безъ всякаго наказанія за ослушаніе. Нерѣдко случалось, что помѣщикъ, вооруживъ поголовно крестьянъ своихъ, отправлялся съ ними раззорять и грабить сосѣднее имѣніе менѣе сильнаго владѣльца... Приказы московскіе наполнены были подобными дѣлами, потому что у воеводы нечего было и надѣяться на управу. Воевода, еслибъ и хотѣлъ, рѣдко въ состояніи былъ справиться съ ослушникомъ, потому что у воеводы часто недоставало солдатъ, кого бъ послать съ приставомъ, за разсылками по другимъ дѣламъ; а у буйнаго ослушника бывала въ распоряженіи цѣлая вооруженная толпа собственныхъ людей и крестьянъ. Въ сыщиковыхъ дѣлахъ XVII и XVIII столѣтій часто встрѣчаются цѣлыя шайки разбойниковъ и грабителей изъ крестьянъ, разъѣзжавшія по дорогамъ подъ предводительствомъ своего помѣщика".

Таково краткое и яркое описаніе отношеній между помѣщикомъ и государственной властью, данное Побѣдоносцевымъ. Поклонникъ современнаго всесильнаго государства, авторъ останавливается въ изумленіи передъ нарисованной имъ картиной. Онъ видитъ въ ней только хаосъ, безпорядокъ, неустройство. Съ оттѣнкомъ грусти онъ замѣчаетъ, что „при всѣхъ подобныхъ неустройствахъ, сопряженныхъ съ безусловной помѣщичьей властью, она всетаки была нераздѣльною принадлежностью тогдашняго общественнаго быта". Еще въ большемъ изумленіи и недоумѣніи остановится, вѣроятно, передъ данными фактами современный рядовой читатель: вѣдь онъ воспитанъ на представленіи о грозной, всепроникающей, всепокоряющей силѣ московскаго самодержавія, олицетворяемаго всесильнымъ самодержцемъ на московскомъ престолѣ. Вѣдь это самодержавіе, это „государство" закрѣпостило „всѣ сословія"; по своему произволу оно создавало новыя сословія и упраздняло старыя; оно же, раздавая землю въ помѣстья, само и создавало классъ или сословіе помѣщиковъ. Это „самодержавіе" было, по ходячему представленію, первоисточникомъ чуть ли не всѣхъ политическихъ и экономическихъ отношеній. Какъ же совмѣстить со всѣмъ этимъ тотъ фактъ, что помѣщичье село было маленькимъ государствомъ среди большого,—притомъ государствомъ, хоть и маленькимъ, но отъ большого довольно-таки независимымъ? Не была ли сравнительная независимость помѣстья лишь случайнымъ явленіемъ, результатомъ временнаго ослабленія самодержавія? Не была ли она только ослушаніемъ, злоупотребленіемъ? Или корни ея лежатъ глубже? Или ходячія представленія объ отношеніяхъ между „общественнымъ бытомъ" и всесильнымъ „государствомъ", закрѣпощающимъ *всѣ* сословія, требуютъ по меньшей мѣрѣ провѣрки?

Объ этихъ ходячихъ представленіяхъ мы будемъ имѣть случай говорить подробно. Раньше же постараемся выяснить происхожденіе и сущность явленія, описаннаго Побѣдоносцевымъ и многими другими историками.

Заглянемъ на минуту въ глубь вѣковъ.

Уже на зарѣ русской исторіи замѣчается черта, характерная вообще для средневѣковья: общинные союзы разрушаются, выдѣляется крупное землевладѣніе. „На западѣ и у насъ одинаково въ теченіе средневѣковья древніе общинные союзы борются съ крупнымъ землевладѣніемъ, община борется съ боярщиной, и боярщина къ концу среднихъ вѣковъ, при содѣйствіи княжеской власти, вполнѣ торжествуетъ надъ общиной“ [1]). Въ кіевскомъ періодѣ мы имѣемъ такъ называемыхъ земскихъ бояръ, образовавшихся въ средѣ днѣпровскихъ и ильменскихъ славянъ еще до варяговъ. Это были богатые землевладѣльцы и рабовладѣльцы, мужественные воители,—сильнѣйшіе люди въ странѣ. Они имѣли прочную осѣдлость и тѣсную связь съ населеніемъ. Затѣмъ являются дружинники, бояре княжескіе, варяжскіе витязи. Первоначально они не имѣютъ земельныхъ владѣній, а живутъ военной добычей и содержаніемъ, получаемымъ отъ князей.

Представляло ли собою ихъ появленіе призваніе, пришествіе или нашествіе варяговъ,—для насъ не важно.

А важно то, что и эти „княжескіе бояре“, подвижные дружинники, скоро, какъ и ихъ князья, пріобрѣтаютъ осѣдлость, становятся землевладѣльцами, связанными съ окрестнымъ населеніемъ постоянными и прочными имущественными отношеніями. Исчезаетъ даже національное различіе между земскою и княжескою знатью; исчезаетъ и разница въ ихъ отношеніяхъ къ своему военному вождю и самому крупному землевладѣльцу, къ князю: „многіе земскіе бояре поступаютъ въ число дружинниковъ и становятся княжескими слугами, не теряя своего земскаго значенія, въ то время какъ княжескіе бояре постепенно пріобрѣтаютъ это значеніе, благодаря земельной осѣдлости. Замѣтно различавшіеся первоначально оба слоя знати такимъ образомъ сливаются въ одинъ классъ боярства... Лѣтопись уже не различаетъ тѣхъ и другихъ. Новые кіевскіе и владимірскіе дружинники являются такими же боярами, какъ и бояре Великаго Новгорода, эти несомнѣнные потомки древней, туземной земской знати... Новгородское боярство сохранило дольше боярства другихъ областей самостоятельное значеніе, но и изъ новгородскихъ бояръ многіе служили князьямъ“ [2]).

„Бояре служили князьямъ“, но было бы грубой ошибкой предста-

---

[1]) Н. П. Сильванскій. Феодализмъ въ древней Руси. СПБ. 1907. Стр. 53.

[2]) Н. Павловъ-Сильванскій. Государевы служилые люди. Происхожденіе русскаго дворянства. СПБ. 1898. Госуд. тип. Стр. 16.

влять себѣ эту службу въ томъ видѣ, въ какомъ всякая вообще служба представляется намъ теперь. Точно также и наличность княжеской власти еще не даетъ основанія думать, что княжество являлось государствомъ въ нынѣшнемъ значеніи этого слова. Въ тѣ времена сношенія между людьми были рѣдки, товарно-денежнаго хозяйства почти еще не существовало; а въ періодъ почти полнаго господства натуральнаго хозяйства, когда люди живутъ каждый „особѣ“ или неболь шими группами, не можетъ образоваться и крупныхъ политическихъ единицъ. Поскольку же политическое объединеніе происходитъ, оно ограничиваетъ свои цѣли преимущественно защитой отъ набѣговъ ближайшихъ сосѣдей. Органы политической организаціи еще мало регулируютъ хозяйственныя отношенія, мало проникаютъ въ глубь повседневной жизни. Тѣмъ самымъ всякая мѣстная сила экономическая получаетъ значеніе и самостоятельной политической силы. А такъ какъ основой экономическаго господства являлось землевладѣніе, то естественно, что землевладѣльцу же, каждому въ отдѣльности, принадлежала и политическая власть, какъ самостоятельной политической единицѣ.

Ограниченіе политической самостоятельности каждаго отдѣльнаго землевладѣльца въ пользу организаціи землевладѣльцевъ—медленный процессъ. Онъ тѣсно и непосредственно связанъ съ ростомъ денежнаго хозяйства, объединяющаго населеніе въ процессѣ хозяйственной дѣятельности. Пока хозяйственное объединеніе слабо,—слаба и организація землевладѣльцевъ, слаба власть государства. Каждый землевладѣлецъ обладаетъ почти всѣми правами князя, свободенъ отъ вмѣшательства князя въ жизнь той территоріи, которою онъ владѣетъ. Такимъ образомъ въ Россіи „поземельный владѣлецъ, какъ замѣчаетъ Неволинъ, получалъ многія права державной власти и становился въ своей вотчинѣ какъ бы княземъ. Чѣмъ были князья вообще по отношенію къ своимъ вотчиннымъ владѣніямъ, тѣмъ дѣлался на основаніи своей жалованной грамоты частный вотчинникъ по отношенію къ своей вотчинѣ; онъ получалъ правительственную власть надъ лицами, жившими на его землѣ, дѣлался посредникомъ между ними и княземъ“ [1]).

Въ только что приведенной цитатѣ правильно говорится о землевладѣльцахъ или вотчинникахъ, какъ о носителяхъ части державныхъ правъ; и совершенно неправильно,—поскольку рѣчь идетъ о происхожденіи этихъ правъ, о томъ, будто вотчинникъ „дѣлался“ чѣмъ то на основаніи своей жалованной грамоты. Ибо извѣстно, что эти жалованныя грамоты не давали вотчиннику ничего новаго, а только регистрировали и закрѣпляли тѣ права, которыми вотчинникъ обладалъ уже раньше. Онѣ не творили новаго права, а гарантировали признаніе права, уже существующаго.

---

[1]) Тамъ же стр. 18.

Богатый боярин-вотчинникъ обладалъ на территоріи своихъ владѣній правомъ суда, управленія и сбора налоговъ. Лишь впослѣдствіи, медленно и частями, началось ограниченіе этихъ правъ въ пользу общей организаціи землевладѣльцевъ. Изъ права суда, напримѣръ, стали исключаться дѣла о душегубствѣ, разбоѣ и татьбѣ съ поличнымъ. „А волостели мои и тіуны, — сказано въ жалованной грамотѣ, выданной Иваномъ Калитой Ивану Петелину,—доводчиковъ своихъ не всылаютъ къ Ивану и ко всѣмъ его людямъ ни по что, ни кормовъ не емлютъ, ни судятъ ихъ ни въ чемъ, опричь душегубства и татьбы съ поличнымъ, а праветчики поборовъ не берутъ у нихъ, ни въѣзжаютъ ни по что. А вѣдаетъ свои люди самъ Иванъ или кому прикажетъ“.

Самая территорія княжества не представляла собою чего либо постояннаго и нерушимаго. Боярин могъ „перейти на службу“ къ другому князю, — вмѣстѣ съ тѣмъ переходила изъ княжества въ княжество и вся территорія, подвластная боярину. Лишь съ конца XIV вѣка, по словамъ Павлова-Сильванскаго [1]), князья начинаютъ, договариваясь между собою, вводить пунктъ о томъ, что вотчина отъѣхавшаго боярина остается въ составѣ государственной территоріи того князя, въ чертѣ владѣній котораго она находится. Это новое правило, ограничивающее державныя права землевладѣльца, получило себѣ выраженіе въ формулѣ: „судомъ и данью потянути по землѣ и по водѣ“,—т. е. въ отношеніи суда и дани всѣ отвѣтственны передъ властями по мѣсту осѣдлости.

Крупнымъ вотчинникамъ въ отношеніи суда и управленія подчинены были не только крестьяне, жившіе на ихъ земляхъ, но и другіе, менѣе сильные, самостоятельные вотчинники. Такимъ образомъ „бояринъ, слуга князя, имѣлъ въ свою очередь слугъ вотчинниковъ, стоявшихъ къ нему въ такихъ же служебныхъ отношеніяхъ, какія самъ онъ имѣлъ къ своему князю... Бояре, служившіе подручному удѣльному князю, выступая въ походъ съ войсками великаго князя, шли особымъ полкомъ, подъ стягомъ своего удѣльнаго князя“ [2]).

Великій князь, удѣльный князь, крупный вотчинникъ на службѣ князя, мелкій вотчинникъ на службѣ у крупнаго,—мы видимъ іерархію взаимнозависимыхъ людей, не говоря уже о крестьянахъ, подвластныхъ вотчиннику. Какимъ образомъ образовалась эта іерархія? Была ли она насильственнымъ союзомъ, созданнымъ сверху, путемъ завоеванія и покоренія великимъ княземъ подъ ноги свои всякаго сосѣда? Или же къ созданію такой іерархіи обнаружилось тяготѣніе снизу, и она была результатомъ повседневной, „мирной“ экономической эволюціи? Приходится отвѣтить: и то, и другое. Этихъ двухъ процессовъ нельзя раздѣлять. Требованія экономическаго развитія, постепенно назрѣвая,

---

[1]) Тамъ же стр. 25. [2]) Тамъ же, стр 20—21.

сплошь и рядомъ получаютъ себѣ окончательное признаніе только путемъ насильственнаго акта,—политическаго переворота, завоеванія. И наоборотъ: завоеваніе, политическій переворотъ только тогда оказываются жизненными, когда они отвѣчаютъ новымъ потребностямъ хозяйственной жизни. И ошибка поверхностнаго наблюденія заключается въ томъ, что оно видитъ только внѣшній актъ, напримѣръ завоеваніе, тамъ, гдѣ источникомъ перемѣны политическихъ отношеній являются мало-замѣтныя измѣненія въ потребностяхъ хозяйственной жизни.

2. Вотчина государя-царя.

Мы уже упоминали о борьбѣ между боярствомъ и общиной въ древней Руси; мы видѣли, что въ результатѣ этой борьбы получилось торжество боярщины, крупнаго землевладѣнія. Эта борьба не могла не возникнуть въ эпоху возникновенія земледѣльческаго хозяйства. Для хлѣбопашества нужны были средства, — скотъ, орудія, запасы,—на время подготовки пашни и до урожая. У рядового общинника такихъ средствъ не было, и первобытная община, какъ цѣлое, не выработала методовъ взаимной помощи своимъ членамъ въ дѣлѣ, которое въ наши дни называется организаціей мелкаго кредита. За то въ первобытной общинѣ или рядомъ съ нею всегда находился благодѣтель, готовый выручить бѣдняка за ростовщическій процентъ. Находились благодѣтели и на случай неурожая въ общинахъ съ уже развившимся хлѣбопашествомъ. Это были люди, успѣвшіе округлить свои владѣнія и сдѣлать запасы корма, зерна и т. д. Затѣмъ уже, разъ создавшись, крупное землевладѣніе естественно растетъ; растетъ и рабочая сила, которою оно располагаетъ: рабы, закабаленные крестьяне. Разрушеніе общинной связи, появленіе „сильныхъ“ людей, — сильныхъ не только богатствомъ, но и воинской силой вооруженныхъ холоповъ и крестьянъ,— дѣлаетъ положеніе уцѣлѣвшихъ общинниковъ крайне не прочнымъ. Бояринъ со своими людьми можетъ наѣхать, разорить, ограбить, убить. Негдѣ искать защиты, кромѣ какъ у того же державнаго боярина. Цѣлыя общины и отдѣльные крестьяне добровольно отдаются во владѣніе боярамъ, чтобы найти у нихъ покровительство и защиту,—какъ отъ людскихъ нападеній, такъ и отъ стихійныхъ бѣдствій. „На западѣ такая отдача себя подъ защиту называлась коммендаціей, у насъ— закладничествомъ, отъ слова закладываться, въ смыслѣ укрываться, задаваться“ [1]).

Такъ возникаетъ на мѣстѣ стараго, общиннаго, новый іерархическій союзъ людей, экономически различныхъ по силѣ, а потому и

[1]) Н. П. Сильванскій. Феод. въ др. Руси, стр. 61.

политически неравноправныхъ. И такая іерархическая ячейка вовсе не была результатомъ только насилія: она соотвѣтствовала интересамъ,— а слѣдовательно и правосознанію,—массы населенія. Изъ этихъ іерархически-организованныхъ союзовъ впослѣдствіи вырабатывается то, что мы знаемъ подъ именемъ крѣпостной вотчины и помѣстья. Крѣпостное право, какъ превзойденная ступень развитія, вызываетъ въ насъ очень недобрыя воспоминанія. Но если перенестись въ глубь прошлаго и представить себѣ тогдашнія условія жизни, то придется признать, что и крѣпостное право въ свое время было явленіемъ прогрессивнымъ. Крѣпостное право было, конечно, выгодно прежде всего крупнымъ землевладѣльцамъ. „Но нельзя забывать и того,—говоритъ Н. Рожковъ,— что въ одномъ отношеніи крѣпостное право шло навстрѣчу настоятельной потребности крестьянской массы, — потребности въ матеріальной поддержкѣ, которая спасла бы крестьянство отъ голодной смерти въ годы неурожаевъ и вообще помогла бы ему пережить тяжелый переходный моментъ перестройки всего своего быта съ натурально-хозяйственной основы на основу денежно-хозяйственную, по крайней мѣрѣ отчасти. Вѣдь владѣлецъ крѣпостныхъ крестьянъ былъ заинтересованъ въ сохраненіи ихъ жизни и минимума средствъ существованія, потому что нуждался въ рабочихъ и въ доходахъ со своей земли. Потому онъ и оказывалъ своимъ крестьянамъ необходимую для нихъ матеріальную поддержку“ [1]). Нужно еще имѣть въ виду, что при слабости землевладѣльческой организаціи (слабости государства) крестьянинъ сравнительно легко могъ избѣгнуть власти своего помѣщика, — и помѣщикъ вынужденъ былъ не слишкомъ сильно эксплоатировать своего крестьянина. Всѣ условія жизни,—и экономическая необходимость, и политическая необезпеченность, и невозможность чрезмѣрной эксплоатаціи,— вели къ тому, что отдача себя въ зависимость, — закладничество,— была сильно развита въ древней Руси. „Человѣкъ отдавался или продавался добровольно въ холопы, давалъ на себя кабалу. Отпущенный на волю по завѣщанію умершаго господина, холопъ спѣшилъ закабалить себя наслѣднику покойнаго господина или другому кому-нибудь“ [2]).

Закладничество продолжается у насъ вплоть до конца XVII вѣка. Въ концѣ этого вѣка въ Москвѣ случилось удачное возстаніе стрѣльцовъ: они стали господами положенія. Боярскаго войска въ Москвѣ не было, но оно могло вскорѣ прійти. Чтобы укрѣпить свое положеніе, стрѣльцы пытаются привлечь на свою сторону холоповъ. Они объявляютъ ихъ вольными и уничтожаютъ кабалы въ Холопьемъ Приказѣ. „Но къ ужасу возставшихъ, — самодовольно замѣчаетъ идеологъ дво-

[1]) Н. Рожковъ. Происхожденіе самодержавія въ Россіи. М. 1906 стр. 63.

[2]) С. М. Соловьевъ. Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ. М. 1872 г. стр. 15.

рянскаго государства,—холопы не двинулись массою и воли не взяли; да и на что бы они взяли, когда многіе изъ нихъ недавно закабалились добровольно, находя это для себя выгоднымъ?" [1]).

Но тѣ же самыя условія, которыя заставляли бѣдноту закладываться за болѣе или менѣе состоятельныхъ землевладѣльцевъ, вынуждали и землевладѣльцевъ менѣе крупныхъ закладываться за болѣе крупныхъ, — за князей. Бояре увеличиваютъ свои владѣнія на счетъ общинъ и волостей,—князья обезпечиваютъ боярскія пріобрѣтенія, выдавая „жалованныя грамоты", обѣляя ихъ отъ волостного тягла. Образуется новый, болѣе крупный іерархическій союзъ: бояре землевладѣльцы во главѣ съ княземъ, и подъ ними — крестьянская масса. Послѣдняя закабалена частью отдѣльнымъ боярамъ, частью—организаціи бояръ въ цѣломъ: эта вторая часть номинально числится княжеской собственностью; бояре являются ея господами черезъ посредство князя, поскольку князь безпомощенъ безъ бояръ и противъ бояръ.

Организованность боярства является новымъ толчкомъ къ его росту: нуждаясь въ боярахъ, князь уже не только закрѣпляетъ жалованными грамотами наличное боярское владѣніе, но и дѣйствительно „жалуетъ" новыя владѣнія,—отдѣльныя села и цѣлыя волости. Такъ экономическое господство, создавая политическую силу господствующаго класса, ускоряетъ обогащеніе послѣдняго, укрѣпляетъ и усиливаетъ его. Въ то же время высшій представитель политической организаціи, князь, является высшимъ выразителемъ той идеи, выразителями которой были отдѣльные бояре въ глазахъ закладниковъ: бояре были „благодѣтелями", защитниками заложившихся за нихъ холоповъ,— естественно, что въ глазахъ тѣхъ же холоповъ и крестьянъ высшій боярин, князь, былъ верховнымъ покровителемъ и защитникомъ всѣхъ обездоленныхъ и угнетенныхъ.

Отдѣльныя части широкой равнины,—родины Государства Россійскаго,—были долго разъединены „страшными дебри и непроходимыми блаты". Общеніе между отдаленными и разъединенными частями было слабо при господствѣ натуральнаго хозяйства. Каждая область жила обособленной жизнью,—и государственныя организаціи не выходили изъ сравнительно тѣсныхъ предѣловъ. И внутри области, внутри отдѣльной государственной организаціи (удѣльнаго княжества) власть цѣлаго надъ отдѣльными частями была слаба и не проникала глубоко. Бояре-землевладѣльцы сохраняютъ большую или меньшую часть своихъ державныхъ правъ. Права князей остаются ограниченными; органы государства, подчиненные непосредственно князю, не имѣютъ права въѣзда въ боярскія владѣнія.

Въ „жалованныхъ" грамотахъ постоянно повторяется напомина-

---

[1]) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Изд. Общ. П. Кн. Ш стр. 905.

ніе объ ограниченности княжескихъ правъ: „а волостели мои въ околицу его не въѣзжаютъ“; „а намѣстники мои и волостели и ихъ тіуны не въѣзжаютъ“ ни къ вотчинникамъ, ни къ „ихъ людямъ ни по что“.

Впослѣдствіи, по мѣрѣ того какъ складывались болѣе крупныя политическія единицы, іерархія землевладѣльцевъ росла и въ ширь, и вверхъ. Мелкіе князья и княжата „служатъ“ великимъ князьямъ, бояре—князьямъ, боярамъ—менѣе сильные вотчинники, а подъ ними далеко внизу—крестьянинъ-земледѣлецъ. Затѣмъ, вмѣстѣ съ ростомъ денежнаго хозяйства и оживленіемъ сношеній, московскій великій князь получаетъ перевѣсъ надъ другими великими князьями. Одно княжество за другимъ,—то волей, то неволей,—присоединяется къ Москвѣ; но этимъ присоединеніемъ не уничтожаются совершенно политическія права князей-землевладѣльцевъ: „Наравнѣ съ московскими боярами, княжата служатъ воеводами: военными начальниками и городскими намѣстниками. Но эти новые московскіе воеводы остаются князьями-государями въ предѣлахъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній. „Слуга“ московскаго великаго князя остается у себя дома княземъ-сеньоромъ“ [1]). „Приходя на службу московскимъ государямъ съ своими вотчинами, въ которыхъ они пользовались державными правами,— говоритъ С. Ѳ. Платоновъ, — удѣльные князья и ихъ потомство обыкновенно не теряли этихъ вотчинъ и на московской службѣ. Они только переставали быть самостоятельными политическими владѣтелями, но оставались господами своихъ земель и людей со всею полнотою прежней власти. По отношенію къ московскому государю они становились слугами, а по отношенію къ населенію своихъ вотчинъ были по прежнему государями“.

Мнѣ уже приходилось упоминать о томъ, что жалованныя грамоты вовсе не были актами пожалованія, подарка и т. п. „Не слѣдуетъ думать,—замѣчаетъ Н. Рожковъ,—что дача жалованныхъ грамотъ князьями свидѣтельствуетъ о происхожденіи всѣхъ этихъ преимуществъ изъ княжескаго пожалованія; жалованныя грамоты только формулировали давно сложившійся и господствовавшій обычай и подтверждали, укрѣпляли права, подобно тому, какъ теперь имущественныя права нуждаются въ нотаріальномъ актѣ укрѣпленія“.

Историкъ нашихъ дней, узнавая объ этомъ „господствовавшемъ обычаѣ“ и объ „укрѣпленіи права“, уже существующаго, преимущественно изъ жалованныхъ грамотъ, незамѣтно усваиваетъ жаргонъ данныхъ документовъ и сбивается на представленіе, будто жалованныя грамоты были первоисточникомъ правъ вотчинниковъ и князей. Такъ Милютинъ утверждалъ, что *слѣдствіемъ* жалованныхъ грамотъ было у насъ образованіе полунезависимыхъ и замкнутыхъ въ себѣ государствъ

---

[1]) Н. П. Сильванскій. Феодализмъ въ древней Руси. Стр. 86.

въ государствѣ. Или, по словамъ Неволина, *на основаніи* жалованныхъ грамотъ поземельный владѣлецъ *получалъ* многія права державной власти и становился въ своей вотчинѣ какъ бы княземъ [1]). Такимъ образомъ слѣдствіе ставилось историками на мѣсто причины и обратно; полученіе новаго права находили тамъ, гдѣ была только формулировка стараго права; вмѣсто отказа отъ части державныхъ правъ вотчинникомъ или княземъ говорили о дарованіи ему правъ, на самомъ дѣлѣ только сохраненныхъ; и въ концѣ концовъ видѣли умаленіе и раздробленіе власти тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ происходило ея усиленіе и объединеніе [2]).

Объединеніе было неизбѣжнымъ результатомъ развитія денежнаго хозяйства. Часто говорятъ, будто русская исторія до 1861 года была эпохой господства натуральнаго хозяйства. „Утверждать это, — возражаетъ Н. Рожковъ,—значитъ безнадежно смѣшивать эпоху дѣйствительно натуральнаго хозяйства съ періодомъ хозяйства денежнаго, мѣнового, товарнаго, но докапиталистическаго". Періодъ докапиталистическаго денежнаго хозяйства отличается отъ болѣе ранняго періода натуральнаго хозяйства тѣмъ, что уже довольно значительная масса продуктовъ производится для продажи, что деньги уже начинаютъ играть роль во многихъ хозяйствахъ; отъ періода же капиталистическаго онъ отличается въ конечномъ счетѣ тѣмъ, что работникъ еще не разъединенъ отъ средствъ производства и не появляется на рынкѣ въ качествѣ продавца своего единственнаго товара,—своей рабочей силы.

Денежное хозяйство начинаетъ завоевывать себѣ мѣсто уже въ Россіи второй половины XVI вѣка. И притомъ Россія остается почти исключительно производительницей продуктовъ сельскаго хозяйства [3]). Доказательства того, что какъ разъ въ XVI вѣкѣ замѣчается быстрый ростъ денежнаго хозяйства, собраны Н. Рожковымъ [4]). Именно въ это время открывается торговый путь черезъ Бѣлое море и заключается первый торговый договоръ между Англіей и Россіей. Въ Холмогорахъ, а потомъ въ Архангельскѣ и другихъ городахъ, образовались новые рынки для внѣшней торговли, не уступавшіе Новгороду. По дорогѣ

---

[1]) Цит. по книгѣ Н. П. Сильванскаго. Феод. въ др. Руси стр. 81.

[2]) Къ сожалѣнію, этой общей ошибки русскихъ историковъ не избѣгъ и Н. П. Сильванскій. Онъ говоритъ, напримѣръ, объ „обезсиленіи" центр. власти, о томъ, что области „обособлялись" и т. п. См. Феод. др. Руси. Стр. 91.

[3]) „Никто не оспариваетъ и не будетъ оспаривать того, что одной изъ основныхъ чертъ народнаго хозяйства въ Московскомъ государствѣ XVI и первой половины XVII вѣка является первенствующая роль сельскаго хозяйства, въ частности земледѣлія. Это положеніе настолько общепринято, что совершенно не нуждается въ доказательствахъ". Н. Рожковъ. Происхожденіе самодержавія въ Россіи. Стр. 40.

[4]) Денежное хозяйство и формы землевладѣнія въ новой Россіи. См. сб. *Н. Рожковъ*. Историческіе и соціологическіе очерки. М. 1906.

отъ Москвы къ этимъ рынкамъ оживляется рядъ городовъ. Почти одновременно замѣчается значительное оживленіе внутренняго обмѣна; растутъ торжки и ярмарки. Сѣть торговыхъ дорогъ покрываетъ страну; изъ Москвы идутъ семь дорогъ по всѣмъ направленіямъ; изъ одного только Ярославскаго края ежедневно приходятъ въ Москву на продажу 700—800 возовъ зерна. Вмѣстѣ съ ростомъ торгово-денежныхъ оборотовъ, съ увеличеніемъ въ странѣ количества денегъ, натуральные оброки крестьянъ въ большей или меньшей мѣрѣ переводятся на денежные. Во всѣхъ вотчинахъ, напримѣръ, Троицкаго-Сергіева монастыря, расположенныхъ въ центральныхъ уѣздахъ, натуральный оброкъ совершенно исчезаетъ. Одновременно замѣчается и частичный переходъ отъ натуральныхъ государственныхъ повинностей къ денежнымъ Стоимость рубля быстро падаетъ, стоимость сельско-хозяйственныхъ продуктовъ повышается: въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣковъ рубль стоилъ, на наши деньги, 94 рубля: во второй половинѣ XVI вѣка — не болѣе 25 рублей. Ростъ денежнаго хозяйства,—ростъ обмѣна и развитіе торговыхъ сношеній,—должны были преодолѣть „дебри и блата“ не только естественныя, но и политическія,—дебри и блата политической разрозненности. Слагается новая, крупнѣйшая политическая единица, — Московское государство, построенное, конечно, по исконному іерархическому типу. Во главѣ государства—одно лицо. Но рядомъ съ нимъ, тутъ же въ Москвѣ и, какъ органы Москвы, въ уѣздахъ сплачивается землевладѣльческая организація, дѣйствительныя душа и тѣло того организма, который принято называть московскимъ самодержавіемъ. Основной причиной установленія самодержавія,—говоритъ Н. Рожковъ,—является въ конечномъ счетѣ зарожденіе и первоначальное развитіе денежнаго хозяйства съ обширнымъ рынкомъ [1]). Ту же мысль, лишь въ видѣ болѣе общихъ положеній, высказываетъ и Н. П. Сильванскій: „Обширное централизованное государство не соотвѣтствовало эпохѣ натуральнаго хозяйства, которое препятствовало централизаціи, связности частей, разрывая области на множество самодовлѣющихъ хозяйственныхъ мірковъ. Необходимую для обширнаго централизованнаго государства связность частей даетъ гораздо позже денежное хозяйство, связывающее части страны въ одно цѣлое торговымъ обмѣномъ, обусловливающее культурное объединеніе, нивелировку племенъ, наконецъ, накопляющее въ одномъ изъ пунктовъ средоточія власти капиталы, необходимые для прочнаго господства центра надъ окраинами“ [2]).

Оффиціальное признаніе самодержавія въ Россіи слѣдуетъ отнести къ 1625 году. Въ этомъ году царь извѣщалъ воеводъ о томъ, что сдѣлана по его указу новая государственная печать, больше прежней

---

[1]) Н. Рожковъ. Происхожденіе самодержавія въ Россіи. Стр. 208.

[2]) Феодализмъ въ др. Руси. Стр. 89—90.

такъ какъ на прежней печати „наше государское титло описано было не сполна, а нынѣ прибавлено на печати въ подписи „самодержецъ“. Исторически же установленіе самодержавія относятъ къ болѣе длительному періоду, къ концу XVI и первой половинѣ XVII вѣка. Остановимся на выясненіи сущности этого новаго историческаго явленія.

Самодержецъ московскій, выросшій изъ великаго князя удѣльнаго, не могъ не сохранить многихъ чертъ великокняжескаго политическаго и соціальнаго положенія. Что же касается удѣльныхъ великихъ князей, то въ настоящее время врядъ ли найдется много противниковъ той мысли, что удѣльное княжеское управленіе, какъ выражается Ключевскій, было довольно точной копіей устройства древне-русской боярской вотчины. Къ этой мысли всецѣло присоединяется Н. П. Сильванскій. Н. Рожковъ признаетъ, что удѣльное княжество было типическимъ вотчиннымъ государствомъ; верховная власть въ немъ не только принципіально, но и фактически не отдѣлялась отъ землевладѣнія; князь былъ носителемъ верховной власти именно потому, что онъ владѣлъ землей; верховныя права князя были принадлежностью (аттрибутомъ) земельнаго владѣнія. С. Ѳ. Платоновъ переноситъ эти характерныя черты княжеской власти и на болѣе поздній періодъ. „Когда вы изучаете строй сѣверныхъ удѣльныхъ княжествъ и развившагося изъ нихъ *государства московскаго*, параллельно съ хозяйственнымъ устройствомъ крупной боярской вотчины XVII вѣка,—говоритъ Платоновъ,—васъ поражаетъ сходство внутренней организаціи въ этихъ трехъ видахъ русскаго земельнаго владѣнія. Боярская вотчина—это миніатюра московскаго государства, и по первому впечатлѣнію вы не знаете, что подумать: государство ли слагалось по образцу вотчины, или частное вотчинное хозяйство по образцу государственнаго? Но ясенъ здѣсь историческій процессъ: государство въ данномъ случаѣ родилось изъ вотчины и сохранило ея черты, сохранило до нѣкоторой степени даже и въ XVII вѣкѣ“ [1]).

Раньше всѣхъ этихъ историковъ и болѣе рѣшительно высказался въ томъ же смыслѣ Ив. Забѣлинъ. Москва—по Забѣлину—была, въ смыслѣ государства, ничѣмъ инымъ, какъ типическимъ высшимъ видомъ старинной русской вотчины. Общая государственная политика была въ сущности только наиболѣе полнымъ выразителемъ частныхъ вотчинныхъ отношеній“ [2]). Описывая вотчинные порядки боярина Бор. Ив. Морозова, Ив. Забѣлинъ замѣчаетъ: „Его вотчинные... очень разумные порядки вполнѣ могутъ объяснять систему его дѣлъ государствен-

---

[1]) Лекціи по русской исторіи. Стр. 399.

[2]) Ив. Забѣлинъ. Большой боярин въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ В. Евр 1871 г. № 2 стр. 500.

ныхъ“ [1]). Царь въ своей жизни, въ своемъ домашнемъ быту оставался типомъ хозяина, главы дома,—„типическимъ явленіемъ того строя жизни, который служитъ основою экономическаго, хозяйскаго быта во всемъ народѣ... Различіе обнаруживалось только въ большемъ просторѣ, въ большей *прохладѣ*, съ которою проходила жизнь во дворцѣ, а главное—только въ богатствѣ“ [2])... Московскій государь оставался тѣмъ же княземъ-вотчинникомъ. Вотчинный типъ отражался на всѣхъ мелочахъ его домашней жизни и домашняго хозяйства. Вотчинный типъ обозначился и въ самомъ устройствѣ Москвы: въ сущности, это была помѣщичья усадьба, стоявшая среди деревень и слободъ, которыя большей частью имѣли служебное назначеніе въ хозяйствѣ царя-вотчинника (тамъ же стр. 10 и 13). Царь-вотчинникъ для повседневныхъ нуждъ своего обихода имѣлъ 30 погребовъ, изъ которыхъ ежедневно выходило до 100 ведеръ вина; на житномъ дворѣ 300 житницъ; на коровьемъ дворѣ подъ Москвою 200 коровъ, да въ ближнихъ селахъ коровьи дворы; въ однихъ только московскихъ садахъ 14,545 деревъ яблонныхъ и т. д. и т. п. Сверхъ того отовсюду скупаются продукты и везутся въ Москву. Все это потребляется окружающими царя, получающими готовые обѣды и ужины (подачи) съ царскаго стола. При задержкѣ въ полученіи подачи раздаются требованія, производятся разслѣдованія [3])...

Самое слово „государь“ первоначально обозначало просто хозяина-собственника, главу семьи, вотчинника. Домострой XVI вѣка для наименованія хозяина и хозяйки не знаетъ другого слова, какъ государь, государыня. „Именемъ государь обозначался извѣстный типъ жизненныхъ отношеній, именно властный, оборотная сторона котораго выставляла противоположный типъ раба, холопа или вообще слуги“ [4]). Князья, становясь землевладѣльцами, естественно пріобрѣтали новое званіе государей. Взамѣнъ прежняго слова „княжить“ явилось новое: государить; и вмѣсто „княжество“ начинаетъ употребляться слово „государство“, какъ болѣе точно выражающее хозяйское отношеніе къ землѣ бывшаго владѣльца княжества. Значеніе государя между государями пріобрѣлъ князь московскій. Это былъ, по словамъ Ив. Забѣлина, „помѣщикъ съ широкими, царственными размѣрами жизни, которые явились почти незамѣтно, сами собой, какъ необходимое, совершенно неизбѣжное условіе новыхъ политическихъ отношеній и потребностей“.

Фактическому происхожденію и соціальному положенію самодержца соотвѣтствовали и московскія представленія о государствѣ. Государ-

---

[1]) Тамъ же № 1 стр. 8.

[2]) Ив. Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей. М. 1895. Стр. 4.

[3]) С. М. Соловьевъ. Ист. Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XIII стр. 695—696.

[4]) Ив. Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей. Стр. 5—9.

ство понималось, какъ государево хозяйство, въ составъ котораго входили, какъ хозяйственныя статьи, различные классы населенія. Все должно было подчиняться интересу хозяина земли; законъ носилъ характеръ хозяйственнаго распоряженія [1]). Царь Иванъ III говорилъ, что „вся русская земля изъ старины отъ нашихъ прародителей наша отчина".

Московскій царь-вотчинникъ, царь—самый богатый помѣщикъ никоимъ образомъ не можетъ разсматриваться только какъ политическая величина, только какъ царь. Онъ прежде всего, по своему соціальному положенію, хозяинъ-землевладѣлецъ. Поэтому все, что было выгодно классу землевладѣльцевъ, что повышало ихъ доходъ, укрѣпляло господство, — все это было выгодно и московскому царю, повышало *его* доходы, укрѣпляло *его* господство. Наоборотъ, всякій ущербъ, наносимый землевладѣльцамъ, немедленно и непосредственно являлся ущербомъ для царскаго хозяйства. Понятно поэтому, что никакія мѣры, подрывающія благосостояніе землевладѣльцевъ и идущія на пользу закрѣпощеннымъ крестьянамъ, не могли исходить отъ царя.

Всякія притязанія крестьянства должны были встрѣчать отпоръ со стороны высшаго представителя политической власти; напротивъ, притязанія землевладѣльческаго класса въ цѣломъ, его попытки усилить эксплоатацію крестьянства должны были въ московской центральной организаціи землевладѣльцевъ встрѣчать себѣ сочувственный откликъ. И чѣмъ болѣе крѣпла центральная организація, тѣмъ быстрѣе расли притязанія землевладѣльцевъ. Эти послѣдніе вѣдь не изчезли съ объединеніемъ Руси подъ главенствомъ богатѣйшаго помѣщика. Они приходили на службу къ московскимъ государямъ со своими вотчинами и продолжали пользоваться въ этихъ вотчинахъ державными правами. Теряя политическую самостоятельность, они оставались однако государями своихъ земель и людей. А московскій царь сталъ „всеа русскіа земли государямъ государь",—сталъ однимъ изъ представителей класса „государей". „Сохраненіе старинныхъ владѣтельныхъ правъ за княжатами—фактъ безспорный и важный, хотя и мало изученный. Нѣтъ сомнѣнія, что въ своихъ вотчинахъ они имѣли всѣ аттрибуты государствованія: у нихъ былъ свой дворъ, свое воинство, которое они выводили на службу великому князю московскому; они были свободны отъ поземельныхъ налоговъ; юрисдикція ихъ была почти не ограничена; свои земли они жаловали монастырямъ въ вотчины и своимъ служилымъ людямъ въ помѣстья" [2]).

---

[1]) В. Ключевскій. Курсъ р. ист. т. III стр. 15 и 16.

[2]) С. Ѳ. Платоновъ. Лекціи по русск. ист. СПБ. 1900 г. стр. 154.

3. Организація государей.

Поступая на службу Москвѣ, князья и бояре составляли ближайшую среду, окружавшую царя. Прежде князья правили по своимъ удѣламъ, поодиночкѣ; теперь—правятъ всѣ вмѣстѣ, какъ единое, организованное цѣлое. Правительственное значеніе ихъ зависѣло не отъ пожалованія и не отъ выслуги; оно принадлежало имъ по праву, какъ родовитымъ людямъ и, главное, крупнѣйшимъ землевладѣльцамъ. Въ московскомъ государствѣ,—говоритъ В. Ключевскій,—старое экономическое дѣленіе на классы получаетъ политическій характеръ. Служба различныхъ „чиновъ“ была не одинакова: однимъ принадлежало право распоряжаться, другимъ—только повиноваться (Курсъ, стр. 66). Государственное положеніе лица или класса „опредѣлялось лишь его обязанностями“ (стр. 67), причемъ подъ обязанностью В. Ключевскій разумѣетъ и „обязанность“ распоряжаться, править. Боярство, аристократія породы, было правящимъ классомъ (тамъ же, стр. 6). Позже, съ установленіемъ крѣпостного права, дворянство, поглотивъ въ себѣ боярство, „стало на дѣлѣ господствующимъ классомъ“ (тамъ же, стр. 273). Важность и тяжесть службы соотвѣтствовали теперь „размѣрамъ землевладѣнія и породѣ“ (стр. 199)—а не угодничеству или выслугѣ. Родовитаго человѣка въ періодъ мѣстничества возводили въ высокій чинъ, служившій показателемъ его родовитости (стр. 92).

Господствующее, правящее положеніе дворянства и боярства въ XVII вѣкѣ, по отношенію къ другимъ классамъ, вообще не подлежитъ спору. Остается лишь вопросъ, былъ ли подчиненъ кому-либо самъ правящій классъ, стояла ли *выше* его какая-нибудь иная сила? На первый взглядъ кажется, будто стояла. Это была сила верховной власти, сила московскаго царя. При ближайшемъ разсмотрѣніи окажется, однако, что обычныя представленія объ этой силѣ нуждаются въ поправкахъ. Для лучшаго выясненія вопроса обратимся преимущественно къ труду проф. В. Ключевскаго, который далъ наиболѣе цѣльную и яркую картину политическихъ отношеній XVII вѣка. Ключевскій для насъ въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе интересенъ, что, какъ увидимъ ниже, противъ нѣкоторыхъ выводовъ его намъ придется высказываться болѣе подробно, чѣмъ противъ выводовъ другихъ историковъ.

Проф. В. Ключевскій справедливо указываетъ, что въ эпохи политическихъ переворотовъ вскрывается сущность тѣхъ отношеній, которыя въ обычное время прикрыты бываютъ различными пережитками, условностями и такъ далѣе. Какъ въ бурю листья на деревьяхъ повертываются изнанкой,—замѣчаетъ почтенный историкъ,—такъ смутныя времена въ народной жизни, ломая фасады, обнаруживаютъ за-

дворки, и при видѣ ихъ люди, привыкшіе замѣчать лицевую сторону жизни, невольно задумываются и начинаютъ понимать, что до сихъ поръ они видѣли далеко не все.—Послѣдуемъ указанію профессора и заглянемъ въ задворки эпохи смутнаго времени начала XVII вѣка.

Вотъ передъ нами царь Борисъ Годуновъ, на лицевомъ фасадѣ котораго значится вся полнота царской власти. Вдругъ лицевой фасадъ исчезаетъ, власть Годунова падаетъ. Почему?

Борисъ Годуновъ палъ, потому что, по словамъ современниковъ, возбудилъ противъ себя негодованіе *чиноначальниковъ* всей русской земли. И С. М. Сололовьевъ, провѣривши показанія современниковъ, вынужденъ согласиться съ ними. „Подозрительностью, завистною злобою Годуновъ раздражалъ *родовитыхъ* людей, въ которыхъ видѣлъ враговъ своихъ“ [1]). „Въ гнѣздѣ наиболѣе гонимаго Борисомъ боярства, съ Романовыми во главѣ, по всей вѣроятности, и была высижена мысль о самозванцѣ“ (стр. 36) [2]). Самозванецъ овладѣваетъ властью. Но онъ не усидѣлъ на престолѣ, „потому что не оправдалъ боярскихъ ожиданій; онъ не хотѣлъ быть орудіемъ въ рукахъ бояръ, дѣйствовалъ слишкомъ самостоятельно, развивалъ свои особые политическіе планы“ (38). Когда смута стала разгораться, когда поднялись угнетенные классы, тогда „для бояръ и лучшихъ людей,—говоритъ С. М. Соловьевъ въ другомъ мѣстѣ [3]),—единственнымъ спасеніемъ отъ вора и его казаковъ былъ Владиславъ, т. е. гетманъ Жолкѣвскій со своимъ войскомъ. „Лучше служить королевичу,—говорили они,—чѣмъ быть побитыми отъ своихъ холопей и въ вѣчной работѣ у нихъ мучиться“. Вопли патріарха противъ католика Владислава оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. И національные, и религіозные интересы потеряли всякое значеніе въ глазахъ „лучшихъ людей“, лишь только поколебались устои ихъ классоваго господства. Зато когда оказалось, что отъ Владислава плоха защита, когда пришлось самимъ „государямъ“ взяться за оружіе и привлечь на свою сторону крестьянство, тогда „лучшіе люди“,—предводители ополченія Минина и Пожарскаго,—нашли полезнымъ вспомнить и о вѣрѣ, и объ отечествѣ. Они писали: „Сами мы, бояре и воеводы, дворяне и дѣти боярскіе служимъ и бьемся за святыя Божіи церкви, за православную вѣру и свое отечество безъ жалованья“. Царь былъ безсиленъ безъ бояръ, которые имѣли каждый свое войско. Съ появленіемъ Лжедимитрія Борисъ Годуновъ пытался созвать войска, но вскорѣ вынужденъ былъ признать, что многіе, имѣя помѣстья и вотчины, службы не хотятъ служить ни

---

[1]) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. VIII, гл. II.

[2]) Здѣсь и дальше въ скобкахъ указываются страницы III т. курса русской исторіи проф. В. Ключевскаго по изд. 1908 г.

[3]) С. М. Соловьевъ. Ист. Россіи т. VIII, гл. VII.

сами, ни дѣти ихъ, ни холопы, а остаются дома, „не заботясь о гибели царства и св. церкви“. И судьба Годунова этимъ была рѣшена.

Въ теченіе смутнаго времени выдвигается и смѣняется рядъ царей и претендентовъ на престолъ. Но за этими царями и претендентами, за ихъ спиной стояли различные слои московскаго общества (60). Каждый классъ искалъ своего царя и ставилъ своего кандидата на царство. Эти цари и кандидаты были „только знаменами“, подъ которыми шли другъ на друга „различные классы русскаго общества“. Смута началась аристократическими происками большого боярства. За нимъ выступило столичное дворянство, далѣе—провинціальное дворянство, „пожелавшее быть властителемъ страны“. Это дворянство „увлекло за собой неслужилые земскіе классы“ и т. д. Въ связи съ этой борьбой классовъ начала зарождаться въ московскомъ политическомъ сознаніи мысль, что народъ—не случайный обитатель въ чужомъ, въ царскомъ хозяйствѣ или государствѣ“ (84). Прямымъ выводомъ изъ такой характеристики смутнаго времени является предположеніе, что смута продолжалась, пока одинъ классъ не получилъ перевѣса, или пока между борющимися классами не установилось какого-либо соглашенія, давшаго союзникамъ перевѣсъ надъ другими классами. Поэтому неожиданнымъ является заявленіе Ключевскаго, будто смута прекратилась только тогда, когда „удалось найти царя, котораго можно было связать родствомъ, хотя и не прямымъ, съ угасшей династіей“ (65). Тутъ почтенный историкъ, очевидно, на минуту закрылъ свои глаза на задворки и сосредоточилъ взглядъ на фасадѣ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ спѣшитъ подтвердить наше предположеніе.

Упомянувъ о сомнительномъ письмѣ Ѳ. И. Шереметьева относительно мотива избранія боярами Романова;—„Миша-де Романовъ молодъ, разумомъ еще не дошелъ и намъ будетъ поваденъ“,—Ключевскій продолжаетъ: „Шереметьевъ, конечно, зналъ, что престолъ не лишитъ Михаила способности зрѣть, и молодость его не будетъ перманентна. Но другія качества обѣщали показать, что племянникъ будетъ второй дядя, выйдетъ добрымъ, кроткимъ царемъ, при которомъ не повторятся испытанія, пережитыя боярствомъ въ царствованіе Грознаго и Бориса. *Хотѣли выбрать не способнѣйшаго, а удобнѣйшаго*“ (80). И выборъ, съ этой точки зрѣнія, оказался удачнымъ. По крайней мѣрѣ историки не считаютъ возможнымъ оспаривать справедливость указанія Котошихина, что царь Михаилъ „хотя самодержцемъ писался, однако безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлати ничего“ (168). Бояре продолжали, до извѣстной степени, занимать то же положеніе, которое они занимали до смутнаго времени, когда московскіе государи правили съ помощью боярства, „плотно организованнаго, проникнутаго аристократическимъ духомъ и привыкшаго къ власти (87).

Законодательный авторитетъ Боярской Думы былъ обезпеченъ и

законодательнымъ актомъ (по Судебнику 1550 г.), и обычаемъ мѣстничества. Въ царствованіе Михаила одинъ изъ бояръ (И. М. Воротынскій) говорилъ: „Бывали на насъ опалы отъ прежнихъ государей, но правительства съ насъ не снимали; во всемъ государствѣ справа всякая была на насъ, а худыми людьми насъ не безчестили". Князь Воротынскій „хорошо выразилъ правительственную силу класса при политическомъ безсиліи лицъ",—замѣчаетъ по этому поводу Ключевскій (88) и не опровергаетъ показанія одного изъ современниковъ, что по избраніи Михаила „бояре хозяйничали въ Русской землѣ, царя ни во что не ставили и не боялись его" (94). При избраніи Михаила служилые люди давали обѣтъ быть „безъ прекословія во всякихъ государевыхъ дѣлахъ", то есть безпрекословно повиноваться Михаилу. Это фасадъ. А на задворкахъ, тайно,—имѣются свидѣтельства,—царь Михаилъ при избраніи далъ обязательство: по собственному умотрѣнію не издавать новыхъ законовъ и не измѣнять старыхъ, не объявлять войны и не заключать мира, важныя судныя дѣла вершить по закону и т. д. (95). И проф. В. Ключевскій подтверждаетъ эти свидѣтельства: „Первые годы Михаилова правленія оправдываютъ мысль о такой сдѣлкѣ. Тогда видѣли и разсказывали, какъ своевольничали въ странѣ правящіе люди, и какъ царь Михаилъ былъ вынужденъ смотрѣть сквозь пальцы на дѣянія своихъ приближенныхъ" (97). Высшимъ правительственнымъ органомъ „втихомолку стакнувшагося правящаго круга" служила Боярская Дума.

Власть Михаила, по словамъ Ключевскаго, была двойственна, даже двусмысленна и по происхожденію, и по составу. Дѣйствительнымъ ея источникомъ было соборное избраніе, а выступала она „подъ покровомъ политической фикціи" наслѣдственнаго преемства по родству. Она была связана негласнымъ договоромъ съ высшимъ правительственнымъ классомъ, который правилъ черезъ Боярскую Думу, но публично, передъ народомъ, въ оффиціальныхъ актахъ являлась самодержавной (99—100).

Въ началѣ царствованія Михаила, непосредственно послѣ смуты, фасадъ еще не былъ отдѣланъ, а задворки выступали явственно. Мы видѣли, что представляли собою въ это время задворки. Что же могло получиться изъ нихъ къ концу царствованія Михаила? Куда шло развитіе при его преемникахъ? Отвѣтъ будетъ ясенъ самъ собою, если только мы будемъ помнить, что, во первыхъ, власть господствующаго класса не можетъ исчезнуть по щучьему велѣнью, и во вторыхъ, что изъ ничего только и можетъ получиться ничто.

У преемника Михаила, царя Алексѣя Михайловича, представители господствующаго класса не требовали обязательства, ограничивающаго его власть. Причина проста: Алексѣя „разумѣли гораздо тихимъ, и потому пишется самодержцемъ и государство правитъ по своей

волѣ". Алексѣй, по словамъ Ключевскаго, оправдалъ довѣрчивость боръ: онъ не напрягалъ своего полновластія и жилъ въ большомъ ладу съ боярствомъ (102). Въ 1682 году умеръ царь Ѳеодоръ, не оставивъ прямого наслѣдника. Бывшіе при кончинѣ царя патріархъ, архіереи и бояре съ дворцоваго крыльца велѣли собраться на дворцовомъ дворѣ „всѣхъ чиновъ людямъ". Патріархъ съ крыльца спросилъ толпу, кого избрать царемъ. Небольшимъ большинствомъ голосовъ избранъ Петръ. Бояре, стоявшіе на крыльцѣ, тоже высказались за Петра противъ Іоанна, его старшаго брата. Послѣ этого патріархъ благословилъ Петра на царство. Не было, такимъ образомъ, ни представительнаго собранія, ни совѣщаній. „Очевидно, что люди, *рѣшавшіе судьбу государства въ эту минуту*, съ патріархомъ во главѣ, не имѣли никакого понятія ни о правѣ, ни о соборѣ, ни о самомъ государствѣ, или нашли такія понятія излишними въ данномъ случаѣ", — говоритъ Ключевскій объ избраніи Петра (103). Для насъ несравненно очевиднѣе тотъ фактъ, что въ „эту минуту" никакая судьба государства вовсе не рѣшалась. Это понимали московскіе люди конца XVII вѣка; именно поэтому все у нихъ сдѣлалось такъ гладко и просто.

Новая династія начала свое историческое существованіе въ моментъ броженія, обостренной классовой борьбы, всеобщаго неблагоустройства. Казалось бы, именно послѣ смуты отъ главы государства требовались наиболѣе яркія проявленія ума и характера. Но представители новой династіи вступали на престолъ юношами, почти дѣтьми: Михаилъ, Алексѣй и Иванъ при воцареніи имѣли 16 лѣтъ, Ѳедоръ—14, Петръ—10. Всѣ царевичи оказывались „хилыми, недолговѣчными людьми, какъ Ѳедоръ и Иванъ. Даже подъ живымъ, цвѣтущимъ лицомъ царя Алексѣя скрывалось очень хрупкое здоровье, котораго хватило только на 46 лѣтъ жизни" (306).

Теперь сопоставьте судьбу двухъ рядовъ представителей верховной власти. Первый рядъ—умные, энергичные, сильные люди: Борисъ Годуновъ, первый Самозванецъ, Василій Шуйскій. Всѣ они быстро кончаютъ политическую карьеру и гибнутъ. Второй рядъ: Михаилъ, Алексѣй, Ѳеодоръ, Іоаннъ—всѣ благополучно царствуютъ отъ 14—16 лѣтняго возраста вплоть до своей естественной кончины. И въ ихъ благополучныя царствованія растутъ предѣлы государства, углубляется денежное хозяйство, поднимаются промыслы, рѣзко усиливается закрѣпощеніе крестьянъ, подготовляется славная петровская эпоха. Всѣ эти факты достаточно убѣдительно и полно отвѣчаютъ на вопросъ, стояла ли надъ политической организаціей землевладѣльцевъ (дворянъ и бояръ) еще какая то иная, высшая политическая сила,—или же такой высшей силы вовсе не существовало.

Мы видѣли, что высшимъ правительственнымъ органомъ „втихомолку стакнувшагося“ правящаго круга была Боярская Дума. Владѣющіе классы послѣ смуты спѣшили упрочить и расширить свои права на счетъ крестьянства. Но въ періодъ смуты обнаружилось противорѣчіе интересовъ отдѣльныхъ землевладѣльческихъ группъ: боярства, московскихъ дворянъ, провинціальнаго дворянства; тогда же обнаружилось и нѣкоторое политическое значеніе или возможность политической роли торговаго сословія. Высшему правительственному органу въ періодъ, слѣдовавшій за смутой, надлежало такъ или иначе, хотя бы временно, сгладить противорѣчія и уладить конфликты, особенно между центромъ и провинціей.

Встрѣчая финансовыя и другія затрудненія въ своей дѣятельности, Дума, чтобы не обострять конфликтовъ и не вызывать на свою голову недовольства, вынуждена была прибѣгать къ такъ называемымъ земскимъ соборамъ. За время царствованія Михаила соборъ созывался до 10 разъ. Часть членовъ соборовъ была выборная. Въ политическій обиходъ начали входить новыя выраженія: „совѣтъ всей земли“, „общій земскій совѣтъ“ и т. п. Однако же земскій соборъ или совѣтъ всей земли вовсе не представлялъ собою собранія представителей дѣйствительно всѣхъ классовъ населенія. На соборъ 1648 г. выборные отъ сельскихъ и уѣздныхъ обывателей вовсе не были призваны. Вскорѣ по воцареніи Михаила 85% (а съ дворцовыми крестьянами 95%) сельскаго населенія было исключено изъ состава свободныхъ людей, и выборные этого населенія уже не призываются на соборы. На земскихъ соборахъ,—говоритъ С. Ѳ. Платоновъ,—крестьянство бывало рѣдкимъ гостемъ, а податные классы представлялись менѣе полно, чѣмъ высшіе служилые. Такимъ образомъ мы въ правѣ разсматривать земскіе соборы скорѣе всего, какъ дворянскіе съѣзды, съ нѣкоторой примѣсью духовенства и торговаго люда. Эти съѣзды, по общему признанію, сильно облегчали положеніе центральной власти. Они помогли столковаться разнымъ слоямъ землевладѣльцевъ, устранить возможныя трения и укрѣпить власть дворянско-боярско-землевладѣльческаго класса надъ всѣми другими классами.

Ускоренію организаціи и сплоченности землевладѣльцевъ помогало и то обстоятельство, что одна изъ соперничающихъ группъ этого класса постепенно отмирала: старое боярство разсыпалось и скудѣло экономически; оно растворилось въ дворянствѣ. Это обстоятельство еще болѣе лишало соборы значенія арены борьбы и выдвигало ихъ роль, какъ органа сотрудничества представителей одного и того же класса. Понятно, что съ теченіемъ времени соборы теряютъ значеніе; они прекращаютъ существованіе, какъ только наладилась машина классово-политической землевладѣльческой организаціи. Дворянство,—замѣчаетъ Н. Рожковъ, — въ главной своей массѣ было удовлетворено и пере-

стало ощущать нужду въ непосредственномъ воздѣйствіи на государственную власть черезъ своихъ выборныхъ: оно и такъ оставалось правящимъ классомъ. Другими словами: верхи (центръ) и низы (периферія) іерархической дворянско-землевладѣльческой организаціи спѣлись настолько, что были вполнѣ довольны другъ другомъ, и громоздкій аппаратъ съѣздовъ или соборовъ сталъ для нихъ ненужной роскошью, пустой тратой времени.

Такова причина, почему „конституціонные ростки“ заглохли на россійской почвѣ XVII вѣка, почему сложилось самодержавіе: источникомъ послѣдняго явилась полнота классоваго политическаго господства единаго землевладѣльческаго класса.

Цѣльная организація московскаго государства, — организація землевладѣльцевъ, — сложилась. Она принесла классу землевладѣльцевъ всѣ тѣ неисчислимыя выгоды, которыя являются обычнымъ слѣдствіемъ сплоченности и организованности класса. На московскомъ государѣ-вотчинникѣ упроченіе этой организаціи отразилось такъ же, какъ вообще и всегда организація класса отражается на каждомъ его представителѣ: она отразилась въ сторону упроченія позиціи, повышенія матеріальнаго уровня жизни и подавленія индивидуальности.

Такъ называемая государственная организація была прежде всего организаціей землевладѣльцевъ. Не забудемъ, что денежное хозяйство было еще въ то время слабо; землевладѣльцы не могли располагать наемной ратной силой для защиты своихъ интересовъ; во главѣ своихъ подданныхъ они являлись предводителями, участвуя въ бояхъ не только собственноличо, но и собственноручно. Переходъ класса въ болѣе организованное состояніе не сразу измѣнилъ положеніе. На защиту своей организаціи, своихъ классовыхъ интересовъ землевладѣльцы поневолѣ продолжали выступать собственноручно. Ихъ личное участіе въ организаціи было естественно и неизбѣжно. Оно налагало извѣстныя стѣсненія на личность. Этотъ фактъ давно замѣченъ историками: замѣчено, что *тягло*, то есть принудительная разверстка повинностей „для государства“, началось именно съ высшихъ классовъ, когда крестьянскій трудъ номинально (по закону) считался еще свободнымъ [1]).

---

[1]) В. Ключевскій. Курсъ русской исторіи. М. 1908. т. III стр. 2—3. Какъ на пережитокъ собственноручнаго участія, можно смотрѣть на извѣстную расправу Петра I съ арестованными мятежными стрѣльцами. Собственноручно Петръ I отрубилъ головы пятерымъ стрѣльцамъ; кн. Ромодановскій отсѣкъ 4 головы; Голицынъ, по неумѣнью рубить, увеличилъ муки доставшагося ему несчастнаго; Меньшиковъ хвалился, что обезглавилъ 20 человѣкъ. Петръ смотрѣлъ на зрѣлище, сидя на лошади, и сердился, что нѣкоторые бояре, отвыкшіе отъ собственноручнаго „тягла“, принимались за дѣло трепетными руками. (С. М. Соловьевъ. Ист. Россіи съ др. вр. т. XIV стр. 1192—1193).

„Тягло“ не могло не лечь и на высшаго представителя іерархической землевладѣльческой организаціи,—на московскаго царя. Въ болѣе раннее время московскій князь былъ, можно сказать, ограниченъ въ проявленіи своей воли только своимъ положеніемъ землевладѣльца: онъ не могъ выступить на борьбу противъ землевладѣльцевъ (напримѣръ, за крестьянъ), потому что это значило бы выступить противъ самого себя. Съ упроченіемъ организаціи землевладѣльцевъ или, какъ иногда говорятъ, съ упроченіемъ самодержавія, воля самодержца XVII вѣка стала получать новыя и новыя ограниченія,—какъ въ отношеніи ея направленія, такъ и въ отношеніи сферы примѣненія.

Сфера примѣненія ограничивалась тѣмъ, что все болѣе значительная часть дѣлъ стала рѣшаться окончательно подчиненными органами „самодержавія“,—стала не доходить до царя.

Направленіе же дѣятельности ограничивалось тѣмъ, что приходилось считаться съ все болѣе сложной и прочной государственной машиной,—живой машиной, которая вовсе не обнаруживала склонности къ слѣпому и безпредѣльному повиновенію. Въ частности, въ XVII вѣкѣ воля этой машины получила себѣ выраженіе въ установленіи прочныхъ нормъ законосовѣщательной Боярской Думы. По странному утвержденію Н. Рожкова, упроченіе функцій Боярской Думы „содѣйствовало тому, что къ половинѣ XVII вѣка московскій государь почувствовалъ себя въ силахъ стать дѣйствительно самодержавнымъ, усвоивъ себѣ по преимуществу направляющую и принципіально-опредѣляющую дѣятельность“ [1]). Если согласиться съ Н. Рожковымъ, то придется признать, что чѣмъ прочнѣе положеніе Думы, хотя бы и законосовѣщательной, тѣмъ независимѣе власть самодержца въ общемъ направленіи политики,—независимѣе отъ этой самой Думы; и наоборотъ, чѣмъ эфемернѣе существованіе Думы, тѣмъ болѣе связанъ ею самодержецъ въ выборѣ политическаго направленія. Мы думаемъ, вопреки Н. Рожкову, что упроченіе Думы не усиливало, а уменьшало и ослабляло власть московскаго самодержца: судьба Бориса Годунова и претендентовъ смутнаго времени слишкомъ хорошо показала, чѣмъ кончалось для самодержца нежеланіе слѣдовать „совѣту“ господствующихъ классовъ. На самомъ дѣлѣ, изъ упроченія Боярской Думы и другихъ развѣтвленій дворянско-землевладѣльческой организаціи только и могъ получиться тотъ результатъ, что роль главы іерархіи все болѣе должна была сводиться къ роли регистратора желаній господствующаго класса, а въ лучшемъ случаѣ—къ роли энергичнаго выполнителя объективно-классовыхъ велѣній іерархической организаціи землевладѣльцевъ.

---

[1]) Происхожденіе самодержавія въ Россіи. Стр. 202.

Самъ же Н. Рожковъ и опровергаетъ свое утвержденіе о дѣйствительномъ самовластіи царя,—самовластіи, выражающемся въ выборѣ направленія дѣятельности: „Такъ какъ,—говоритъ онъ,—главные вопросы государственной жизни были разрѣшены земскими соборами въ духѣ господствующихъ въ обществѣ интересовъ, то верховной власти было легко справиться съ текущей законодательной работой, не прибѣгая къ такому чрезвычайному средству, какъ земскіе соборы“ [1]).

Кто же кого направлялъ въ періодъ Боярской Думы и земскихъ соборовъ: самодержецъ дворянъ или дворяне самодержца? Отвѣтъ ясенъ. А выводъ будетъ таковъ: если считать укрѣпленіе и ростъ государственной организаціи XVII вѣка за укрѣпленіе и ростъ самодержавія, то придется признать, что чѣмъ сильнѣе и крѣпче становилось самодержавіе, то болѣе умалялась, становилась эфемерной самостоятельность тогдашнихъ самодержцевъ. Этотъ выводъ можетъ показаться парадоксальнымъ только тому, кто за формой не видитъ сущности, кто привыкъ ничего не различать дальше этикетки. Къ приведенному мною выводу пришелъ, повидимому, и С. Ѳ. Платоновъ, когда назвалъ XVII вѣкъ вѣкомъ устроенія,—„не сложенія, а именно устроенія“ — единаго русскаго государства, когда „частный бытъ окончательно уступилъ мѣсто государственному“. Въ томъ числѣ, конечно, и частный бытъ московскаго князя-вотчинника уступилъ мѣсто государственному, вошедшему въ рамки организаціи, быту московскаго государя. Послѣ сказаннаго понятно и то, почему новѣйшіе историки не слѣдуютъ безусловно за Ив. Забѣлинымъ въ отожествленіи вотчинника и государя, когда говорятъ о XVII вѣкѣ: выросшій изъ князя-вотчинника государь—вотчинникъ уже не является цѣльнымъ типомъ вотчинника: кое-что онъ пріобрѣтаетъ, но кое-что и теряетъ.

Для того, чтобы лучше понять сущность и мотивы политики московскаго государства, нужно еще остановиться на нѣкоторыхъ характерныхъ особенностяхъ землевладѣльческаго класса того времени. Прежде всего нужно имѣть въ виду, что на протяженіи XVI—XVII вѣковъ этотъ классъ пережилъ не мало смутъ, періодовъ внутренней, групповой борьбы. Но исторія этой борьбы не входитъ въ предметъ нашего изслѣдованія. Достаточно указать, что, несмотря на всѣ смуты и перевороты, наверху всегда оставались тѣ или иныя группы класса, характерною чертою котораго является эксплоатація трудового населенія черезъ болѣе или менѣе монопольное владѣніе землей. Поэтому мы имѣемъ право говорить о государственной московской организаціи, за все время ея существованія, какъ объ организаціи землевладѣльческой.

Но самое землевладѣніе обладало особыми чертами, на которыхъ слѣдуетъ остановиться.

---

[1]) Происхожденіе самодержавія въ Россіи. Стр. 201.

4. Дворяне—торговцы и промышленники.

Читатель, зная о развитіи денежнаго хозяйства, какъ о необходимомъ условіи возникновенія самодержавія, въ правѣ спросить: а какова же была политическая роль торгово-промышленнаго класса?

При отвѣтѣ на этотъ вопросъ нужно имѣть въ виду слѣдующее. Говоря о такихъ категоріяхъ, какъ землевладѣлецъ, торговецъ, а въ позднѣйшее время, напримѣръ, бюрократъ, интеллигентъ и т. п., мы нерѣдко беремъ часть за цѣлое, одинъ изъ признаковъ предмета за самый предметъ. Отсюда получается представленіе, будто землевладѣлецъ представляетъ собою только землевладѣльца, купецъ—купца и такъ далѣе,—какъ будто человѣкъ не можетъ принадлежать одновременно къ двумъ, тремъ и даже всѣмъ четыремъ изъ названныхъ категорій,—какъ будто бюрократъ не можетъ быть интеллигентнымъ человѣкомъ, владѣя въ тоже время землею и участвуя въ торговомъ или промышленномъ предпріятіи. И въ наши дни одно и тоже лицо сплошь и рядомъ является дворяниномъ-помѣщикомъ и въ тоже время торговцемъ или промышленникомъ. Еще менѣе были разграничены землевладѣльцы и торговцы въ Московскомъ государствѣ, несмотря на прославленную обособленность сословій того времени.

Въ старой Руси торговля была открыта для всѣхъ. Не было у насъ ни особыхъ мѣстностей, исключительно, по закону, ведшихъ торговлю, ни особаго сословія, юридически уполномоченнаго только себя посвящать торговлѣ [1]).

По свидѣтельству иностранцевъ, московскіе люди отъ большихъ до малыхъ чрезвычайно любили торговлю. Европейцы, бывавшіе у насъ послами, удивлялись, что въ Россіи всѣ важныя лица безъ изъятія,—и даже посланники, отправляемые къ иностраннымъ дворамъ,—занимаются торговлей. Русскіе сановники продавали, покупали, мѣняли, не замѣчая того, какъ они роняютъ этимъ свое достоинство въ глазахъ потомковъ европейскаго рыцарства.

Но многое,—говоритъ историкъ,—что считалось европейскими дворянами за униженіе, русскими вовсе не считалось унизительнымъ. Монастыри не только не считали предосудительнымъ участіе въ торговыхъ оборотахъ, но и захватили въ свои руки значительную часть внутренней торговли Россіи XVI вѣка. Главная торговая дѣятельность сосредоточивалась въ Москвѣ. Правительство само занималось торговлей, и царь, какъ выразился одинъ англичанинъ, являлся первымъ купцомъ въ Россіи. Царская казна получала лучшіе узорочные товары, металлическія вещи и всякія драгоцѣнности. Все лучшее, что

---

[1]) В. Лешковъ. Русскій народъ и государство. М. 1858 стр. 381.

привозили европейцы, шло въ царскую казну. Точно также попадали въ казну и лучшіе русскіе товары. Цари одаривали этими товарами своихъ приближенныхъ, а также продавали ихъ иностранцамъ и русскимъ. Они скупали воскъ, пеньку, поташъ и отправляли эти товары въ Архангельскъ для продажи иностранцамъ. Никакой частный купецъ не могъ конкуррировать съ такимъ богатымъ соперникомъ. Купцы въ Архангельскѣ не смѣли торговать, пока не кончена торговля царская [1]). Понятно, что за царемъ тянулись бояре и дворяне [2]).

Что же касается торговцевъ, не принадлежащихъ къ господствующему классу, то ихъ положеніе было довольно жалкое. Въ XVII вѣкѣ посадскія общины были угнетены воеводами, которые вмѣшивались въ общинное управленіе. Воеводы и приказные люди подъ разными предлогами хватали торговцевъ, сажали въ тюрьму, вымогали взятки, разгоняли торги, брали насильно товары, били торговцевъ батогами. Иногда, по сговору воеводъ съ ябедниками, послѣдніе подавали челобитную на зажиточныхъ купцовъ; воеводы, несмотря на явную лживость иска, заводили дѣло съ цѣлью вымогательства. Случалось, что и сосѣдніе вотчинники наѣзжали на посадъ и дѣлали въ немъ разныя безчинства. Посадскіе жаловались; съ нихъ брали взятки, и наконецъ изъ приказа поручали охранять посадскихъ тому самому воеводѣ, который былъ первымъ грабителемъ [3]).

При Иванѣ Грозномъ посады имѣли свои выборныя управленія и свой судъ, независимый отъ воеводъ. Въ XVII вѣкѣ этотъ порядокъ начинаетъ измѣняться не въ пользу посадскихъ. На Земскомъ соборѣ 1642 года торговые люди напоминали о прежнихъ лучшихъ временахъ, но уже не посмѣли домогаться возстановленія стараго порядка. Очевидно, организованность землевладѣльцевъ давала послѣднимъ слишкомъ сильный и очевидный политическій перевѣсъ. Тѣмъ не менѣе важность торговли признавалась землевладѣльческой государственной организаціей. Въ Новоторговомъ Уставѣ 1667 года указывается, что „во всѣхъ окрестныхъ государствахъ свободные и прибыльные торги считаются между первыми государственными дѣлами; остерегаютъ торги съ великимъ береженьемъ и въ вольности держатъ для сбора пошлинъ и для всенародныхъ пожитковъ мірскихъ“ [4]).

---

[1]) Н. Костомаровъ. Очеркъ торговли Московскаго государства. СПБ. 1862. Стр. 83,136—7,162.

[2]) Въ 1662 г. торговые люди жаловались на то, что всякими большими и лучшими торгами и промыслами завладѣлъ „духовный и воинскій и судебный чинъ; архіереи, монастыри, попы, всякіе служилые и приказные люди торгуютъ въ тарханахъ безпошлинно“. (См. В. Ключевскій. Курсъ р. ист. т. III стр. 266 изд. 1908 г.).

[3]) Н. Костомаровъ. Стр. 163—164.

[4]) Полн. Собр. Зак. I 408. У С. М. Соловьева. Ист. Р. т. XIII гл. I.

Итакъ, торги—между первыми государственными дѣлами, а торговцы—чуть ли не между послѣдними; торги—съ великимъ бережень-емъ, а торговцы—съ битьемъ и обирательствомъ. Это противорѣчіе вполнѣ понятно послѣ всего вышесказаннаго. Въ торгахъ были заинтересованы и царь, и бояре,—сами бывшіе торговцами; въ развитіи торговли былъ заинтересованъ весь землевладѣльческій классъ, какъ поставщикъ на рынокъ продуктовъ сельскаго,—иногда и заводскаго,—хозяйства. Интересы торговца не покрывали интересовъ торга; торговое сословіе не заключало въ себѣ всѣхъ торгующихъ.

Выгода отъ торга была столь важна, что центральная государственная организація готова была дать торгующимъ нѣкоторое подобіе самоуправленія. Напримѣръ, чтобы воеводы не слишкомъ грабили, чтобы и центру кое-что перепало, таможня подъ Архангельскомъ была освобождена изъ-подъ власти воеводы, „чтобъ въ томъ Великаго Государя казнѣ въ сборѣхъ порухи не было“. Тамъ же встрѣчаемъ заботу о лучшемъ и болѣе быстромъ судопроизводствѣ по торговымъ дѣламъ въ надеждѣ, что отъ этого „Великаго Государя казнѣ будетъ въ пошлинахъ не малое пополненіе“ [1]).

Нѣкоторые русскіе публицисты ломали себѣ голову надъ вопросомъ: почему въ Россіи всегда былъ такъ слабъ торгово-промышленный классъ? Тотъ же вопросъ, иначе поставленный, означаетъ: куда же дѣвался въ Россіи политически сильный классъ торговцевъ и промышленниковъ? Вопросъ настолько важенъ, что я позволю себѣ выйти изъ хронологическихъ рамокъ описываемаго періода и заглянуть нѣсколько впередъ.

Мы только что видѣли, гдѣ нужно искать политически-сильныхъ

---

[1]) Заботу о торгахъ ради пополненія Государевой казны М. Туганъ-Барановскій безъ оговорокъ считаетъ «яркимъ выраженіемъ вліянія *купеческаго* капитала на законодательную дѣятельность Московскаго государства». Въ виду спорности вопроса привожу нѣкоторыя статьи изъ Новоторговаго Устава.

Статья 1. На Двинѣ у Архангельскаго города въ таможнѣ быти на ярманкѣ Гостю съ товарищи; а Гостя съ товарищи Воеводамъ въ Таможенныхъ торговыхъ во всякихъ дѣлѣхъ ни въ чемъ не вѣдать, *чтобы въ томъ Великаго Государя казнѣ въ сборѣхъ порухи не было.*

Статья 2. Всякая полная расправа у города Архангельскаго въ торговыхъ дѣлѣхъ Русскимъ людемъ и иноземцамъ чинити въ Таможнѣ Гостю съ товарищи.

Статья 89. А кому купецкимъ людемъ лучится побити челомъ Великому Государю о своихъ обидахъ на кого ни есть, на всякихъ чиновъ людей, и чтобъ всѣмъ купецкимъ людемъ давати судъ и управа на тѣхъ людей, въ томъ же въ одномъ приказѣ непремѣнно, чтобъ купецкимъ людемъ, волочась по многимъ приказамъ, промысловъ своихъ не отбыть, и чтобъ всякой торговый промыслъ безъ волокитъ множился, и въ томъ *Великаго Государя казнѣ будетъ въ пошлинахъ не малое пополненіе.*

представителей торговли московскаго періода. Они были въ царскомъ дворцѣ, въ хоромахъ бояръ, въ усадьбѣ дворянина-вотчинника. Что же мы находимъ въ позднѣйшій періодъ? Насколько быстро шло разслоеніе землевладѣльческо-торгово-промышленнаго класса на землевладѣльческій классъ и торгово-промышленный классъ? Въ какой мѣрѣ дворянство становилось исключительно землевладѣльческимъ сословіемъ?

Что такое эпоха Петра Великаго? Эпоха „деспотизма“, „абсолютизма“, феодализма и т. д.—по опредѣленію однихъ; эпоха соціально-политическаго кризиса, связаннаго съ ускореннымъ ростомъ денежнаго хозяйства—по мнѣнію другихъ. Каково же отношеніе эпохи къ торгово-промышленнымъ интересамъ? Проповѣдуется польза развитія промысловъ и торговой предпріимчивости. Стремятся регламентировать торговлю и промышленность. Ведутъ безконечныя войны ради облегченія торговыхъ сношеній съ иностранцами; строится новый портъ, и переносится туда столица; вызываются иностранцы-техники для обученія русскихъ мастеровъ. Но,—это главное для насъ,—въ эту эпоху не ищутъ возможныхъ въ будущемъ дѣятелей торговли и промышленности непремѣнно внѣ дворянства: напротивъ, доказываютъ, что и дворянину можно безъ позора заниматься торговой и промышленной дѣятельностью. Въ первой четверти XVIII вѣка мы не замѣчаемъ, такимъ образомъ, тенденціи къ обособленію торгово-промышленныхъ элементовъ отъ дворянства.

Еще нѣсколько штриховъ въ дополненіе къ сказанному. Въ 1711 году появился указъ о томъ, чтобы „*всякаго* чина людямъ торговать всѣми товарами вездѣ невозбранно своими именами съ платежомъ всѣхъ обыкновенныхъ пошлинъ“. Въ томъ же году слѣдуетъ указаніе Петра I Сенату: „о китайскомъ торгу учинено весьма не такъ, какъ говорено и писано; ибо не возможно, чтобъ посадскимъ однимъ въ такое великое дѣло вступить; но искать, чтобъ изъ знатныхъ людей нѣсколько человѣкъ и при нихъ торговые въ оное вступили“. Въ указѣ о майоратѣ младшимъ дворянскимъ сыновьямъ рекомендуется занятіе торговлей. Меньшиковъ, быстро поднявшійся на верхи „бюрократіи“ и ставшій крупнымъ землевладѣльцемъ, становится и откупщикомъ рыбныхъ ловель на Бѣломъ морѣ,—становится промышленникомъ.

За обособленіе классовъ, за устраненіе дворянъ отъ торговли высказываются не дворяне, не землевладѣльцы, а какъ разъ представители купечества, боявшагося дворянской конкурренціи. Одинъ изъ нихъ предлагалъ заниматься дворянамъ исключительно науками и службой, чтобы благородное сословіе „сребролакомствомъ не блазнилось“. Но дворяне въ теченіе всего XVIII вѣка продолжали блазниться сребролакомствомъ; вмѣсто того, чтобъ отказаться отъ сребролакомства, они предпочитали включать сребролакомцевъ въ собственные ряды. Еще

въ XVII вѣкѣ болѣе крупные торговцы имѣли право пріобрѣтать вотчины [1]). А по ревизіи 1718 — 1724 гг. всѣ болѣе или менѣе крупные землевладѣльцы безъ дальнихъ разговоровъ были зачислены въ служилое сословіе, то есть въ дворянство [2]). Въ томъ числѣ, слѣдовательно, и гости, успѣвшіе обзавестись вотчинами.

С. М. Соловьевъ разсказываетъ о дворянахъ Ивковѣ и Водиловѣ, которые обучались за-границей и по возвращеніи въ Россію завели ткацкіе станы въ Москвѣ. Ивковъ научилъ русскихъ мастеровъ дѣлать особаго сорта бархатъ, а Водиловъ—нѣкоторыя англійскія матеріи. За свою ремесленную дѣятельность оба они при Елисаветѣ произведены въ поручики (Ист. Р. т. 22, стр. 335). Мастеръ изъ дворянъ Шаблыкинъ въ Новгородѣ производилъ скатерти, салфетки и прочія полотна; за это онъ произведенъ въ поручики (тамъ же, т. 23, стр. 700). Фабриканты Алексѣй Турчаниновъ, Волковъ, Затрапезный получаютъ чины и попадаютъ въ дворяне. Бывшій холмогорскій рыбакъ, коллежскій совѣтникъ и профессоръ Михаилъ Ломоносовъ пожелалъ устроить фабрику разноцвѣтныхъ стеколъ и просилъ отвести ему село Ополье, въ Петербургской губ., или другое село не далѣе 150 верстъ отъ Петербурга, гдѣ бы „мужеска пола около 200 душъ имѣлось, съ принадлежащими къ нему деревнями, лѣсами и другими угодьями, и тому лѣсу и крестьянамъ быть при той фабрикѣ вѣчно и никуда ихъ не отлучать, ибо наемными людьми за новостью той фабрики въ совершенство привести не можно“. Ломоносовъ получилъ просимое: архангельскій крестьянинъ сталъ дворяниномъ—душевладѣльцемъ и фабрикантомъ.

Перенесемся мыслью во вторую половину XVIII вѣка. Дворяне продолжаютъ блазниться сребролакомствомъ. Они присвоиваютъ исключительно себѣ право устраивать винокуренные заводы. Сенаторы записываются въ гильдіи [3]). Генералъ-прокуроръ Глѣбовъ является поставщикомъ вина, сен. Сумароковъ—откупщикомъ. Вотъ передъ нами фигура вельможи Петра Ивановича Шувалова. Онъ занимаетъ массу должностей по государственной службѣ. Въ то же время онъ—промышленникъ и торговецъ: пріобрѣтаетъ монополію рыбной ловли въ Бѣломъ и Каспійскомъ моряхъ, беретъ на откупъ Гороблагодатскіе желѣзные заводы и массу иныхъ откупныхъ статей; являясь крупнѣйшимъ промышленникомъ и торговцемъ въ государствѣ, Шуваловъ до-

---

[1]) „Права торговцевъ гостиной сотни отличались отъ права гостей тѣмъ, что послѣдніе могли свободно ѣздить заграницу и *покупать вотчины*, а на гостиносотенныхъ торговыхъ людей эти права не простирались“. (Костомаровъ. Очеркъ торговли моск. гос. Стр. 140).

[2]) Н. Павловъ-Сильванскій. Государевы служилые люди. Стр. 266.

[3]) Романовичъ Славатинскій. Дворянство въ Россіи. Стр. 260.

бился отмѣны внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ. — Графъ Воронцовъ получаетъ привиллегію торговли въ Каспійскомъ морѣ; въ Петербургѣ у него скопляется до 300.000 четвертей хлѣба для отправки заграницу.—Взглянемъ на дѣло съ другой стороны. Продолжаютъ ли купцы проникать въ дворянство? Для отвѣта у насъ есть свидѣтельство современника. Онъ жалуется, что ссудами отъ правительства дворяне только разоряются: „въ истинную же пользу обратили себѣ займы сіи *новопроисшедшіе изъ купцовъ дворяне*, кои тѣмъ усилили достояніе свое въ ущербъ достоянія всего сословія дворянскаго, прикупивъ большое число деревень и душъ такихъ людей, изъ статьи коихъ сами они наканунѣ вышли“ [1]).

При имп. Екатеринѣ II замѣчается среди дворянъ тенденція къ обособленію. Сама императрица не прочь была создать въ Россіи дворянство по образцу французскаго или нѣмецкаго, считавшаго занятіе торговлей безславіемъ для дворянства; она старалась внушить дворянамъ, что занятіе торговлей несовмѣстно съ ихъ достоинствомъ [2]). Однако, по жалованной грамотѣ дворянству 1785 г., дворянамъ предоставлялось не только заводить фабрики и заводы по деревнямъ, продавать оптомъ и изъ гаваней отпускать за море товаръ, какой у кого родится или выдѣланъ будетъ, но и (по статьѣ 37) заниматься торговлей въ городахъ. Только въ 1790 г. Сенатъ высказался, что „противно существу самодержавнаго правленія, чтобы въ ономъ дворянство торговлю производило“. Тѣмъ не менѣе въ началѣ XIX в. многіе дворяне держатъ откупа. Въ 1808 г. въ Рязанской губерніи содержателями откуповъ являются Татищевъ, кн. Мещерскій, Бахметьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, представители самыхъ старинныхъ дворянскихъ фамилій [3]). Запрещеніе дворянамъ торговли,—говоритъ Романовичъ-Славатинскій [4]),—вело къ тому, что купцы, получивъ чины и войдя такимъ образомъ въ дворянство, должны были перестать заниматься торговлей; множество капиталовъ отвлекалось такимъ образомъ отъ торговли; этому злу правительство могло помочь или прекращеніемъ производства купцовъ въ дворяне, или предоставленіемъ дворянамъ права быть купцами. Правительство пошло по второму пути,—то есть, въ концѣ концовъ, дворянство не рѣшилось отказаться ни отъ занятія торговлей, ни отъ включенія купцовъ въ свою среду. Оно ограничилось только тѣмъ, что немного пофрондировало противъ „аршинниковъ“ и „хамовыхъ отродьевъ“ [5]).

---

[1]) Цит. по книгѣ бар. С. А. Корфа „Дворянство и его сословное управленіе за столѣтіе 1762—1855 г.“. СПБ. 1906. Стр. 203—204.

[2]) Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи. Стр. 258.

[3]) Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи. Стр. 529.

[4]) Тамъ же. Стр. 263.

[5]) „Просматривая современную Екатеринѣ литературу, мы часто встрѣчаемъ мысли объ обособленіи и выдѣленіи, какъ имѣющихъ меньшія права и

Дворянство, такимъ образомъ, до конца крѣпостного права оставалось непосредственно заинтересованнымъ въ развитіи торговли и промышленности. Вотъ почему борьба за новыя, буржуазныя формы экономическаго и правового строя велась у насъ не только *противъ* дворянства, какъ „феодальнаго“ сословія, но и внутри самого дворянства. Торжество буржуазныхъ формъ нерѣдко означало у насъ не побѣду другихъ сословій надъ дворянствомъ, а побѣду дворянства надъ самимъ собою, т. е., на самомъ дѣлѣ, побѣду однихъ дворянскихъ группъ надъ другими.

5. Самопополненіе дворянства. Войско. Абсолютизмъ.

Отмѣчая наличность торговыхъ и промышленныхъ интересовъ внутри дворянско-землевладѣльческаго класса, мы встрѣтились и съ вопросомъ о пополненіи дворянства выходцами изъ другихъ классовъ. Русское дворянство не было сословіемъ, крѣпко замкнутымъ. При разсмотрѣніи вопроса о его пополненіи насъ особенно интересуютъ два тезиса: 1) происходило ли это пополненіе въ интересахъ самого дворянства, т. е. было ли оно самопополненіемъ, или навязывалось дворянству извнѣ? 2) измѣнялся ли, благодаря пополненію, классовый (землевладѣльческій съ торгово-промышленнымъ оттѣнкомъ) характеръ дворянства?

Попробуемъ освѣтить эти вопросы.

Въ московскомъ государствѣ бояре и дворяне,—въ принципѣ обособленный, наслѣдственный классъ землевладѣльцевъ,—организовались вокругъ ратнаго дѣла. Они стояли во главѣ воинскихъ отрядовъ, собственнолично защищая свою собственность и отъ внѣшняго врага, и отъ внутренней крамолы. Податей, т. е. денежныхъ взносовъ на поддержаніе своей организаціи, они не уплачиваютъ. Несмотря на денежное обложеніе подвластныхъ классовъ, дворяне еще не въ состояніи организовать достаточную наемную ратную силу для своей защиты. Интересомъ самозащиты они вынуждены раздавать часть

значеніе, „хамовыхъ отродьевъ“, выслужившихся изъ простолюдиновъ „аршинниковъ“, о нежеланіи древнихъ родовъ общаться съ „крапивнымъ сѣменемъ“, съ отростками „сладкаго корня“ и т. п. Но различіе это было и осталось чисто внѣшнимъ. Служба по прежнему всѣхъ сравнивала, и „знатная“ должность дѣлала всякаго аршинника вполнѣ уважаемымъ и всѣми почитаемымъ и ставила его на одну доску съ какимъ-нибудь рюриковичемъ. Стоитъ только вспомнить Орловыхъ, Потемкина и другихъ дѣятелей временъ Екатерины II“. (С. А. Корфъ „Дворянство и его сословное управленіе“. Стр. 150). Ниже мы увидимъ, что главную роль играла не „знатная должность“, а „обладаніе большими суммами“.

земельныхъ владѣній,—ту часть, которая еще не раздѣлена на вотчины и составляетъ общедворянскую (государственную) собственность,—раздавать вмѣсто денежнаго вознагражденія, подъ условіемъ военной службы, лицамъ, не владѣющимъ вотчинами. Таково происхожденіе помѣстій. „Помѣстная система была своеобразной системой содержанія войска. Не имѣя средствъ содержать постоянную конницу на денежное жалованье, правительство обезпечивало ее землею“ [1]).

Правда, дворяне стали потомъ получать и денежное пособіе изъ общедворянской кассы („государственной казны“), но въ размѣрѣ, достаточномъ нерѣдко лишь на военное снаряженіе въ походъ. Стремленіе къ наслѣдственной обособленности существовало, но постоянно нарушалось въ силу горькой необходимости. Въ XVII вѣкѣ растетъ число иностранцевъ на русской службѣ, особенно въ качествѣ начальниковъ и офицеровъ русскихъ полковъ иноземнаго строя. Почти всѣ начальники и офицеры разныхъ родовъ войскъ, *не исключая и иноземцевъ, обращались въ помѣщиковъ*, хотя и не принадлежали къ войскамъ помѣстнымъ или къ чинамъ полковой службы [2]). До второй половины XVII вѣка наслѣдственная обособленность дворянъ нарушалась также вслѣдствіе перехода въ этотъ классъ разночинцевъ нижняго разряда. Въ концѣ XVI вѣка, напримѣръ, при образованіи состава украинскихъ дѣтей боярскихъ, производились иногда массовыя верстанія дѣтей боярскихъ изъ казаковъ. Наслѣдственность состоянія дѣтей боярскихъ нарушалась также началомъ выслуги, которая особое значеніе получила при Петрѣ Великомъ. Но и выслужившійся подъячій или солдатъ *получалъ помѣстье или вотчину* [3]); дѣти его, въ качествѣ землевладѣльцевъ, верстались въ дворянскую помѣстную службу и входили въ составъ класса дѣтей боярскихъ.

Такимъ образомъ получался изъ иноземцевъ, бывшихъ казаковъ, солдатъ и подъячихъ новый контингентъ землевладѣльцевъ-помѣщиковъ,—новики. Наплывъ новиковъ въ дворянскую среду казался страннымъ польскимъ аристократамъ. Они укоряли московскихъ бояръ тѣмъ, что въ Москвѣ „простые мужики, поповскія дѣти и мясники негодные мимо многихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ не попригожу къ великимъ государственнымъ и земскимъ дѣламъ припускаются“. Эти политическіе новики при новой династіи все смѣлѣе пробираются наверхъ и забираются даже въ Боярскую Думу [4]). Ключевскій видитъ въ новикахъ предвѣстниковъ „случайныхъ людей“ XVIII вѣка. Это въ общемъ справедливо. Но для насъ тутъ самое важное то, что, во-пер-

---

[1]) Н. Павловъ-Сильванскій. Государевы служилые люди. Стр. 185—186.
[2]) Бобровскій. Военное право при Петрѣ Великомъ. Стр. 62 и 72.
[3]) Н. Павловъ-Сильванскій. Государевы служилые люди. Стр. 224.
[4]) Ключевскій. Курсъ р. ист. т. III стр. 89.

выхъ, приливъ новиковъ обусловливался общедворянскимъ интересомъ облегченія ратной службы, и во-вторыхъ, что новики становились помѣщиками, то-есть входили въ дворянско-землевладѣльческій классъ не только политически, но и экономически.

Владѣніе помѣстьемъ создавало у новика землевладѣльческій интересъ, землевладѣльческую психологію. Оно безвозвратно вливало талантливыхъ выходцевъ изъ другихъ классовъ въ дворянскую среду. Ихъ землевладѣніе первое время было условнымъ, ограниченнымъ. Но въ XVII вѣкѣ, по мѣрѣ развитія денежнаго хозяйства и роста силы землевладѣльческаго класса, помѣстное владѣніе все болѣе сливается съ вотчиннымъ: расширяется право распоряжаться помѣстьемъ, продавать его, мѣнять и передавать по наслѣдству. Рядомъ съ этимъ идетъ прямое перечисленіе помѣстій въ вотчины. Въ XVII вѣкѣ ни одинъ удачный походъ не обходился безъ перечисленія части земли его участниковъ изъ помѣстья въ вотчину. Установились и обычныя нормы такого пожалованья. Сліяніе помѣстій съ вотчинами дѣлало фактически болѣе быстрые успѣхи, чѣмъ это отражалось въ законодательствѣ,—замѣчаетъ Н. Павловъ-Сильванскій. Въ послѣдніе годы XVII вѣка,—говоритъ онъ,—„какъ это видно изъ частныхъ сдѣлокъ, многіе помѣщики считали уже, что они имѣютъ въ полномъ объемѣ право распоряженія помѣстьями“ [1]). Такимъ образомъ въ 1714 г. Петръ I только „юридически формулировалъ“ фактически уже сложившееся сближеніе помѣстій съ вотчинами: помѣстье и вотчина слились въ понятіе дворянской недвижимой собственности [2]). Новики окончательно растворились въ старомъ дворянствѣ и политически, и экономически.

Обыкновенно думаютъ, что съ эпохи Петра I положеніе „служилыхъ людей“ рѣзко мѣняется: табель о рангахъ открывала служебную карьеру передъ разночинцемъ. Но мы уже знаемъ, что въ этомъ открытіи дверей нѣтъ ничего новаго по сравненію съ практикой XVII вѣка. Важнѣе и новѣе было то, что съ этой эпохи прекращается помѣстная система содержанія арміи: денежное жалованье, которое было раньше только придаткомъ къ жалованью помѣстному, пытаются сдѣлать основнымъ вознагражденіемъ за службу. Но и при Петрѣ I, и позже продолжается раздача населенныхъ имѣній въ собственность, въ въ видѣ особой награды за службу [3]). Классовый инстинктъ подсказываетъ дворянамъ выгодность включенія въ свою среду, какъ дворянъ и какъ землевладѣльцевъ, всѣхъ выдающихся разночинцевъ, успѣшно

---

[1]) Госуд. служилые люди. Стр. 219.

[2]) Н. Рожковъ. Историч. и соціологическіе очерки. Стр. 149—150.

[3]) Н. Павловъ Сильванскій. Госуд. служилые люди. Стр. 266.

работавшихъ въ общедворянской организаціи (успѣшно проходившихъ государственную службу). Такова практика XVIII вѣка.

Послѣ всего сказаннаго, ясенъ отвѣтъ на оба вопроса относительно пополненія дворянства выходцами изъ другихъ классовъ. Это пополненіе было выгодно дворянству тѣмъ, что усиливало его ряды. Оно происходило черезъ органъ дворянскаго господства, черезъ центральную государственную власть; происходило добровольно; оно было самопополненіемъ дворянства. Новые дворяне дѣлались обыкновенно землевладѣльцами,—классовый составъ дворянства мало измѣнялся отъ его самопополненія; а поскольку измѣнялся, — измѣненіе направлялось въ сторону усвоенія экономическихъ чертъ торгово-промышленнаго класса.

Самопополненіе дворянства вызывалось его стремленіемъ укрѣпить свое соціальное положеніе, между прочимъ, и путемъ увеличенія ратной силы. За отсутствіемъ достаточныхъ денежныхъ средствъ на образованіе регулярнаго войска изъ нисшихъ классовъ, дворяне вынуждены были самолично отправляться въ походы „конны, людны и оружны". „Людность" заключалась въ томъ, что вмѣстѣ со своимъ государемъ,—помѣщикомъ или вотчинникомъ,—отправлялись въ походъ и его холопы. Съ теченіемъ времени дворяне стали получать пособіе на вооруженіе, но продовольствоваться въ пути должны были на свой счетъ. А такъ какъ за предѣлами своей вотчины дворянинъ считалъ всю русскую землю за рядъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ, болѣе или менѣе чуждыхъ ему отдѣльныхъ государствъ-вотчинъ, то дворянское ополченіе не очень стѣснялось по отношенію къ населенію: дворяне „грабили деревни, скотъ, сѣкли, дворы жгли христіанскіе".

Ростъ денежнаго хозяйства долженъ былъ отразиться на характерѣ войска.

Ратная сила должна была довольствоваться за счетъ центральной организаціи и, благодаря этому, чувствовать себя не вотчинной, а государственной силой; господствующій классъ долженъ былъ стремиться свалить съ себя на плечи другихъ болѣе тяжелыя стороны службы; наконецъ, каждый отдѣльный представитель господствующаго класса, сообразно степени своего участія въ военной организаціи, сталъ предъявлять требованіе на спеціальное вознагражденіе (жалованье) за это участіе. Развитіе денежнаго хозяйства ведетъ, такимъ образомъ, къ созданію постоянной арміи. „Появленіе постояннаго войска есть ясный признакъ экономическаго переворота въ народной жизни, промышленнаго и торговаго развитія, появленія имущества движимаго, денегъ, подлѣ недвижимаго, земли" [1]).

Спеціально-военный писатель П. О. Бобровскій не разбирается въ томъ, гдѣ причина и гдѣ слѣдствіе или частный признакъ. Для него

---

[1]) С. М. Соловьевъ. Публичныя чтенія о Петрѣ В. М. 1872 г. стр. 12.

просто одно явленіе „сопровождается“ другимъ. Чѣмъ же „сопровождается“ появленіе постояннаго войска? „Измѣненіемъ въ управленіи финансами,—отвѣчаетъ П. О. Бобровскій [1]), — вслѣдствіе радикальной перемѣны въ системѣ налоговъ и перевода многихъ натуральныхъ воинскихъ повинностей въ денежныя“. Само собою разумѣется, что воинскихъ натуральныхъ повинностей не переведешь въ денежныя, пока для этого не создано почвы переходомъ страны отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, пока страна бѣдна деньгами. Учрежденіе регулярныхъ войскъ „сопровождалось“ также,—по П. О. Бобровскому,—повсюду въ Европѣ, а слѣдовательно и у насъ, привлеченіемъ къ военной службѣ преимущественно нисшихъ классовъ народонаселенія, менѣе прихотливыхъ и болѣе способныхъ къ перенесенію тягостей войны. Для военнаго писателя на первомъ планѣ военный интересъ: онъ констатируетъ меньшую прихотливость, большую способность. Насъ же интересуетъ больше соціальная сторона явленія. А она заключается въ томъ, что, съ ростомъ денежнаго хозяйства, господствующій классъ, усиливаясь и облагая денежными повинностями классы болѣе слабые, перелагалъ на эти классы и часть обязанностей воинскихъ; господствующій классъ дѣлалъ подчиненные классы воинскимъ орудіемъ ихъ собственнаго подчиненія. Въ этомъ соціальное содержаніе военной эволюціи въ Россіи XVII вѣка.

Начало постоянному войску въ Россіи положено еще въ XVI вѣкѣ. При Иванѣ Грозномъ оно достигаетъ уже 35 000 человѣкъ; уже и въ то время встрѣчается подрядный способъ заготовленія хлѣбныхъ запасовъ для войскъ. Тогда же началось привлеченіе иноземцевъ на службу въ качествѣ пушкарей, мастеровъ ружейнаго и порохового дѣла и т. п.; бывала и наемная пѣхота. Въ концѣ XVI вѣка въ Москвѣ была гвардія изъ иноземцевъ. Съ царствованія Бориса Годунова появляются цѣлые полки иноземцевъ въ Россіи; при Василіи Шуйскомъ и особенно при Михаилѣ Романовѣ наемъ иноземцевъ цѣлыми полками усиливается. Напомнимъ, что офицеры изъ иноземцевъ получали помѣстья, и такимъ образомъ ихъ интересы непосредственно связывались съ хозяйскими интересами бояръ и дворянъ. Конечно, раздача помѣстій иностранцамъ была для туземныхъ землевладѣльцевъ нежелательной жертвой. Да и пришлые солдаты обходились дорого. Поэтому русскіе спѣшатъ обучиться новому строю и образуютъ русскіе полки иноземнаго строя съ иностранными названіями: рейтары, драгуны. солдаты.

Въ эти полки брали мелкопомѣстныхъ и обѣднѣвшихъ, безпомѣстныхъ дворянъ, а также лицъ другихъ сословій, до крестьянъ включительно. Къ концу XVII вѣка въ войскѣ новаго, иноземнаго строя счи-

---

[1]) П. О. Бобровскій. Военное право въ Россіи при Петрѣ В. Спб. 1886 Вып. II. стр. VIII—IX.

талось уже до 100,000 человѣкъ. Однако, это еще не была регулярная армія въ нашемъ смыслѣ слова: по окончаніи войны не только дворяне, стрѣльцы и городовые казаки, но и солдаты, рейтары, драгуны расходились по домамъ и въ мирной обстановкѣ не отличались отъ крестьянъ и посадскихъ: занимались хозяйствомъ, а военнаго дѣла не знали.

Съ точки зрѣнія соціальнаго состава заслуживаютъ особаго вниманія стрѣльцы. Въ періодъ еще очень сильнаго преобладанія сельскаго хозяйства надъ торговлей и промысломъ, помѣстья надъ городомъ,—въ Россіи образуется довольно внушительная вооруженная сила городского населенія: въ Москвѣ стрѣльцовъ бывало до 20,000 человѣкъ, да по другимъ городамъ приблизительно столько же. Стрѣльцы, правда, отличались нѣкоторыми преимуществами отъ посадскихъ: не несли денежныхъ повинностей, подчинялись особой управѣ, подъ главнымъ вѣдѣніемъ стрѣлецкаго приказа. Они получали особое жалованье; и стрѣлецкая повинность, къ которой было привлечено 126 городовъ (102,204 двора), считалась въ числѣ наиболѣе тяжкихъ. Тѣмъ не менѣе стрѣльцы не выходили изъ состава городскихъ обществъ, и ихъ интересы были непосредственно связаны съ тѣмъ, что теперь называютъ городской мелкой буржуазіей: они были полупромышленнымъ сословіемъ, жили отдѣльными слободами въ городахъ, промышляли и торговали. Антагонизмъ между дворянскимъ и стрѣлецкимъ войскомъ сказался довольно рано[1]). Интересами дворянскаго самосохраненія, боязнью стрѣлецкихъ возмущеній противъ классоваго землевладѣльческаго государства приходится объяснять тотъ фактъ, что стрѣльцы не допускались къ высшимъ должностямъ въ своемъ же, стрѣлецкомъ войскѣ: только въ пятидесятники и десятники допускались стрѣльцы; высшими же чинами,—сотниками, полуголовами и головами,—бывали непремѣнно дворяне или дѣти боярскіе. Стрѣлецкая исторія полна возмущеній, и въ нихъ приходится видѣть не столько борьбу нисшихъ воинскихъ чиновъ противъ высшихъ, сколько отраженіе классоваго антагонизма между городскимъ торгово-промышленнымъ населеніемъ и землевладѣльцами. Отсюда—та безпощадная жестокость, съ которой подавлялись стрѣлецкія возмущенія. И понятно, что съ ростомъ денежнаго хозяйства, съ усиленіемъ землевладѣльческой организаціи, стрѣлецкое войско обречено было на уничтоженіе.

Давно стало общимъ мѣстомъ утвержденіе, что появленіе сильнаго регулярнаго войска вездѣ вело къ образованію „абсолютизма“ или, точнѣе, было однимъ изъ необходимыхъ условій абсолютизма. И у насъ,—говоритъ Н. П. Сильванскій [2]),—съ образованіемъ сильнаго

---

[1]) С. М Соловьевъ. Ист. Р. т. XIII стр. 918.

[2]) Феодализмъ въ древней Руси. Стр. 144 и 145.

регулярнаго войска центральная власть усиливается... и московское патріархальное самодержавіе превращается въ императорскій абсолютизмъ... Самодержавіе первыхъ Романовыхъ не было „самовластіемъ“; оно фактически было связано силою сословій и внутренней слабостью впервые организующейся центральной власти, а также сильнымъ тогда еще консерватизмомъ обычнаго права. Царь долженъ былъ править по старинѣ, въ согласіи съ боярской думою, въ согласіи съ патріархомъ и освященнымъ соборомъ, а въ важнѣйшихъ дѣлахъ по „совѣту всей земли“... Петръ I... замѣнившій боярскую думу сенатомъ и патріарха—синодомъ, открыто провозгласилъ новое начало абсолютизма: Его Величество есть самовластный государь, который никому въ свѣтѣ отвѣта давать не долженъ. Включивъ эту декларацію самовластія въ воинскій уставъ 1716 года, Петръ невольно подчеркнулъ тѣсную связь абсолютизма съ новой регулярной арміей“.

Я привелъ все это разсужденіе Н. П. Сильванскаго, потому что оно—почти ходячее разсужденіе, общепризнанная истина, общее мѣсто. Тѣмъ болѣе оно заслуживаетъ провѣрки.

Прежде всего—о провозглашеніи Петромъ извѣстнаго принципа. Пусть онъ былъ провозглашенъ; пусть введеніе его въ воинскій уставъ какъ бы подчеркиваетъ связь абсолютизма съ постоянной арміей [1]). Но что значитъ само по себѣ провозглашеніе принципа и даже введеніе его въ законъ? Оно можетъ, конечно, явиться признаніемъ того, что уже складывается или сложилось въ жизни. Такъ, законъ былъ только регистраціей совершившагося факта, когда отожествилъ помѣстье съ вотчиной. Но бываетъ и иначе. Бываетъ, какъ говоритъ В. Ключевскій, что „люди хватаются за писанный законъ, когда чувствуютъ, что изъ-подъ ногъ ускользаетъ обычай, по которому они хо-

---

[1]) Маленькая оговорка: провозглашеніе этого принципа не было обставлено никакой торжественностью. Оно находится въ „воинскихъ артикулахъ“, т. е. въ воинскомъ уложеніи о наказаніяхъ, и является лишь поясненіемъ или „толкованіемъ“ статьи 20-й этихъ артикуловъ. Статья 20-я въ цѣломъ гласитъ слѣдующее:

Арт. 20. Кто противъ Его Величества Особы хулительными словами погрѣшитъ, Его дѣйство и намѣреніе презирать и непристойнымъ образомъ о томъ разсуждать будетъ, оный имѣетъ живота лишонъ быть, и отсѣченіемъ главы казненъ.

Толк. Ибо Его Величество есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ; но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять.

И яко же о Его Величествѣ самомъ въ оном артикулѣ помянуто, разумѣется такъ и о Его Величества царской супругѣ, и Его Государства наслѣдіи.

дили". И вотъ въ данномъ случаѣ вполнѣ возможно сомнѣніе, не подходитъ ли провозглашеніе Петромъ извѣстнаго принципа подъ ту категорію явленій, о которой говоритъ В. Ключевскій.

Съ образованіемъ регулярнаго войска центральная власть усиливается, превращается у насъ въ „императорскій абсолютизмъ". Пусть и это вѣрно. Но отожествлять, безъ всякаго доказательства тождественности, центральную власть или абсолютизмъ съ „самовластіемъ" Романовыхъ—это значитъ подставлять, незамѣтно для самого себя, одно понятіе на мѣсто другого. Болѣе того: это значитъ отожествлять явленія прямо противоположнаго характера. Ибо ростъ центральной власти означаетъ упроченіе организаціи, побѣду цѣлаго надъ частями, общества надъ личностью. А самовластіе—это освобожденіе части изъ подъ вліянія цѣлаго, дезорганизація, торжество личности надъ обществомъ. И Н. П. Сильванскій долженъ былъ, по отношенію къ личности Петра, доказать или его дезорганизующую роль, или фактъ естественнаго исключенія изъ общаго правила.

Можно бы ограничиться этими возраженіями, если бы данное мнѣніе Н. П. Сильванскаго не было ходячимъ, широко распространеннымъ и глубоко вкоренившимся мнѣніемъ. Въ виду же этого послѣдняго обстоятельства, я считаю не лишнимъ сдѣлать здѣсь еще нѣсколько замѣчаній.

Абсолютизмъ тѣсно связанъ съ регулярной арміей. Сила абсолютизма внѣшне проявляется въ выступленіяхъ этой арміи. Юридически распоряженіе этой арміей находится въ рукахъ абсолютнаго монарха. Отсюда и дѣлается обыкновенно заключеніе, что абсолютный монархъ самовластенъ. Дѣйствительно, можно вынести такое впечатлѣніе, если посмотрѣть на воинскій парадъ въ королевскомъ присутствіи. Но тѣ, кто судитъ объ арміи только по парадамъ, обыкновенно горько разочаровываются въ своихъ сужденіяхъ. Внѣ парадовъ регулярная армія не стоитъ внѣ классовъ. Чтобъ доказать, что на смѣну московскаго землевладѣльческаго государства, съ появленіемъ регулярной арміи, пришло что то новое, нужно было бы доказать, что съ Петромъ или послѣ Петра эта армія, въ своей командующей части, въ офицерствѣ, ушла изъ рукъ землевладѣльческаго класса. А такъ какъ ничего подобнаго не произошло въ дѣйствительности, то и о замѣнѣ связаннаго „силою соловій" и проч. московскаго самодержавія императорскимъ „самовластіемъ" говорить не приходится.

Затѣмъ, чтобы доказать наличность самовластія послѣ Петра, нужно бы привести факты. Мы ихъ болѣе или менѣе знаемъ. Возьмемъ два ряда представителей верховной власти въ Россіи XVIII вѣка. Первый рядъ: Петръ I, Елисавета, Екатерина II. Второй рядъ: Іоаннъ Антоновичъ (въ лицѣ его матери, правительницы Анны Леопольдовны), Петръ III, Павелъ I. Который изъ этихъ рядовъ болѣе подходитъ подъ терминъ самовластія?

Наконецъ, еще аргументъ за „самовластіе“: Петръ I провозгласилъ его въ воинскомъ уставѣ,—точнѣе: въ части, гдѣ говорится о преступленіяхъ и наказаніяхъ. Монархъ, по этому уставу, никому въ свѣтѣ отвѣта давать не долженъ. Но гдѣ же тутъ признакъ самовластія или даже абсолютизма? Вѣдь и въ монархіяхъ конституціонныхъ, даже наиболѣе устойчивыхъ и демократическихъ, монархъ юридически ни передъ кѣмъ отвѣта давать не долженъ: отвѣчаютъ министры [1]). Это юридически. А фактически мы знаемъ слѣдующее. Въ Россіи XVII вѣка, несмотря на множество мятежей и волненій, не было ни одного серьезнаго движенія, направленнаго противъ личности представителей династіи Романовыхъ. На рубежѣ XVII и XVIII вѣковъ такія движенія наблюдаются,—именно противъ личности Петра I. Въ XVIII вѣкѣ мы имѣемъ Іоанна Антоновича, Петра III и (въ 1801 г.) Павла I. Предоставляю теперь читателю самому судить: что же такое представляетъ собою провозглашеніе въ воинскомъ уставѣ принципа безотвѣтственности монарха? Регистрируетъ ли оно обычай слагающійся или обычай, ускользающій изъ-подъ ногъ? И можно ли допустить предположеніе, чтобы „самовластіе“ послѣ Петра I могло проявляться настолько сильно, чтобы хоть на одну іоту измѣнить соотношеніе силъ классовъ, нарушить ходъ классовой борьбы, поколебать существо классоваго государства,—заключающееся въ томъ, что государственная организація представляетъ собою политическую организацію экономически-господствующаго класса?

Если мы вглядимся ближе въ артикулъ 20-й, то замѣтимъ, что рѣчь въ немъ идетъ не о критикѣ дѣйствій Императора вообще, а только о хулительныхъ словахъ, о томъ, чтобы не презирать его дѣйствій и не разсуждать о нихъ непристойнымъ образомъ,—рѣчь идетъ о проступкахъ, подходящихъ подъ обычный терминъ оскорбленія Величества. И провозглашеніе самовластія въ связи только съ этимъ артикуломъ, пріуроченіе вопроса о самовластіи лишь къ вопросу о правѣ не подвергаться заочнымъ оскорбленіямъ, бросаетъ свѣтъ на нѣсколько специфическое пониманіе Петромъ I своего самовластія. Н. П. Сильванскому толкованіе къ артикулу 20-му представляется символомъ связи между постояннымъ войскомъ и абсолютизмомъ; мы съ не меньшимъ правомъ можемъ видѣть въ провозглашеніи самовластія въ уставѣ о наказаніяхъ символъ связи между уголовной отвѣтственностью подданныхъ и только уголовной же безотвѣтственностью (самовластіемъ) монарха. Провозглашая этотъ послѣдній принципъ,

---

[1]) П. Милюковъ справедливо видитъ въ толкованіи къ арт. 20 опредѣленіе монархической власти вообще, а не абсолютизма. Кстати: текстъ у него не точенъ,—вмѣсто самовластный сказано самодержавный. (Гос. Хоз. стр. 500).

Петръ I не внесъ, конечно, ничего новаго ни въ московскую политическую идеологію, ни въ московскую практику.

6. Политическія идеологіи.

Съ воцареніемъ Романовыхъ волненія въ Московскомъ государствѣ не прекратились. Но они имѣли уже нѣсколько иной характеръ. Смута внесла извѣстное просвѣтлѣніе въ политическое сознаніе массъ. Прежде государство,—по словамъ В. Ключевскаго,—мыслилось въ народномъ сознаніи только при наличности государя, воплощалось въ его лицѣ и поглощалось имъ. Въ смуту, когда временами вовсе не бывало государя, или когда не знали, кто онъ, сами собою стали раздѣляться нераздѣлимыя прежде понятія: московское государство, даже безъ государя, продолжаетъ существовать. Мысль о государствѣ начинаетъ отдѣляться отъ мысли о государѣ [1]) Но и въ государствѣ, отдѣленномъ отъ государя, продолжалась борьба интересовъ, борьба классовъ. Естественно, что эти классы стали противостоять другъ другу болѣе непосредственно, безъ ссылки на государеву волю и государевы интересы. Если же принять во вниманіе, что XVII вѣкъ былъ вѣкомъ ускореннаго развитія денежнаго хозяйства и, слѣдовательно, вѣкомъ обостренія классовыхъ противорѣчій, то нужно будетъ ожидать, что народныя волненія этого вѣка будутъ носить болѣе ярко выраженную соціальную окраску, что вопросъ о личности верховнаго правителя послѣ смуты отодвинется на второй планъ.

Вглядимся немного въ психологію московскаго обитателя. Мы видѣли, что старинная община не съумѣла выработать себѣ формъ организаціи, примѣнимой къ болѣе развитому хозяйству. На мѣсто союза равноправныхъ общинниковъ становится іерархическая организація, съ сильнымъ человѣкомъ, „благодѣтелемъ"—бояриномъ во главѣ. Менѣе сильные члены общины ищутъ спасенія въ этомъ бояринѣ. Отсюда—закладничество. По мѣрѣ сплоченія государства и роста іерархіи государь бояринъ, какъ высшій защитникъ и представитель населенія, уступаетъ понемногу мѣсто государю-князю, государю-великому князю, царю. Царь-государь, какъ главный хозяинъ, во имя своихъ хозяйскихъ интересовъ, долженъ былъ, по естественному ходу вещей, беречь свое хозяйство, дорожить благосостояніемъ своихъ людей или людишекъ, какъ источникомъ своего дохода. Царь — самый сильный, высшій защитникъ страны. Правда, вокругъ него стоятъ бояре. Они угнетаютъ народъ. Но угнетая, раззоряя, они наносятъ ущербъ царю, являются царскими врагами. Чѣмъ слабѣе бояре и чѣмъ

[1]) Курсъ р. ист. т. III стр. 83.

сильнѣе власть царя, тѣмъ меньше боярскаго угнетенія, тѣмъ лучше идетъ царское хозяйство, тѣмъ выше благосостояніе простого народа. Неизбѣжный выводъ—энергичный протестъ противъ всякихъ ограниченій царской власти. Если растетъ угнетеніе, усиливается и обостряется крѣпостное право, то виною этому всецѣло бояре или дворяне, супротивники царя, перехватывающіе въ свою пользу царскіе доходы и раззоряющіе царское хозяйство.

Эту точку зрѣнія мелкаго хозяйчика недурно формулировалъ когда-то Ю. Ѳ. Самаринъ въ своей извѣстной запискѣ „О крѣпостномъ состояніи и о переходѣ изъ него къ гражданской свободѣ". Крѣпостное сословіе,—говорилъ Самаринъ,—живо ощущаетъ „историческую беззаконность" своего положенія и ставитъ его въ вину дворянству: „Дворянство разлучило простой народъ съ царемъ... Оно заслоняетъ народъ отъ царя и не допускаетъ до него народныхъ жалобъ и надеждъ. Оно же скрываетъ отъ народа свѣтлый образъ царя, и оттого слово послѣдняго или не доходитъ до простыхъ людей, или доходитъ искаженнымъ. Но народъ любитъ царя и рвется къ нему, и царь съ своей высоты съ любовью смотритъ на народъ, издавна замышляя его избавленіе. Когда-нибудь они откликнутся и черезъ головы дворянъ протянутъ руки другъ другу". Теперь, если вспомнимъ неприкрытую слабость царей XVII вѣка передъ боярами,—легко поймемъ, почему черезъ весь вѣкъ проходятъ попытки „народа" протянуть руку царю черезъ головы дворянъ. Черезъ все міросозерцаніе, формулированное Самаринымъ, красной нитью проходитъ мысль о слабости и невольной пассивности царя, отъ котораго заслоняютъ, къ которому не допускаютъ, котораго скрываютъ, слова котораго искажаютъ, который всегда доброе замышляетъ, но привести въ исполненіе не можетъ. Вѣрный классовый инстинктъ подсказывалъ московскому простонародью XVII вѣка ту истину, что тогда, вмѣстѣ съ ростомъ дворянской государственной организаціи, росла и неизбѣжная, вольная или невольная, пассивность царя во всемъ, что могло бы нарушить дворянскіе интересы. И тотъ же вѣрный классовый инстинктъ подсказывалъ непосредственную борьбу съ боярствомъ. Конечно,—и этого ни на минуту не слѣдуетъ забывать,—борьба диктовалась не абстрактной политической идеей освобожденія царя отъ народа; она диктовалась непосредственными экономическими интересами. Но формой своего политическаго выраженія она всегда брала или защиту царя отъ бояръ, или защиту законнаго царя противъ незаконнаго (самозванство).

Возстанія простонародья XVII (а затѣмъ и XVIII) вѣка не могли выдвинутъ никакой новой политической идеологіи, не могли предложить никакихъ новыхъ формъ политическаго строя. Это давно подмѣчено историками, какъ подмѣчено и то обстоятельство, что бунтъ во имя защиты законныхъ правъ царя былъ таковымъ только по своей

политической формѣ, что подкладка была совсѣмъ другая.—„У насъ всѣ волненія направлялись въ защиту законнаго государя отъ притязанія бояръ, которые злоупотребляли всегда довѣріемъ царя. Всѣ эти обвиненія бояръ въ желаніи извести государя, въ стремленіи овладѣть государствомъ, помимо законныхъ царей, служили только предлогомъ къ казни или ссылкѣ лицъ ненавистныхъ... Нисшій классъ народа всегда шелъ на защиту царя подъ знаменами самозванцевъ, въ бунтѣ Разина и стрѣлецкихъ мятежахъ и т. п.“ [1]).

Народныя движенія XVII вѣка не вносили, такимъ образомъ, ничего новаго собственно въ сферу политической организаціи верховной власти. Ничего не вносили они и въ смыслѣ реорганизаціи соціальныхъ отношеній. Въ началѣ вѣка Болотниковъ разсылалъ прокламаціи, призывая холоповъ избивать своихъ господъ и брать себѣ въ награду за это ихъ женъ и имѣнія, обѣщая возставшимъ боярство и воеводство. Мысль возстающихъ, въ самомъ крайнемъ случаѣ, не шла дальше того, чтобы, въ случаѣ успѣха возстанія, бунтовщики сами могли занять мѣста угнетателей и пользоваться утѣхами за счетъ не поспѣвшихъ. Понятно, что такой успѣхъ не создалъ бы ничего новаго ни въ строѣ хозяйства, ни въ существѣ политическихъ отношеній: онъ бы только насадилъ новыхъ дворянъ или бояръ на мѣсто старыхъ.

Неумѣнье выработать политическія формы, ограждающія экономически-угнетенные классы отъ притязаній класса, экономически и политически господствующаго, то есть неспособность, въ конечномъ счетѣ, политически-организоваться,—съ особенной яркостью проявлялась въ московскихъ стрѣлецкихъ бунтахъ. По своему классовому положенію стрѣльцы, какъ мы уже знаемъ, приближались къ типу такъ называемой городской мелкой буржуазіи. Эти горожане, болѣе развитые, чѣмъ деревенскіе жители, нѣсколько разъ поднимались въ Москвѣ противъ бояръ и дворянъ; не разъ они являлись въ Москвѣ побѣдителями, становились господами положенія. Но изъ этого, въ политическомъ отношеніи, ничего не получалось. Чтобы понять подобное явленіе, нужно нѣсколько ближе присмотрѣться къ московскимъ мятежамъ XVII вѣка.

Имѣется интересный документъ,—разсказъ современника о мятежѣ 1648 года. Разсказчикъ видимо сочувствуетъ возставшимъ, и передъ нами, такимъ образомъ, непосредственно вскрывается психологія вѣрноподданнаго мятежника. Приводимъ разсказъ, въ наиболѣе характерныхъ выдержкахъ, изъ книги С. Ѳ. Платонова [2]).

---

[1]) Н. Аристовъ. Московскія смуты въ правленіе царевны Софьи Алексѣевны. Варшава 1871 г. стр. 71.

[2]) С. Ѳ. Платоновъ. Статьи по русской исторіи. СПБ. 1903.

„Было смятеніе въ мірѣ, били челомъ всею землею государю на земсково судью на Левонтья Степанова сына Плещѣева, что отъ него въ міру стала великая налога и во всякихъ разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ по его Левонтьеву наученію отъ воровскихъ людей напрасные оговоры. И государь царь того дня всей землѣ его Левонтья не выдалъ.

И того жъ дни возмутились міромъ на его левонтьевыхъ заступниковъ, на боярина и государева царева дятку на Бориса Иванова сына Морозова да на окольничево на Петра Тиханова сына Траханіотова, да на думново дьяка на Назарья Иванова сына Чистово и иныхъ многихъ единомысленниковъ ихъ, и домы ихъ міромъ розбили и розграбили. И самово думново дьяка Назарья Чистого у него въ дому до смерти прибили.

И іюня въ 3 день, видя государь царь такое въ міру великое смятеніе, велѣлъ ево земсково судью Левонтья Плещѣева всей землѣ выдать головою, и его Левонтья міромъ на Пожарѣ прибили ослопьемъ. И учели міромъ просити и заступниковъ ево единомысленниковъ Бориса Морозова и Петра Траханіотова“.

Царь выслалъ духовенство и бояръ уговаривать толпу, а тѣмъ временемъ послалъ Морозова и Траханіотова въ ссылку. Онъ обѣщалъ народу, что этимъ лицамъ

„до смерти на Москвѣ не бывать и не владѣть и на городѣхъ у государевыхъ дѣлъ ни въ какихъ приказахъ не бывать. И на томъ государь царь къ Спасову образу прикладывался, и міромъ и всею землею положили на его государеву волю“.

Но въ тотъ же день случился въ Москвѣ большой пожаръ. Народъ обвинилъ въ поджогѣ Морозова и Траханіотова и вновь возмутился. „И видя государь царь на землѣ великое смятеніе“, послалъ вернуть съ дороги Траханіотова и велѣлъ его казнить. А Морозова онъ выпросилъ, какъ своего дядьку, причемъ рѣшено было:

„А впредь ему Борису (Морозову) на Москвѣ не бывать и всѣмъ роду его Морозовымъ нигдѣ въ приказѣхъ у государевыхъ дѣлъ, ни на воеводствахъ не бывать и владѣть ничѣмъ не велѣлъ. На томъ міромъ и всею землею государю царю челомъ ударили и въ томъ во всемъ договорилися. А стрѣльцовъ и всякихъ служивыхъ людей государь царь пожаловалъ, велѣлъ имъ свое государево жалованье давать денежное и хлѣбное вдвое“.

Въ этомъ разсказѣ все характерно: и „битье челомъ“ царю-государю на Плещеева, и бунтъ противъ „заступниковъ“, а не противъ царя, и выдача царемъ Плещеева „видя въ міру великое смятеніе“, и то, что затѣмъ „просили“ выдать Морозова и Траханіотова на вѣрную смерть, и предоставленіе этихъ лицъ „на его государеву волю“,—

въ изгнаніе,—и то, что въ заключеніе царь-государь „пожаловалъ“ бунтовщиковъ двойнымъ жалованьемъ. Только человѣкъ съ цѣльнымъ, царско-вѣрноподданническимъ міросозерцаніемъ могъ такъ искусно отдѣлить царя отъ бояръ. Царь, конечно, переживалъ во время мятежа минуты не совсѣмъ пріятныя, но вѣрноподданный мятежникъ какъ будто и не подозрѣваетъ объ этомъ. И, можно думать, не подозрѣваетъ вполнѣ искренне: вѣдь народъ не возставалъ противъ царя, народъ только защищалъ своего царя отъ дурныхъ слугъ его: онъ, по выраженію Самарина, протянулъ царю руку черезъ головы дворянъ. И народное политическое міровоззрѣніе нашло себѣ подтвержденіе въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ царя: „освободившись“ отъ негодныхъ бояръ, царь сталъ милостивъ, сильныхъ изъ царства выводитъ [1]).

Не прошло и пятнадцати лѣтъ, какъ въ Москвѣ вспыхиваетъ новый мятежъ, въ связи съ злоупотребленіями по чеканкѣ мѣдныхъ рублей. Въ іюлѣ 1662 толпа явилась въ резиденцію царя,—подмосковное село Коломенское. Царь Алексѣй встрѣчаетъ ее, выслушиваетъ требованіе судить измѣнниковъ, обѣщаетъ, „бьетъ по рукамъ“ съ однимъ изъ мятежниковъ. Но въ это время подъ рукой у Алексѣя оказалось достаточно войска, а толпа была безоружна, и „протянуть руку черезъ голову дворянъ“ не удалось: начались избіенія, казни. Насчитываютъ 7,000 человѣкъ, казненныхъ по этому дѣлу, и больше 15,000 человѣкъ, наказанныхъ отсѣченіемъ рукъ и ногъ, ссылкой, конфискаціей имущества.

Проходитъ $\frac{1}{2}$20 лѣтъ,—и стрѣльцамъ вновь удается протянуть руку черезъ голову дворянъ. Началось съ жалобъ на полковниковъ, которые удерживаютъ себѣ часть жалованья, слѣдуемаго стрѣльцамъ, и заставляютъ послѣднихъ даромъ работать на себя: у дворянъ-полковниковъ, очевидно, готовъ былъ сложиться взглядъ на стрѣльцовъ, какъ на своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Жалобщиковъ побили кнутомъ и отправили въ ссылку. Слѣдуетъ вторая жалоба,—на полковника Грибоѣдова. Стрѣлецкаго выборнаго, принесшаго жалобу, велятъ высѣчь публично. Стрѣльцы не даютъ привести въ исполненіе это наказаніе и отбиваютъ товарища. Напряженіе растетъ, и правительство рѣшаетъ пожертвовать Грибоѣдовымъ, выслать его изъ Москвы.

Въ это время умираетъ (27 апрѣля) царь Ѳеодоръ. Стрѣльцы, послѣ нѣкотораго колебанія, вслѣдъ за боярами цѣлуютъ крестъ младшему царевичу Петру. Но движеніе противъ полковниковъ не прекращается: стрѣльцы требуютъ выдачи задержаннаго жалованья и уплаты за частныя работы, къ которымъ вынуждали ихъ полковники. Эти требованія удовлетворяются; сверхъ того полковниковъ ставятъ на правежъ, бьютъ батогами и кнутомъ. Кромѣ того объявляется опала нѣ-

[1]) В. Ключевскій. Курсъ р. исторіи. Стр, 169—170.

которымъ близкимъ царю боярамъ. Стрѣльцы не успокоиваются, тѣмъ болѣе что волненіе имѣетъ возможность облечься въ привычную, законную форму защиты интересовъ законнаго царя, старшаго царевича Іоанна. Въ попраніи правъ Іоанна была обвинена одна изъ боярскихъ группъ. Стрѣльцы били въ набатъ, собирались въ кругъ, кричали: „Не хотимъ, чтобы нами управляли Нарышкины и Матвѣевъ,—мы имъ всѣмъ шеи свернемъ!“ Составляется списокъ измѣнниковъ. Въ день 15 мая набатъ и барабанный бой раздаются по Кремлю. Стрѣльцы требуютъ показать царевича Іоанна, котораго будто бы извели бояре. Царевича показываютъ; тѣмъ не менѣе стрѣльцы требуютъ, чтобы имъ выдали измѣнниковъ-бояръ: князей Юрія и Михаила Долгорукихъ, Григ. Ромодановскаго, К. Нарышкина, Арт. Матвѣева, Ив. Нарышкина и другихъ. Почти всѣхъ этихъ бояръ и князей стрѣльцы ловятъ и убиваютъ. Говорятъ, что Матвѣевъ, ища спасенія, схватилъ подъ руку Петра, но стрѣльцы вырвали его изъ руки царской.

Мятежники становятся господами во дворцѣ, бѣгаютъ по комнатамъ, перетряхиваютъ перины, роются въ чуланахъ и т. д.,—всюду ищутъ они „измѣнниковъ“, „истребителей царскаго сѣмени“, особенно Ивана Нарышкина, брата царицы: его подозрѣваютъ въ умыслѣ захватить престолъ. Это былъ, правда, родственникъ царя, но всетаки не царь, а бояринъ, „стоявшій между царемъ и народомъ“. Онъ прятался во дворцѣ. Толпясь у дворца, стрѣльцы требовали выдачи Нарышкина и заявляли, что безъ него не выйдутъ изъ Кремля. Во дворцѣ происходитъ сцена, типичная для момента протягиванія руки между народомъ и царемъ черезъ головы дворянъ. Царевна Софья рѣзко обратилась къ царицѣ Натальѣ: „Брату твоему не отбыть отъ стрѣльцовъ; не погибать же намъ всѣмъ за него!“ Бояре со слезами просятъ царицу выдать брата. Ивана Нарышкина выводятъ изъ убѣжища во дворцѣ и приводятъ въ церковь. Исповѣдали, пріобщили, особоровали, вручили икону Богородицы. Царская семья прощается съ своимъ сочленомъ, предаваемымъ на мучительную смерть. Прощаніе царицы съ братомъ кажется слишкомъ медленнымъ перетрусившимъ боярамъ, и князь Одоевскій грубо вмѣшивается: „Сколько вамъ, государыня, ни жалѣть, а все уже отдать придется; а тебѣ Ивану отсюда скорѣе идти надобно, а то намъ всѣмъ придется погибнуть изъ-за тебя“. Захвативъ вышедшаго изъ церкви Нарышкина, стрѣльцы пытали его, затѣмъ вытащили на Красную площадь и разсѣкли на части.

Расправившись съ боярами, стрѣльцы,—а съ ними и солдаты, и пушкари,—требуютъ выплаты жалованья и сверхъ того награды по 10 рублей на человѣка.

Бунтъ кончился, но правительства не было. Все пряталось и трепетало. Стрѣльцы являются господами положенія и могутъ перестроить государство, какъ имъ угодно. Каковы же ихъ политическія тре-

бованія? Прежде всего, посадить на престолъ Іоанна рядомъ съ Петромъ, съ тѣмъ, чтобы Іоаннъ числился первымъ царемъ, а Петръ—вторымъ. Во вторыхъ, поставить въ Москвѣ на Красной площади столбъ, а на немъ написать вины всѣхъ убитыхъ злодѣевъ. Въ третьихъ, разослать жалованныя грамоты за красными печатями о томъ, чтобы нигдѣ бояре, окольничіе и думные люди не называли стрѣльцовъ бунтовщиками и измѣнниками. Возстановленіе Іоанна въ правахъ, столбъ и красныя печати—вотъ все, до чего могла додуматься московская демократическая мысль конца XVII вѣка. Челобитная, въ которой выражены эти требованія побѣдителей, начинается такъ: „Бьютъ челомъ стрѣльцы московскихъ приказовъ, солдаты всѣхъ полковъ, пушкари, затинщики, гости и разныхъ сотенъ торговые люди, всѣхъ слободъ посадскіе люди и ямщики. 15 мая изволеніемъ Всемогущаго Бога и Пречистыя Богоматери, въ Московскомъ государствѣ случилось побитье за домъ Пречистыя Богородицы и *за васъ, великихъ государей, за мирное порабощеніе и неистовство къ вамъ* и отъ великихъ къ намъ налогъ, обидъ и неправды“... (Далѣе перечисляются вины отдѣльныхъ побитыхъ бояръ, а въ заключеніе—требованіе о столбѣ и красныхъ печатяхъ).

Ничѣмъ,—замѣчаетъ С. М. Соловьевъ,—нельзя было такъ напугать стрѣльцовъ, какъ угрозою, что цари оставятъ Москву. Землевладѣльческое государство іерархическаго типа—таково единственное государство, доступное пониманію мелкаго производителя на первыхъ ступеняхъ развитія денежнаго хозяйства [1]). И это несмотря на то, что глава іерархіи, защитникъ народа отъ дворянъ и бояръ, представляется находящимся въ „мирномъ порабощеніи“, терпящимъ „неистовства“ отъ бояръ. Классовый инстинктъ подсказывалъ московскимъ низамъ, что Московское государство—дворянское государство. А своего государства придумать не могли,—хозяйственныя формы еще не давали почвы для новыхъ формъ политической организаціи массъ. Въ этомъ трагизмъ побѣдоносныхъ московскихъ возстаній: побѣдоносныя—они не могли стать революціями и оставались бунтами.

Но, оставаясь бунтами, московскія и провинціальныя возстанія того времени имѣли всетаки не маловажное значеніе соціальное. Какъ это ни парадоксально звучитъ на первый взглядъ, однако остается несомнѣнной истиной, что бунты того времени сплачивали и укрѣпляли государство. Они заставляли дворянъ объединяться, давать въ своей

---

[1]) Существуетъ указаніе, что среди московскихъ посадскихъ людей было желаніе продолжить созваніе земскихъ соборовъ,—по крайней мѣрѣ въ этомъ смыслѣ они высказались при одномъ частномъ случаѣ, въ 1662 году. Однако, никакой настойчивости при этомъ проявлено не было, а въ волненіяхъ 1682 года о соборѣ, кажется, и вовсе не поминали.

средѣ перевѣсъ центростремительнымъ тенденціямъ надъ центробѣжными. Но главное, – они одни спасали массу населенія отъ вырожденія и вымиранія, спасали страну отъ запустѣнія, являющагося неизбѣжнымъ результатомъ классоваго господства въ томъ случаѣ, когда аппетиты господствующаго класса, втянутаго въ денежное хозяйство, не встрѣчаютъ никакой сдержки, никакого протеста со стороны классовъ подвластныхъ, угнетаемыхъ и обираемыхъ.

Если низы московскаго государства предпочитали бы видѣть надъ собою единственно государя-царя, безъ посредствующаго звена въ лицѣ государей-вотчинниковъ и государей-помѣщиковъ, то нужно всетаки имѣть въ виду, что это предпочтеніе не отличалось постоянствомъ и настойчивостью. И такое явленіе понятно: денежное хозяйство еще не проникло глубоко въ народную жизнь; значительная часть повседневныхъ отношеній еще не выходила за предѣлы вотчинной или помѣстной околицы,—она не нуждалась въ государственномъ регулированіи или регламентаціи. При неспособности мелкихъ производителей къ выработкѣ хозяйственнаго коллектива въ иной формѣ, чѣмъ подчиненіе экономически-сильному человѣку, естественно, что и общественный коллективъ не могъ сложиться по иному типу: населеніе еще нуждалось въ мѣстныхъ, маленькихъ государяхъ и поддерживало ихъ. Землевладѣльческій классъ игралъ еще прогрессивную роль, какъ бы являясь представителемъ всего населенія, воплощая въ себѣ организаціонную идеологію нисшихъ классовъ. Низы возставали, но въ спокойное время не отвергали въ принципѣ того порядка, который былъ единственно доступенъ ихъ пониманію.

Тотъ же іерархическій порядокъ организаціи, по тѣмъ же причинамъ, являлся наиболѣе естественнымъ и для господствующаго, для землевладѣльческаго класса. Стремленіе къ непрерывному контролю нисшихъ надъ высшими было бы полезно, если бы контроль, такъ сказать, оправдывалъ издержки своего производства. Но это возможно только на значительно болѣе высокихъ ступеняхъ развитія денежнаго хозяйства. Пока же хозяйство менѣе значительныхъ вотчинниковъ приближалось къ натуральному типу, до тѣхъ поръ вмѣшательство центральныхъ и мѣстныхъ „государей“ въ хозяйство государей болѣе мелкихъ не могло быть особенно чувствительно. А вѣдь въ главномъ,— въ томъ, что центральная власть не пойдетъ противъ землевладѣльческихъ интересовъ въ цѣломъ,—землевладѣльцы были обезпечены принадлежностью царя-государя и его приближенныхъ именно къ землевладѣльческому классу: развѣ они могли стать врагами самимъ себѣ?

Но если господствующій классъ первоначально, по естественному ходу вещей, неизбѣжно предпочиталъ для себя организацію іерархическаго типа, то все же нельзя отрицать, что въ XVII вѣкѣ *сохраненію* этого типа въ значительной мѣрѣ способствовала идеологія низовъ.

Бороться противъ юридическаго полновластія главы государства боярамъ и дворянамъ не было никакой надобности: юридическое полновластіе оставалось юридическимъ, а фактическое и безъ борьбы уже принадлежало землевладѣльческому классу. Въ юридическомъ ограниченіи самодержавія не была заинтересована дворянская масса и потому, что по отдаленности отъ Москвы не могла бы осуществлять своихъ верховныхъ правъ, то есть, точнѣе, это осуществленіе опять-таки не оправдывало бы издержекъ своего производства. Юридическое ограниченіе самодержавія было бы, наконецъ, и прямо не выгодно при наличности извѣстной уже намъ идеологіи московскихъ массъ: оно открывало бы дорогу всяческой демагогіи. Поэтому, до нѣкоторой степени, можно считать правымъ В. Ключевскаго, когда онъ говоритъ, что „крѣпостное право дѣлало самихъ душевладѣльцевъ холопами наличной власти... и врагами всякой власти иного направленія“. Только насчетъ того, будто душевладѣльцы были *холопами*, намъ еще придется возражать почтенному историку.

Въ силу очерченныхъ выше отношеній внутри класса землевладѣльцевъ вообще, и отношенія всего класса государей къ одному изъ нихъ,—къ московскому царю-государю,—не оставалось почвы для возникновенія конфликтовъ между землевладѣльцами въ цѣломъ, съ одной стороны, и представителемъ верховной власти, съ другой. Этотъ фактъ давно замѣченъ историками, но истолковывался онъ какъ разъ навыворотъ противъ дѣйствительности. „Боярамъ никогда не было разсчета злоумышлять противъ государей,—писалъ напримѣръ Н. Аристовъ [1]),—отъ которыхъ они вполнѣ зависѣли: они знали, что тотъ или другой царь все равно одинаково будетъ держаться московскихъ началъ въ отношеніи къ дворянству“... Не было разсчета—это вѣрно. Но дальше Н. Аристовъ ухитряется въ двухъ строкахъ утверждать двѣ вещи, прямо противоположныя: бояре вполнѣ зависѣли отъ царей, и въ тоже время всякій царь все равно будетъ поступать одинаково. Куда же дѣвалась въ послѣднемъ случаѣ индивидуальность царя, отъ котораго будто бы бояре вполнѣ зависѣли?

Въ томъ то и дѣло, что, какъ правильно подмѣтилъ Н. Аристовъ, эта индивидуальность не могла играть никакой роли, поскольку рѣчь шла объ интересахъ землевладѣльческаго класса въ цѣломъ. Что же касается большаго или меньшаго расположенія царя-государя къ отдѣльнымъ лицамъ, то оно, въ силу всего вышесказаннаго, не имѣло никакого политическаго значенія для страны.

Признавъ, что сила государства заключалась въ сплоченности и организаціи землевладѣльческаго класса, мы легко выяснимъ себѣ одну

---

[1]) Московскія смуты въ правленіе царевны Софьи Алексѣевны. Варшава, 1871 г. Стр. 71.

странность, которую отмѣчаетъ В. Ключевскій. Вотъ въ чемъ дѣло. Новая династія, новые люди стали у кормила правленія, когда еще не улеглись страсти смутнаго времени, когда вся „государева вотчина“ была въ разстройствѣ. Казалось бы, спасти свое положеніе, удержаться на высотѣ могли въ такое время только люди исключительной энергіи и выдающихся дарованій. Новые правители удержались. Но что же это были за люди? „Московское правительство,—отвѣчаетъ В. Ключевскій,—въ первыя три царствованія новой династіи производитъ впечатлѣніе людей, случайно попавшихъ во власть и взявшихся не за свое дѣло. При трехъ-четырехъ исключеніяхъ, все это были люди съ очень возбужденнымъ честолюбіемъ, но безъ оправдывающихъ его талантовъ, даже безъ правительственныхъ навыковъ, замѣняющихъ таланты, и—что еще хуже всего этого—совсѣмъ лишенныхъ гражданскаго чувства. Такому подбору государственныхъ дѣльцовъ помогало одно, повидимому случайное, обстоятельство. Что то роковое тяготѣло надъ новой династіей: судьба рѣшительно не хотѣла, чтобы выходившіе изъ новаго царскаго рода носители верховной власти дозрѣвали до престола. Изъ пяти первыхъ царей трое, Михаилъ, Алексѣй и Иванъ, воцарялись, едва вышедши изъ недорослей, имѣя по 16 лѣтъ, а двое еще моложе: Ѳедоръ 14 лѣтъ и Петръ 10 лѣтъ... Царевичи, повторяя своего родоначальника, оказывались хилыми, недолговѣчными, иногда прямо убогими людьми, какъ Ѳедоръ и Иванъ“ [1]).

7. Политическая свобода.

Что такое политическая свобода въ обществѣ, раздѣленномъ на классы?

Это—свобода экономически-господствующаго класса.

Буржуазія, достигнувъ господства, старается увѣрить насъ, будто ею начался, ею и кончится міръ. Только буржуазную политическую свободу она считаетъ политической свободой. Послѣбуржуазную свободу, освобожденіе отъ буржуазіи, о которой говорятъ идеологи пролетаріата, она уже окрестила именемъ грядущаго рабства.

Русское дворянство, обуржуазившееся послѣ 1861 года, стало увѣрять, будто въ старой Россіи не было политической свободы, а было закрѣпощеніе всѣхъ сословій, въ томъ числѣ и дворянства. Дворяне трогательно единодушны въ своихъ увѣреніяхъ: кающіеся вторятъ нераскаяннымъ.

Что же говорятъ факты?

Мы уже познакомились съ тѣмъ, какъ бояре или дворяне воевали

---

[1]) Курсъ р. ист. т. III стр. 306.

другъ съ другомъ, а общедворянская (государственная) организація оставалась во свидѣтеляхъ. Мы узнали, что помѣщичье село было государствомъ въ государствѣ; что въ это маленькое государство только съ большимъ трудомъ могли проникать агенты государства большого. Мы узнали, далѣе, что всѣ землевладѣльцы были и назывались государями, а одинъ изъ нихъ, въ отличіе отъ другихъ, сталъ именоваться царемъ-государемъ. Естественно, что, по мѣрѣ роста денежнаго хозяйства и укрѣпленія общей землевладѣльческой организаціи, отдѣльный владѣлецъ долженъ былъ встрѣчать больше вниманія со стороны своей организаціи, а сама организація получала больше возможности защитить каждаго своего члена отъ нападеній со стороны другого члена Такимъ образомъ власть отдѣльнаго государя, нѣсколько умаляясь въ своей самостоятельности, усиливалась за то, какъ власть представителя организаціи, усиливалась на счетъ другихъ классовъ, на счетъ „подданныхъ“.

Тѣмъ не менѣе, какъ пережитокъ старины, войны маленькихъ государей между собою наблюдаются и во второй половинѣ XVIII вѣка [1]). Такъ напримѣръ, въ 1759 году орловскій государь Шамардинъ, пользуясь отсутствіемъ своего сосѣда, государя-майора Шеншина, произвелъ во главѣ своей арміи нашествіе на его имѣніе. Во время сраженія было убито четверо подданныхъ государя Шеншина.

Болѣе серьезная война вспыхнула въ Карачевскомъ уѣздѣ, между государями Львовыми и государемъ-поручикомъ Сафоновымъ, въ 1754 году.

Государи Львовы,—три брата: государь-совѣтникъ, государь-ассесоръ и государь-корнетъ,—выступили въ походъ съ конницей, пѣхотой и двумя священниками. Войска всѣхъ родовъ оружія было у нихъ до 600 человѣкъ, набранныхъ изъ числа ихъ подданныхъ: холоповъ, крестьянъ и прикащиковъ. Отъѣхавъ съ версту отъ своей столицы, села Глыбочекъ, Львовы остановились подъ сосновою рощею у колодца, отслужили молебенъ съ водосвятіемъ и привели армію къ присягѣ. Государи Львовы обратились къ войску съ милостивымъ словомъ, увѣщевая крѣпко стоять противъ враговъ, не выдавать другъ друга, „имѣть

---

[1]) Наѣзды были „обыденнымъ“ явленіемъ. „Собирая вокругъ себя огромную дворню, помѣщики ходили другъ на друга войною. Побѣдившій загонялъ къ себѣ скотъ побѣжденнаго, отбиралъ у него хлѣбъ и имущество... Удовлетворенія обиженному не существовало. Чѣмъ сильнѣе и богаче былъ помѣщикъ, тѣмъ труднѣе было до него добраться представителю власти: огромная толпа вооруженныхъ людей не пускала капитанъ-исправника въ домъ своего помѣщика“. Помѣщики обучали своихъ дворовыхъ воинскому строю, производили ихъ въ чины, устраивали маневры съ пальбою, смотры и т. д. (Дубровинъ. „Пугачевъ и его сообщники“ т. I стр. 306 и 309). Нужно впрочемъ замѣтить, что по отношенію ко времени Пугачевскаго бунта разсказъ Дубровина носитъ уже нѣкоторыя черты преувеличенія, анахронизма.

неусыпную драку". Затѣмъ армія выступила въ походъ. Лучшіе воины составили отборный отрядъ и, вступивъ во владѣнія непріятеля, двинулись въ аттаку. Непріятель былъ захваченъ врасплохъ: подданные государя-поручика Сафонова косили сѣно. Быстрой аттакой вышедшаго изъ-за лѣса отборнаго отряда государей Львовыхъ непріятель былъ обращенъ въ бѣгство, причемъ потерялъ 11 человѣкъ убитыми, 45 смертельно ранеными и 2 безъ вѣсти пропавшими.

Побѣжденный государь Сафоновъ искалъ помощи въ Сѣвскомъ станѣ общедворянской организаціи, у Сѣвскаго воеводы. Онъ долженъ былъ бы обратиться къ Карачевскому воеводѣ, но дороги въ Карачевъ были отрѣзаны непріятелемъ, такъ какъ проходили черезъ территорію Львовыхъ; къ тому же и воеводой въ Карачевѣ былъ государь-своякъ государей Львовыхъ. Черезъ Сѣвскаго воеводу просьба Сафонова о подкрѣпленіи была передана въ центральный дворянскій комитетъ,—въ Сенатъ.

Черезъ посредничество Сената начались переговоры о мирѣ между воюющими сторонами. Но мирный трактатъ удалось подписать только въ 1759 году. По трактату 1759 г. государи Львовы обязались уплатить государю Сафонову, въ вознагражденіе военныхъ издержекъ, 4 000 рублей, да уступили часть территоріи Львовскаго государства въ Калужскомъ уѣздѣ, стоимостью въ 5,000 рублей [1]).

По воинамъ, въ 1754 году въ Караческомъ уѣздѣ на полѣ брани убіеннымъ, вѣроятно была отслужена паннихида.

Естественно, что Сенатъ не ставилъ даже и вопроса объ убитыхъ крестьянахъ, какъ о гражданахъ: при заключеніи мирныхъ договоровъ стороны вообще не считаются съ тѣмъ, сколько народу было убито и покалѣчено во время войны. Но при выработкѣ условій мирнаго трактата 1759 г. шла рѣчь, конечно, и объ убыткахъ, причиненныхъ государю Сафонову умерщвленіемъ 58 крестьянскихъ головъ, стоимостью въ такую то сумму, и стоимость этой потери вошла составной частью въ исчисленіе военныхъ издержекъ государя Сафонова.

Несравненно важнѣе другая сторона трактата 1759 года. Мы видѣли, что военныя дѣйствія были побѣдоносны для арміи государей Львовыхъ и окончились разгромомъ государства государя Сафонова. Тѣмъ не менѣе по трактату 1759 г. военныя издержки платятъ побѣдители; они же теряютъ часть своей территоріи. Здѣсь явно сказывается результатъ посредничества государей-сенаторовъ, поддерживавшихъ политическое равновѣсіе между всѣми государями русской земли. При та-

---

[1]) С. М. Соловьевъ. Ист. Р. съ др. вр. т. 23 стр. 789—790 и т. 24 стр. 1130. Это былъ дѣйствительно мирный трактатъ, а не рѣшеніе Сената. Сенатъ не судилъ Львовыхъ и ни къ чему ихъ не приговаривалъ. Онъ только закрѣпилъ частный договоръ между государями своимъ утвержденіемъ.

комъ посредничествѣ войны между государями-помѣщиками становятся экономически не выгодными. Если онѣ еще и возникаютъ, то не въ связи съ экономической политикой государей-помѣщиковъ, а лишь изъ потребности помянуть доброе старое время, потѣшиться, пожить,

Какъ жили при Аскольдѣ
Наши дѣды и отцы.

Впрочемъ, и ради потѣхи не было особенной надобности ссориться съ сосѣдями-государями. Подъ рукой были собственные крестьяне. Помѣщикъ могъ тѣшиться надъ ними, сколько угодно. Предпочиталось только не доводить потѣху до истязаній, кончающихся смертью истязуемаго крестьянина: достаточно простора для потѣхи.

Нужно, однако, замѣтить, что въ случаѣ чрезмѣрной „потѣхи“ государь-дворянинъ рисковалъ очень немногимъ. Смерть замученнаго крестьянина скрыть ничего не стоило. Если же случайно и поднималось дѣло, то оно оканчивалось сущими пустяками, хотя и восходило на рѣшеніе сената и даже выше. Такъ, при Екатеринѣ II, по ея резолюціи, дворянка Морина, за убійство своей крѣпостной, подверглась заключенію на 6 недѣль на хлѣбъ и воду, да на годъ въ монастырь; помѣщики Савины—заключенію на полгода и церковному покаянію; Кашинцева—на шесть недѣль въ монастырь; Гордѣева—заключенію на мѣсяцъ (по рѣшенію Сената), а въ концѣ-концовъ—къ *отдачѣ мужу* съ тѣмъ, „чтобъ онъ ее впредь до такой суровости (!) подъ своимъ отвѣтомъ не допускалъ“ (по рѣшенію Екатерины II). Историкъ С. М. Соловьевъ, приводя эти факты, поясняетъ, что Екатерина II была такъ милостива къ убійцамъ „изъ стремленія дѣйствовать противъ безнравственныхъ явленій средствами нравственными, а не жестокостью“.

Однако, когда дѣло касалось нарушенія дворяниномъ дворянскихъ же интересовъ, одни „нравственныя средства“, въ родѣ отдачи жены ея же мужу на исправленіе, оказывались недостаточными. Помѣщица Чегодарева была сослана въ Сибирь съ лишеніемъ дворянства за подговоръ къ побѣгу дворовой другого помѣщика, Ингельдеева—за продажу бѣглаго подъ другимъ именемъ и т. п.

Цѣнился только дворянскій интересъ. Убійство *своего* подданнаго государемъ-помѣщикомъ мало интересовало классовую организацію государей-помѣщиковъ.

Вверху, надъ дворянско-землевладѣльческимъ классомъ, не было политической силы, которая могла бы въ чемъ-либо стѣснять волю этого класса. Снизу эта воля ограничивалась только опасностью спорадическихъ крестьянскихъ возмущеній или побѣговъ. Трудно представить себѣ, такимъ образомъ, свободу болѣе широкую, чѣмъ та, которою пользовались землевладѣльцы.

Россія цвѣла подъ сѣнью политической свободы,—дворянской политической свободы.

8. Надклассовое государство.

Читатель, сколько-нибудь знакомый съ современнымъ состояніемъ русской исторической науки, вѣроятно уже замѣтилъ, что я не вношу ничего новаго, ничего своего въ изложеніе фактовъ. Но освѣщеніе фактовъ получается другое, рѣзко расходящееся съ мнѣніями всѣхъ историковъ, писавшихъ до сихъ поръ о Россіи. По крайней мѣрѣ я не знаю никого, кто не говорилъ бы о закрѣпощеніи всѣхъ сословій государству,—всѣхъ, въ томъ числѣ и дворянства. При изложеніи мною исторіи XVII вѣка въ Россіи не оказывается никакой политической силы, стоящей надъ землевладѣльческимъ дворянствомъ [1]); не оказывается никакого „государства", стоящаго надъ дворянствомъ, никакой политической силы, которая могла бы „закрѣпостить" себѣ дворянство. Если присмотрѣться, откуда у историковъ берется это пресловутое государство, закрѣпостившее дворянъ, то приходится сдѣлать одинъ-единственный выводъ: ни откуда. Оно является обыкновенно сразу, неожиданно; предполагается, что наличность его внѣ спора, что никакія доказательства не нужны. Эта необоснованность введенія внѣклассоваго государства, какъ особой силы или особаго фактора въ жизни страны, до такой степени очевидна, такъ бьетъ въ глаза, когда читаешь, напримѣръ, труды С. Ѳ. Платонова, В. Ключевскаго, Н. П. Сильванскаго или Н. Рожкова,—что въ опроверженіи данныхъ ходячихъ взглядовъ какъ будто и нѣтъ никакой надобности. Вся тяжесть доказательства этихъ взглядовъ должна бы, по справедливости, лежать на тѣхъ, кто ихъ проводитъ.

Къ сожалѣнію, фикція внѣклассоваго государства и фантастическое представленіе о государствѣ, закрѣпощающемъ *всѣ* классы, до такой степени въѣлись въ сознаніе современнаго русскаго читателя, что отдѣлываться однимъ требованіемъ представить доказательства не приходится. Необходимо приподнять завѣсу надъ происхожденіемъ фикціи, попытаться выяснить причины ея живучести, прослѣдить ея современныя формы и, наконецъ, посмотрѣть, есть ли хоть какая-нибудь надобность въ ней, какъ въ гипотезѣ, для объясненія минувшихъ судебъ Россіи.

Мы видѣли, что государство когда-то понималось, какъ вотчина, какъ частное хозяйство государя-боярина, государя-князя, государя-царя. Отъ одной только воли хозяина зависѣло пріумножить свое хозяйство или расточить его. Къ счастью для Россіи, на московскомъ великокняжескомъ столѣ случился рядъ Ивановъ и Василіевъ, достаточно скуповатыхъ и достаточно ловкихъ, чтобы все пріумножать да пріумно-

[1]) Дворянствомъ въ широкомъ смыслѣ слова, включая и боярство.

жать, собирать да собирать матушку Русь. Могли бы и расточить ее, если бы хотѣли, да вотъ не захотѣли,—и выросла имперія отъ Балтійскаго моря до Великаго океана. Такое пониманіе историческаго процесса было просто, но въ устахъ образованнаго человѣка XIX вѣка, къ сожалѣнію, уже не прилично по своей наивности.

Съ идеалистической точки зрѣнія на историческій процессъ, единственнымъ объясненіемъ этого процесса являются развитіе идей и готовность человѣка къ ихъ воплощенію въ жизнь. Въ Россіи, съ этой точки зрѣнія, историческій процессъ шелъ такъ, а не иначе, потому что люди усваивали такія-то и такія-то идеи и проникались желаніемъ провести ихъ въ жизнь. Но какіе же люди? Приписывать все единоличнымъ героямъ-собирателямъ стало уже неприлично. Поставить на мѣсто одного героя пять или двадцать пять и назвать ихъ правительствомъ—мало помогаетъ дѣлу: правительство—слишкомъ конкретно. Нужно немного затушевать эту конкретность, подъискать удобное слово. Этимъ словомъ было „государство“. Въ устахъ послѣдовательнаго поборника фикціи „государства“ въ концѣ-концовъ рѣчь и сводится обыкновенно именно къ „собирателю“ черезъ посредство „правительства“.

Когда появилась фикція надклассоваго государства и „закрѣпощенія всѣхъ сословій государству“? Для чего она понадобилась? Со всей подробностью отвѣчать на эти вопросы не буду. Отмѣчу только нѣсколько характерныхъ чертъ.

У Ю. Ѳ. Самарина, въ его „Запискѣ о крѣпостномъ состояніи и о переходѣ изъ него къ гражданской свободѣ“, находимъ слѣдующее цѣнное свидѣтельство. Для оправданія крѣпостного права,—говоритъ онъ,—иногда прибѣгаютъ къ предположенію какой-то сдѣлки, въ силу которой правительство вооружило помѣщиковъ крѣпостнымъ правомъ и въ то же время возложило на нихъ отвѣтственность за поселянъ. Это толкованіе, по словамъ Ю. Ѳ. Самарина, не выдерживаетъ самой поверхностной критики: оно, очевидно, придумано въ новѣйшее время, для оправданія помѣщичьей власти.—Тамъ же находимъ и образчики такихъ оправданій.

Такъ, въ крѣпостническомъ Земледѣльческомъ Журналѣ 1821 года имѣется слѣдующее опредѣленіе помѣщика: „Помѣщикомъ я разумѣю наслѣдственнаго чиновника, которому *верховная власть*, давъ землю для населенія, ввѣрила черезъ то и попеченіе о людяхъ населенныхъ. Онъ есть природный покровитель сихъ людей, мѣстный ихъ судья, ходатай за нихъ, попечитель о неимущихъ и сиротахъ, наставникъ въ благомъ, наблюдатель за благоустройствомъ и нравами“.

Другой примѣръ. Въ 1849 смоленскій губ. предводитель дворянства, возставая противъ указа объ обязанныхъ поселянахъ, писалъ: „Въ нашемъ обширномъ отечествѣ болѣе десятка милліоновъ народо-

населенія управляется своими помѣщиками подъ руководствомъ законовъ. Правительство не имѣетъ съ ними никакихъ прямыхъ отношеній. Помѣщики стоятъ лицомъ къ *государству* и отвѣтствуютъ ему за цѣлость милліоновъ народа. Въ лицѣ ихъ заключается власть и административная, и полицейская, и судебная. Исполненіе всѣхъ этихъ обязанностей помѣщиками, соединенное съ отвѣтственностью и ручательствомъ ихъ имуществъ, не стоитъ ничего ни правительству, ни народу".

Въ первомъ примѣрѣ—„верховная власть"; во второмъ „государство"... Теперь мы знаемъ, для чего первоначально служила фикція государства и „обязанностей" (закрѣпощенія) дворянства. Эта фикція была придумана крѣпостниками для оправданія отживавшаго свой вѣкъ крѣпостного права [1]). Даже въ глазахъ дореформеннаго, немного либеральнаго, помѣщика Ю. Ѳ. Самарина эта фикція представлялась фантазіей, „не выдерживающей самой поверхностной критики".

Удивительная вещь! Крѣпостническая фантазія, не выдерживающая самой поверхностной критики, становится однимъ изъ пунктовъ символа вѣры пореформенной либеральной и радикальной интеллигенціи кающихся дворянъ. Эта фикція была очень удобна для оправданія дворянства. И когда видишь, какъ цѣпко ухватились за нее *кающіеся* дворяне, невольно вспоминаешь, что въ покаяніи всегда заключается элементъ самооправданія. Если же притомъ имѣть въ виду, что не послѣднимъ мотивомъ либеральнаго и даже революціоннаго дворянскаго покаянія былъ простой страхъ передъ крестьянскимъ возстаніемъ [2]), то живучесть крѣпостнической фикціи станетъ еще понятнѣе.

Типичнымъ представителемъ пореформеннаго дворянскаго либерализма, хорошо усвоившаго крѣпостническую фикцію „государства", отдѣльнаго отъ дворянства, является историкъ русскаго дворянства А. Романовичъ-Славатинскій. Онъ видитъ „отличительную черту" нашего дворянства въ томъ, что оно всегда было „установленіемъ политическимъ, существовавшимъ и видоизмѣнявшимся сообразно цѣлямъ и потребностямъ правительственнымъ"... У насъ, говоритъ онъ, аристократическіе элементы слагались въ привиллегированную группу „не

---

[1]) Точнѣе: это—приспособленная къ нуждамъ господствующаго, крѣпостнически-землевладѣльческаго класса, политическая идеологія XVII вѣка, о которой мы говорили въ главѣ шестой.

[2]) К. Ѳ. Рылѣевъ когда то писалъ о своихъ противникахъ: „Они *раскаются* когда народъ возставъ застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги". Послѣ 1861 г. М. Бакунинъ призывалъ дворянскую молодежь въ революціонныя организаціи, мотивируя необходимость этого тѣмъ, что „приходится выбирать между топоромъ и висѣлицею", въ виду непредотвратимой близости крестьянскаго возстанія.

сами собой, не во имя какого-нибудь великаго національнаго интереса и присущей имъ самостоятельной силы; у насъ аристократическіе элементы сложены были въ привиллегированную общественную группу *государственной властью*, которая давала ей ту или другую организацію, повышала или принижала ее, сообразно потребностямъ государства, примѣнительно къ интересамъ правительства“ [1]).

Нашъ историкъ-идеалистъ ищетъ плана, ищетъ разумныхъ основаній дворянскихъ привиллегій. „Разумъ“ ихъ заключался въ томъ, что на дворянствѣ лежала обязательная служба государству; за отбываніе этой службы дворянство владѣло землями съ прикрѣпленными къ нимъ крестьянами. Съ этой точки зрѣнія,—поясняетъ онъ,—запрещеніе не-дворянамъ владѣть поземельной собственностью „находило себѣ оправданіе“ вплоть до указа о вольности дворянства. Шляхетство „находилось почти въ такой же крѣпостной зависимости отъ правительства, въ какой отъ него крестьяне. Уклониться отъ службы дворянину не было никакой легальной возможности „точно такъ же, какъ и у крѣпостныхъ крестьянъ не было права отбывать отъ барщины и оброковъ“ [2]).

Изъ разсужденій А. Романовича-Славатинскаго мы видимъ, во первыхъ, какъ „потребности государства“ отожествляются съ „интересами правительства“; во вторыхъ, мы слышимъ рѣчь о крѣпостной зависимости дворянъ, почти такой же, какую терпѣли крестьяне. Нашъ авторъ не различаетъ мелочи: крестьянинъ отбывалъ барщину и оброкъ на дворянина, а дворянинъ участвовалъ въ общественной („государственной“) организаціи на самого себя, ради охраны *своей* собственности, *своего* дохода. Развитіе денежнаго хозяйства еще не дало возможности дворянамъ организовать постоянное войско; они должны были сами охранять порядокъ выколачиванія для себя барщины и оброка. Какъ не пожалѣть бѣдненькихъ „закрѣпощенныхъ“ дворянъ? Вѣдь пожалѣлъ же Митрофанушка Простаковъ бѣдную маменьку, которая очень устала, бивши папеньку. Русская исторіографія жалѣетъ маменьку-дворянина, который очень уставалъ, бивши папеньку-крестьянина; жалѣетъ, впрочемъ, и папеньку.

Мы видѣли, что крѣпостническая фикція „государства“, отдѣльнаго отъ дворянства, приведена у А. Романовича-Славатинскаго въ довольно стройную систему. Необходимымъ звеномъ такой системы является не только утвержденіе, будто дворяне были „почти также закрѣпощены“, но и тотъ тезисъ, что у насъ дворянство было создано внѣшней силой, „государственной властью“, и самостоятельной силой

---

[1]) „Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣп. права“. СПБ. 1870 г. стр. 1.

[2]) Тамъ же, стр. 147—148.

никогда не обладало. Выньте изъ системы это послѣднее звено, скажите, что не „собиратели Руси“ создали Русь, а наоборотъ—Русь создала собирателей, именно Русь землевладѣльческая,—и отъ цѣльной крѣпостнической системы останутся не связанные между собою обломки. При настоящемъ состояніи русской исторической науки уже рѣдко кому придетъ въ голову смотрѣть на боярство и дворянство, какъ на продуктъ творчества московскаго государя-царя. Внѣдворянское „государство“ и „закрѣпощеніе дворянъ“ окончательно поэтому виснутъ въ воздухѣ, теряютъ подъ собой почву. Тѣмъ не менѣе историки продолжаютъ катиться по крѣпостнически-идеалистической колеѣ и цѣпляться за обломки. О „прикрѣпленіи“ дворянъ къ „государственнымъ“ повинностямъ говоритъ неоднократно, напримѣръ, С. Ѳ. Платоновъ. В. Ключевскій, только что разсказавши, какъ дворянство стало „надѣлѣ господствующимъ классомъ“, на той же страницѣ своего курса (т. III стр. 273) говоритъ о „государственномъ закрѣпощеніи сословій“ и т. д. Но о Ключевскомъ у насъ рѣчь впереди, а пока—нѣсколько словъ о Н. П. Сильванскомъ и Н. Рожковѣ.

9. Н. П. Сильванскій и Н. Рожковъ.

Н. П. Сильванскій не мало поработалъ надъ тѣмъ, чтобы выяснить, какъ русское государство слагалось снизу, въ силу естественнаго хода вещей; онъ не стоитъ на точкѣ зрѣнія классоваго пониманія государства, но очень близокъ къ ней, пока излагаетъ факты. Въ предъидущемъ изложеніи мы часто должны были ссылаться именно на работы Н. П. Сильванскаго. Тѣмъ болѣе неожиданными и грубо противорѣчащими фактамъ являются разсужденія этого историка: онъ даже рѣзче А. Романовича-Славатинскаго поддерживаетъ крѣпостническую фикцію надклассоваго „государства“ и притомъ отожествляетъ это государство не только съ „правительствомъ“, но и прямо таки съ личностью царя. „Отмѣна права отъѣзда,—говоритъ Сильванскій,—произвела глубокую перемѣну въ положеніи высшаго класса населенія“. Изъ вольныхъ слугъ бояре превратились въ „невольныхъ служилыхъ людей“. Въ чемъ же перемѣна? Вѣдь бояре остались же высшимъ классомъ и по экономическому, и по политическому своему положенію? Вѣдь отмѣна права отъѣзда только превратила аморфныя боярскія организаціи въ организаціи твердыя, постоянныя; она только укрѣпила ихъ, укрѣпила силу боярства, обезпечила ему положеніе высшаго класса. Но Сильванскій думаетъ иначе: бояре превратились „въ подданныхъ *государя*, служилыхъ людей, *закрѣпощенныхъ государству*“. „Служба государству,—продолжаетъ онъ,—опредѣляла всю

организацію дворянскаго класса. Крѣпостная зависимость отъ правительства лишала его самостоятельнаго значенія, не дозволяла развиться въ его средѣ корпоративнымъ стремленіямъ и понятію сословной дворянской чести... Ратная служба была обязанностью дворянства, такимъ же тягломъ, какимъ для посадскаго человѣка и для крестьянина были его оброки, подати и натуральныя повинности. Служилый человѣкъ былъ прикрѣпленъ къ службѣ такъ же, какъ человѣкъ черныхъ волостей былъ прикрѣпленъ къ тяглу" [1]).

Въ этомъ довольно безразличномъ употребленіи понятій „государь", „правительство", „государство", въ этомъ,—безъ всякаго смягчающаго „почти" [2]),—приравниваніи положенія „закрѣпощеннаго" дворянина къ положенію крѣпостного крестьянина нельзя не видѣть довольно печальнаго слѣдованія по колеѣ, проторенной дореформенными крѣпостниками. Въ позднѣйшей своей работѣ о феодализмѣ въ древней Руси [3]) тотъ же авторъ поступаетъ значительно осторожнѣе. Онъ не только не повторяетъ ходячихъ фразъ о закрѣпощеніи дворянства „государству", но и выдвигаетъ мысль о „стѣсненіи" монархической власти „силою сословій": періодъ отъ 1600 до 1861 года онъ разсматриваетъ, какъ періодъ „сословнаго государства съ монархической властью, которая постепенно превращается въ абсолютизмъ, получая перевѣсъ надъ стѣснявшею ее раньше силой сословій" (стр. 146).

Что касается перевѣсившаго будто бы абсолютизма, то это вопросъ особый. Здѣсь же остается только подчеркнуть наличность „стѣснявшей силы сословій" и указать, что Н. П. Сильванскій остановился на полдорогѣ: не раздѣляя сословій, сливая ихъ въ одну кучу, онъ лишилъ себя возможности выяснить, не было ли одно изъ сословій господиномъ положенія не только по отношенію къ своему высшему сочлену, но и по отношенію ко всѣмъ прочимъ сословіямъ.

Переходимъ къ Н. Рожкову. Къ нему мы въ правѣ предъявить нѣсколько большія требованія, чѣмъ къ Сильванскому: онъ долженъ былъ начать какъ разъ съ того пункта, на которомъ остановился авторъ „Феодализма",—начать съ выясненія того, какое же изъ „стѣснявшихъ" московскаго царя сословій являлось господствующимъ. Этой задачи Н. Рожковъ не выполнилъ, хотя и вскрылъ до нѣкоторой степени подоплеку мнимаго „закрѣпощенія" дворянства, его „обязан-

---

[1]) Н. Павловъ-Сильванскій. Государевы служилые люди. Стр. 44, 50, 227 и 229.

[2]) См. выше, объ А. Романовичѣ-Славатинскомъ.

[3]) Нужно замѣтить, что книга „Государевы служилые люди" написана Н. П. Сильванскимъ по заказу Плеве и является работой болѣе ранней, чѣмъ «Феодализмъ въ древней Руси». Поэтому слѣдуетъ предположить, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ эволюціей взглядовъ, происходившей въ связи съ болѣе глубокимъ изученіемъ вопроса.

ностей“ предъ „государствомъ“. Находясь подъ слишкомъ сильнымъ вліяніемъ В. Ключевскаго, Н. Рожковъ не съумѣлъ самъ окончательно освободиться отъ крѣпостной зависимости, тяготѣющей надъ русскими историками: разумѣю ихъ зависимость отъ крѣпостнической фикціи или фантазіи.

У Н. Рожкова мы находимъ и „государство“, стоящее внѣ сословій, и *всѣ* сословія, сдѣлавшіяся „крѣпостными государства“. Но едва онъ началъ рѣчь объ одномъ изъ „крѣпостныхъ сословій“,—о дворянствѣ,—какъ уже вынужденъ былъ признать, что не его закрѣпостилъ кто-то, а просто оно само „взяло на себя“ военную защиту „государства“ [1]). Затѣмъ Н. Рожкову пришло въ голову прослѣдить обязанности „закрѣпощеннаго“ дворянства послѣ манифеста о вольности 1762 и жалованной грамоты 1785 г. Оказалось, что вольность была провозглашена только въ принципѣ; на практикѣ „обязанность“ дворянства сохранилась, сохраняется и понынѣ. Именно: дворянство „обязано было“ поставлять изъ своей среды чиновниковъ, выбирать земскаго исправника, засѣдателей дворянскаго верхняго земскаго суда и отчасти всесословнаго совѣстнаго суда и т. д. „Такимъ образомъ,—продолжаетъ Н. Рожковъ,—получалось на дѣлѣ не освобожденіе дворянъ отъ обязательной службы, а простое перечисленіе этого сословія по службѣ изъ военнаго министерства въ министерства внутреннихъ дѣлъ и юстиціи“. Только реформы Александра II сняли съ дворянства „обязанность служить государству“. „Однако остатки этой обязательной службы продолжаютъ существовать и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ обязанностяхъ, лежащихъ на предводителяхъ дворянства: таковы, напримѣръ, обязанности предсѣдательствовать въ земскихъ собраніяхъ, въ съѣздахъ земскихъ начальниковъ, участвовать въ губернскихъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіяхъ и т. д. Нѣтъ однако сомнѣнія, что такія обязанности близко соприкасаются по своему юридическому значенію со спеціальными сословными правами“ [2])...

Наконецъ то! Наконецъ то хоть одинъ изъ историковъ замѣтилъ, что обязанности дворянства „близко соприкасаются“ съ его правами! Мы могли бы помочь Н. Рожкову и продолжить рядъ „обязанностей“ несчастнаго, закрѣпощеннаго дворянства. Таковы, въ наши дни, его обязанности: поставлять изъ своей среды земскихъ начальниковъ, платить пониженный процентъ по ссудамъ изъ государственнаго дворянскаго банка, составлять большинство въ реформированномъ Государственномъ Совѣтѣ, участвовать въ выборахъ въ Государственную Думу по закону 3 іюня 1907 года и посылать въ Думу большинство депутатовъ и проч., и проч., и проч.

---

[1]) Происхожденіе самодержавія. М. 1906 г. стр. 65.

[2]) Н. Рожковъ. Историч. и соціологич. очерки. М. 1906 г. стр. 97.

Бѣдное дворянство, понынѣ „закрѣпощенное“ государству! Бѣдная, бѣдная маменька: она такъ устала!...

Н. Рожковъ открылъ, что обязанности дворянства нынѣ „близко соприкасаются съ правами“ по своему „юридическому“ значенію. А значеніе политическое куда дѣвалось? Или его вовсе не имѣется въ помянутыхъ обязанностяхъ? Отрицать ихъ политическое значеніе Н. Рожковъ, вѣроятно, не станетъ. Но въ такомъ случаѣ не полезно ли будетъ, исходя хотя бы отъ нынѣшнихъ правъ дворянства, пойти въ прошлое и поставить себѣ вопросъ: не были ли и въ прошломъ „обязанности“ дворянства именно его политическими правами,—правами господствующаго класса?

Н. Рожковъ находитъ, что на практикѣ „обязанность“ дворянства служить сохранилась и послѣ манифеста о вольности. Протестовали-ли дворяне противъ этой „обязанности“? Нѣтъ, какъ разъ напротивъ: они требовали себѣ монополіи на службу. Вспомнимъ Карамзина съ его Запиской о Древней и Новой Россіи: порядокъ *требуетъ*,— заявлялъ Карамзинъ, выражая общедворянское требованіе, — чтобы монархъ *зналъ*, гдѣ ему искать дѣятельныхъ слугъ отечественной пользы. „Народъ работаетъ, купцы торгуютъ, дворяне служатъ, награждаемые отличіемъ и выгодами, уваженіемъ и достаткомъ“. Полученіе отличій и выгодъ, уваженія и достатка,—таковы „обязанности“ дворянства, оставшагося, по Рожкову, закрѣпощеннымъ „государству“. А монархъ, по Карамзину, долженъ *знать*, чего *требуетъ* порядокъ, долженъ знать, что отличія и выгоды, уваженіе и достатокъ—это исключительно дворянскій горькій удѣлъ,—„народу“ же предоставлена вся сладость работы. И неужели Н. Рожковъ станетъ спорить противъ мысли, что и раньше Карамзина „обязанности“ дворянства „соприкасались“,—и даже черезчуръ близко,—съ его правами?

10. И. Энгельманъ и К. Кауцкій.

Мнѣ думается, что я не исполнилъ бы до конца своей обязанности бороться противъ въѣвшихся въ сознаніе русскаго читателя предразсудковъ, если бы обошелъ молчаніемъ нѣкоторыя разсужденія о прошломъ Россіи виднаго теоретика международнаго марксизма Карла Кауцкаго. Грустно говорить о немъ, а говорить приходится. Но понять разсужденія Кауцкаго лучше всего можно будетъ въ связи съ книгой И. Энгельмана о крѣпостномъ правѣ въ Россіи [1]).

Каковы взгляды И. Энгельмана на происхожденіе крѣпостного

[1]) См. И. Энгельманъ. Исторія крѣпостного права въ Россіи. Переводъ съ нѣмецкаго В. Щерба подъ ред. А. Кизеветтера. Изд. Скирмунта. М. 1900 г.

права? Правительство, говоритъ онъ, превратило поземельное прикрѣпленіе въ крѣпостное право, „когда это оказалось нужно въ интересахъ фиска и для удобства администраціи“. Оно дало новыя правомочія помѣщикамъ, предоставило имъ „почти такую же степень власти по отношенію къ крѣпостнымъ, какою само пользовалось по отношенію ко всѣмъ подданнымъ государства“. И далѣе: „Помѣщикъ пользовался почти неограниченною властью надъ крѣпостными, являясь по отношенію къ нимъ представителемъ самодержавнаго государства. Государство дало ему эту власть и снабдило его средствами для ея примѣненія. Вмѣстѣ съ правомъ неограниченной власти надъ крѣпостными, оно передало помѣщику и обязанность заботиться о нихъ во всѣхъ отношеніяхъ“ [1]).

Государство дало помѣщику власть, помѣщикъ — представитель самодержавнаго государства и т. д. Энгельманъ точно списалъ свои разсужденія съ крѣпостнической записки смоленскаго предводителя дворянства 1849 года. Ни шагу впередъ! Но я уже говорилъ, что эта крѣпостническая схема разсужденій сохраняетъ свою цѣльность только въ томъ случаѣ, когда подъ „государствомъ“ разумѣютъ единоличнаго главу государства, когда считаютъ князя или короля единственнымъ и единоличнымъ творцомъ государства; я сказалъ, что сохранять подобную цѣльность въ наше время является научнымъ неприличіемъ. И надо отдать справедливость И. Энгельману: онъ не боится быть неприличнымъ (вѣдь рѣчь идетъ о варварской Россіи!) — онъ цѣленъ и послѣдователенъ.

Дальше я приведу параллельно нѣкоторыя сужденія И. Энгельмана и Карла Каутскаго.

И. Энгельманъ. „Организація и укрѣпленіе государственнаго строя явились въ Россіи всецѣло дѣломъ князей. Всякая перемѣна, всякій шагъ въ его дальнѣйшемъ развитіи совершались по иниціативѣ и при личномъ воздѣйствіи государей, и часто только благодаря ихъ личному участію перемѣна становилась возможной. Какъ только дѣятельность главы государства ослабѣвала, движеніе тотчасъ останавливалось или принимало новое направленіе“. (Стр. 216).

К. Каутскій. „Въ Россіи... въ продолженіе столѣтій не только ни малѣйшаго слѣда политической свободы, не только полицейская опека надъ обывателемъ на каждомъ шагу, какъ только онъ выходилъ за предѣлы деревенской общины, но и полное отсутствіе въ массѣ населенія потребности свободнаго проявленія своей личности. „Здоровый растительный сонъ“, прозябаніе въ унаслѣдованныхъ узкихъ рамкахъ жизни, которыя не измѣнялись въ теченіе поколѣній, и которыя, пара-

[1]) И. Энгельманъ. Стр. 122 и 180 р. перев.

лизуя всякую энергію, способствовали лишь укорененію предразсудковъ,—таковы были главныя черты русской жизни“ [1]).

Читатель вѣроятно уже замѣтилъ, что Каутскій и Энгельманъ дополняютъ другъ друга. Они только подходятъ къ предмету съ разныхъ сторонъ.

Спросите Энгельмана: если всю русскую исторію дѣлали князья, то какова же была роль населенія? Онъ долженъ будетъ отвѣтить: населеніе было погружено въ здоровый растительный сонъ.

Спросите Каутскаго: если населеніе было погружено въ растительный сонъ, то кто же дѣлалъ русскую исторію? Не придется ли ему отвѣтить: только князья?

Теперь посмотримъ, какъ Каутскій и Энгельманъ примѣняютъ свои общія разсужденія къ частному случаю.

И. Энгельманъ. „Желѣзною рукой проводилъ Петръ В. свои реформы: изъ московскаго царства должно было образоваться европейское государство—Россія. Чѣмъ меньше понимали народъ и даже ближайшіе сотрудники великаго царя его преобразовательные планы, тѣмъ настойчивѣе сказывалась для Петра необходимость направить всѣ силы на достиженіе одной главной цѣли своихъ стремленій, тѣмъ болѣе насильственный характеръ принимали употребляемыя имъ средства, и тѣмъ труднѣе становилось обходиться безъ суровыхъ и даже жестокихъ мѣръ... Людей, понимавшихъ его планы, было очень немного“. (Стр. 86—87 р. пер.).

К. Каутскій. „Россійскій деспотизмъ тотчасъ же понялъ, какое большое значеніе могутъ имѣть для него орудія власти западно-европейскаго абсолютизма,—постоянное войско и бюрократія,—и сейчасъ же ввелъ ихъ у себя. Въ этомъ то прежде всего заключалась пресловутая цивилизаторская дѣятельность Петра Великаго. Французы, а въ особенности нѣмцы, были тѣми первыми и лучшими исполнителями, которые орудіями власти капиталистической цивилизаціи усилили восточный деспотизмъ царя и сдѣлали его равнымъ западно-европейскому абсолютизму. Но для внутренней политики это обозначало лишь усиленіе той власти *царя*, при помощи которой *онъ* отнималъ у производительныхъ классовъ ихъ излишки,—это означало ростъ множества непроизводительныхъ расходовъ, въ особенности на солдатъ и на бюрократію, расходовъ, которые покрывались изъ этихъ излишковъ. Дѣломъ *Петра Великаго* было увеличеніе налоговъ въ пять разъ“ [2]).

Опять приходится поставить вопросъ: съ точки зрѣнія пониманія историческаго процесса, Каутскій и Энгельманъ не оказываются ли не-

---

[1]) К. Каутскій. Движущія силы и перспективы русской революціи. Изд. „Жизнь“. Спб. 1907, гл. II.

[2]) Русскій и американскій рабочій. Изд. „Утро“. Спб. 1906 г. стр. 10—11.

ожиданно слишкомъ близкими сосѣдями? Энгельманъ прославляетъ Петра, Каутскій осуждаетъ—въ этомъ разница. Расходятся въ оцѣнкѣ, сходятся въ пониманіи: оба одинаково признаютъ, что началомъ и концомъ въ извѣстный моментъ русской исторіи была единоличная воля Петра: Петръ все дѣлалъ, а страна спала растительнымъ сномъ.

Замѣтьте еще слѣдующее. Каутскій говоритъ о деспотизмѣ, объ абсолютизмѣ, какъ о самостоятельныхъ силахъ, что то дѣлающихъ. Но „деспотизмъ понялъ", а Петръ проявилъ дѣятельность; деспотизмъ сравнялся съ абсолютизмомъ—это обозначало усиленіе власти царя,—царь отнималъ излишки. Каутскій отожествляетъ деспотизмъ съ личностью деспота, абсолютизмъ — съ личностью абсолютнаго монарха: происходитъ та же исторія, что и съ нашими историками, которые явно или тайно всегда отождествляютъ свое „государство" съ личностью государя.

Давно осмѣяны примитивные составители казенныхъ учебниковъ, излагавшіе исторію по принятому разъ навсегда шаблону. Историческими періодами считались промежутки отъ воцаренія одного короля до воцаренія другого. Всѣ короли подрядъ, при вступленіи на престолъ, находили страну раззоренной неудачной политикой предшественника; всѣ короли приводили страну въ цвѣтущее состояніе и умирали, оплакиваемые благодарной страной. А ихъ преемники вновь находили страну въ бѣдственномъ положеніи,—и такъ безъ конца.

Либералы и революціонеры часто не замѣчаютъ, какъ сами становятся такими же примитивными историками, только навыворотъ. У нихъ шаблонъ: всякій новый король находитъ страну въ цвѣтущемъ состояніи, раззоряетъ ее и умираетъ, всѣми проклинаемый. Изъ вѣка въ вѣкъ населеніе раззоряется, чтобы магически обогатиться въ моментъ воцаренія новаго короля... Впрочемъ, такіе открыто-убогіе противники королевской власти сравнительно рѣдки. Чаще бываетъ такъ, что магическое обогащеніе отмѣняется, личность короля какъ будто игнорируется, а первая роль отводится „самодержавію", „абсолютизму", „царизму", „государству" и т. п. Абсолютизмъ, царизмъ, государство только тѣмъ и занимаются, что раззоряютъ страну и никакъ не могутъ раззорить. На протяженіи всей исторіи абсолютизмъ, царизмъ и проч. только и дѣлаютъ, что враждуютъ съ народомъ, поощряютъ хищниковъ, создаютъ цѣлые паразитическіе классы или сословія, втягиваютъ страну въ войны, вредныя всѣмъ классамъ и т. д. Не ясно ли, что всѣ такія „исторіи" не далеко ушли отъ примитивныхъ казенныхъ учебниковъ?

Представлять себѣ самодержавіе (абсолютизмъ) стоящимъ надъ всѣми классами, угнетающимъ и раззоряющимъ или закрѣпощающимъ всѣ классы такъ же умно, какъ представлять себѣ надклассовую республику или надклассовую конституціонную монархію. На самомъ дѣлѣ

абсолютизмъ, конституціонная монархія, республика представляютъ собою, всѣ одинаково, не какія-то надклассовыя силы, а лишь *формы политической организаціи* класса или классовъ [1]). Поэтому борьба противъ той или иной формы правленія всегда скрываетъ въ себѣ борьбу однихъ классовъ противъ другихъ за участіе въ политической организаціи, которую принято называть государственной и считать представительствомъ всего населенія страны. Всякая политическая борьба есть борьба классовая. Создавать же изъ формы организаціи какую-то обособленную силу и бороться противъ этой фантастической силы, игнорируя болѣе или менѣе замаскированныя данной формой классовыя отношенія,—это значитъ слѣдовать извѣстному библейскому совѣту:

— Да возложитъ первосвященникъ руки свои на главу козла и передастъ ему всѣ грѣхи Израиля; и понесетъ козелъ всѣ грѣхи Израиля въ пустыню непроходимую.

Блаженъ, кто вѣруетъ въ козловъ отпущенія.

11. В. Ключевскій.

Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть взгляды на „государство“ проф. В. Ключевскаго. На нихъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе, какъ въ виду особой, заслуженной авторитетности этого историка, такъ и потому, что онъ далъ наиболѣе яркую и цѣльную характеристику политическихъ отношеній въ Россіи XVII вѣка [2]).

Исторія, какъ она излагается В. Ключевскимъ, ушла далеко впередъ отъ исторіи, излагаемой, напримѣръ, А. Романовичемъ-Славатинскимъ. Въ изложеніи Ключевскаго мы видимъ, какъ постепенно складывается на востокѣ Европы, на почвѣ экономическихъ нуждъ и формъ

---

[1]) Классовый характеръ дореформеннаго русскаго государства давно отмѣченъ въ нашей печати. „Развѣ абсолютная монархія не была у насъ, какъ и вездѣ, классовымъ государствомъ? — возражалъ Л. Тихомирову въ началѣ 80-хъ годовъ Г. В. Плехановъ: Вѣдь самъ Тихомировъ признаетъ въ нашей исторіи существованіе дворянства, какъ сословія, дѣйствительно господствующаго,—по крайней мѣрѣ съ указа о вольности. И развѣ народъ не объяснялъ именно вліяніемъ и даже прямымъ заговоромъ баръ и чиновниковъ всѣхъ невыгодныхъ для него постановленій нашего законодательства, всѣхъ произвольныхъ и стѣснительныхъ распоряженій администраціи? А если это такъ, то классовый характеръ нашей монархіи былъ очень замѣтнымъ. Полагаемъ, что протестъ противъ классоваго государства проходитъ красною нитью черезъ всю нашу исторію“. (Г. В. Плехановъ „Наши разногласія“. Книгоизд. „Новый Міръ“. СПБ. 1906 г. стр. 221—222).

[2]) Курсъ русск. ист. т. III, 1908. Въ дальнѣйшемъ цифры въ скобкахъ означаютъ страницы этого тома „Курса“.

хозяйства, обширное классовое государство Россійское. В. Ключевскій въ своемъ изложеніи фактовъ умѣетъ отдѣлять „государя“ отъ „государства“. И пока рѣчь идетъ собственно о выясненіи и изложеніи фактовъ, до тѣхъ поръ можно оставаться только признательнымъ нашему историку за его работу. Къ сожалѣнію, совсѣмъ иначе приходится отнестись къ его попыткамъ дать политическое освѣщеніе событій: здѣсь В. Ключевскій раздѣляетъ общую судьбу нераскаянныхъ и кающихся дворянъ: онъ поддерживаетъ теоріи, придуманныя когда-то крѣпостниками-помѣщиками для оправданія крѣпостного права, и не выдерживающія, по выраженію Ю. Ѳ. Самарина, самой поверхностной критики.

Проф. В. Ключевскій исходитъ изъ признанія наличности и надклассоваго „государства“, и факта „закрѣпощенія дворянъ государству“.

Благодаря этому онъ, проф. В. Ключевскій, нерѣдко высказываетъ сужденія, не выдерживающія самой поверхностной критики проф. В. Ключевскаго.

Проф. В. Ключевскій хорошо показываетъ, какъ слагалось, расло, измѣнялось и развивалось государство въ силу экономическихъ потребностей, на основѣ борьбы классовъ. И рядомъ съ этимъ у него первенствующую роль играютъ *понятія* населенія о государствѣ, религіи, націи и т. п. Онъ можетъ показать, какъ хозяйственныя потребности (ввоза и вывоза) стихійно ведутъ Россію къ сближенію съ Западомъ, и въ то же время считать, что идейныя теченія въ русской жизни порождены не внутренними потребностями, а „вліяніями“, въ частности западнымъ (335), и что общественная жизнь „направляется“ „темной, тяжелой и пустой“ государственной дѣятельностью.

О государствѣ у В. Ключевскаго понятія довольно разнообразныя. Онъ говоритъ, напримѣръ, что „великорусская вѣтвь“ сомкнулась въ государство, и видитъ дефектъ московской политической мысли въ томъ, что она принимала государство не какъ союзъ народный, управляемый верховной властью, а какъ государево хозяйство: формы государственныя складывались стихійно, понятія отставали (16). По понятію В. Ключевскаго, необходимыми элементами государства, принимая простѣйшее его опредѣленіе, являются верховная власть, народъ, законъ и общее благо (15). Не станемъ говорить о томъ, насколько это опредѣленіе удачно. Посмотримъ, удерживаетъ ли его самъ В. Ключевскій. Сплошь и рядомъ у него государственная дѣятельность отождествляется съ правительственной, государственныя нужды—съ правительственными нуждами, государство—съ правительствомъ. Но и на этомъ дѣло не останавливается. Мы знаемъ, что дворяне были „закрѣпощены государству“; но „подъ недостойными преемниками и преемницами Преобразователя Престолъ заколебался и искалъ опоры въ обществѣ, прежде всего въ дворянствѣ... дворянство эманципи-

руется, снимаетъ съ себя тягчайшую повинность обязательной службы“ (13). Въ XVIII вѣкѣ „дворянство само пытается править обществомъ посредствомъ правительства“ (16). И вся бѣда—въ недостойныхъ преемникахъ! „Государство“, „закрѣпощавшее дворянъ“, черезъ посредство понятія правительства, сведено къ личности правителя. Обычная исторія!

Кстати о недостойныхъ преемникахъ [и преемницахъ Петра. Не знаю, за что, съ какой точки зрѣнія и кого именно изъ нихъ считаетъ В. Ключевскій недостойными. Но одинъ признакъ недостойности повидимому ясенъ: это—слабость Престола, исканіе опоры въ обществѣ, прежде всего въ дворянствѣ. Съ этой точки зрѣнія, въ XVIII вѣкѣ всѣ преемники и преемницы Петра I были недостойны, кромѣ Петра III и Павла I, плохо искавшихъ опоры въ дворянствѣ. Но отъ В. Ключевскаго мы знаемъ, что и всѣ предшественники Петра съ 1613 года были слабы, искали опоры въ дворянствѣ и т. д. Остается одинъ Петръ I. В. Ключевскій повидимому думаетъ, что Петръ I не искалъ опоры въ дворянствѣ; сейчасъ не станемъ объ этомъ спорить. Итакъ, вотъ правило: при „достойныхъ“ правителяхъ дворянство закрѣпощено государству; а вотъ исключеніе: при недостойныхъ—оно правитъ или пытается править государствомъ черезъ правительство. Въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ „правило“ дѣйствуетъ при Петрѣ I, исключеніе—все остальное время; правило—при одномъ царѣ, исключеніе—при десяти или болѣе. Удивительное правило! Замѣчательныя исключенія! На самомъ дѣлѣ, впрочемъ, и эпоха Петра I была исключеніемъ; а „правило“ существуетъ только въ сужденіяхъ историковъ, свято чтущихъ крѣпостническія фикціи или фантазіи...

В. Ключевскій конечно знаетъ, что крѣпостное право на крестьянъ создалось стихійно, безъ предварительно задуманнаго плана, составленнаго кѣмъ бы то ни было; также стихійна была и раздача помѣстій. Но фикція „государства“, закрѣпостившаго будто бы не только крестьянъ, но и дворянъ, вынуждаетъ историка поставить вопросы: почему же не были точно опредѣлены государствомъ повинности крестьянъ? какъ могло правительство „такъ довѣрчиво“ подчинить частному интересу (при раздачѣ помѣстій) трудъ огромной массы населенія, которымъ „питалось государство“? И В. Ключевскій отвѣчаетъ на первый вопросъ: „Это была либо недоглядка, либо малодушная уступка небрежнаго законодательства интересамъ дворянства“ (227). На второй вопросъ: „Здѣсь недальнозоркое правительство опиралось на наличное положеніе дѣлъ, созданное частью законодательствомъ (чьимъ?), частью фактическими отношеніями (какими?) прежняго времени“ (236). Итакъ, всесильное государство, закрѣпостившее всѣ классы, только тѣмъ и занимается, что недоглядываетъ за дворянами, малодушествуетъ, уступаетъ имъ, оказывается недальнозоркимъ,

небрежнымъ и т. д.,—и это всякій разъ, когда заходитъ рѣчь объ ограниченіи власти дворянства надъ крестьянами. Поистинѣ фантастическое государство! Что же касается вообще ненаучности ссылокъ на недоглядку, малодушіе и проч.,—то объ этомъ и говорить излишне.

Разсмотримъ теперь отдѣльно и болѣе подробно, по возможности, всѣ отдѣльные случаи, когда В. Ключевскому приходится, для объясненія явленія, говорить о „государствѣ", допускать фикцію или, если угодно, гипотезу надклассоваго государства. Посмотримъ: выясняется ли что-нибудь этой гипотезой или же, наоборотъ, ею создается только лишняя путаница?

Централизація. Послѣ смуты,—разсказываетъ В. Ключевскій,—правительство прежде всего хотѣло собраться съ силами. Оно принялось централизовать управленіе. Вводятся повсемѣстно воеводы. Самоуправленіе областей стѣсняется, кругъ его дѣйствія съуживается. „Централизація мѣстнаго управленія уронила земскія учрежденія, исказила ихъ первоначальный характеръ, лишила ихъ самостоятельности, не уменьшивъ ихъ обязанностей и отвѣтственности. Это была также одна изъ жертвъ, принесенныхъ обществомъ государству" (188—195). Упадкомъ мѣстныхъ учрежденій и закрѣпощеніемъ сословій „разбитъ былъ земскій соборъ, служившій высшимъ органомъ участія мѣстныхъ сословныхъ міровъ въ законодательствѣ. Обѣ эти основныя перемѣны вытекали изъ одного источника, изъ финансовыхъ нуждъ государства; эти нужды были скрытой пружиной, направлявшей и административныя, и соціальныя мѣры правительства... и заставившей принести столько жертвъ насчетъ общественнаго благоустройства и народнаго благосостоянія" (274).

Жертвы государству! Жертвы общества, а не дворянства; жертвы на счетъ народнаго, а не дворянскаго благосостоянія. Самоуправленіе посадскихъ и крестьянъ сводится на нѣтъ, власть дворянъ (въ лицѣ воеводъ) растетъ. Посадскіе и крестьяне лишаются послѣдней, минимальной легальной возможности вліять на центральную власть черезъ соборы; центральная власть сосредоточивается въ рукахъ дворянъ. Не описка ли у В. Ключевскаго? Не хотѣлъ-ли онъ сказать „жертвы дворянству", а сказалось случайно: жертвы государству?

Закрѣпощеніе дворянъ. „*Повинностью* служилыхъ людей, землевладѣльцевъ была наслѣдственная служба ратная и соединенная съ нею придворная и административная; по степени ея важности и тяжести, соотвѣтствовавшей размѣрамъ землевладѣнія и породѣ, служилый классъ распадался на чины думные, служилые московскіе и городовые". (199). „Ратная служба стала наслѣдственной, *безысходной* сословной *повинностью* служилыхъ людей. Тогда же опредѣлились и спеціальныя ихъ сословныя права, какъ землевладѣльцевъ... Личное землевладѣніе, вотчинное и помѣстное, стало теперь сословной привиллегіей служилаго

класса, какъ ратная служба осталась его спеціальной сословной повинностью". (203) „Съ установленіемъ крѣпостной неволи крестьянъ, дворянство, поглощая въ себѣ боярство, стало *на дѣлѣ господствующимъ* классомъ". Оно предпочло земскимъ соборамъ непосредственное обращеніе къ царю съ коллективными челобитьями, причемъ „боярско-дворянскіе кружки, преемственно обсѣдавшіе престолъ слабыхъ царей, облегчали этотъ путь". Столичное купечество не было въ силахъ отстоять соборы. „Земское представительство пало вслѣдствіе усиленія централизаціи въ управленіи и государственнаго закрѣпощенія сословій". (273). „Крѣпостное право дѣлало самихъ душевладѣльцевъ *холопами* наличной власти... и врагами всякой власти иного направленія" (241). Ровно черезъ пять строкъ на той же страницѣ читаемъ: „Землевладѣльческое дворянство, какъ *руководящій* классъ, дало извращенное, уродливое направленіе всей русской культурѣ".

Безысходная сословная повинность и господствующій классъ; холопы—руководящій классъ. Рѣдко случается видѣть, чтобы авторъ такъ хорошо разбивалъ самого себя, какъ разбиваетъ себя В. Ключевскій. Желая въ этомъ случаѣ предоставить на долю проф. В. Ключевскаго всю честь опроверженія взглядовъ проф. В. Ключевскаго, перехожу къ разсмотрѣнію фактовъ, когда „государство" приходило повидимому въ столкновеніе съ землевладѣльческимъ дворянствомъ.

Бѣгство дворянъ въ холопы. Бывали у насъ и такіе случаи: дворяне бѣгали въ холопы. Въ 1622 году цѣлая партія елецкихъ помѣщиковъ бросила свои вотчины и ушла въ казаки; потомъ эти помѣщики зачислились къ боярамъ въ холопы и въ монастыри служками. При царѣ Михаилѣ наблюдалось массовое бѣгство въ холопы дворянскихъ братьевъ, дѣтей, племянниковъ. Указомъ 1642 года велѣно было взять такихъ дворянъ-холоповъ изъ боярскихъ дворовъ на службу, если они имѣли помѣстья или вотчины и были уже зачислены въ службу, а впредь запрещалось принимать въ холопство всякихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ (202). На первый взглядъ, эти бѣгства будто подтверждаютъ теорію закрѣпощенія дворянъ государству. Но отчасти у Ключевскаго же находимъ и объясненіе факта, не нуждающееся въ этой теоріи. Дѣло въ томъ, что сословія не были рѣзко разграничены; были и переходныя ступени. „Между служилыми людьми и холопствомъ кружился слой мелкопомѣстныхъ или безпомѣстныхъ дѣтей боярскихъ, которые то отбывали ратную службу со своихъ или отцовыхъ помѣстій, то поступали холопами во дворы къ боярамъ и другимъ служилымъ людямъ высшихъ чиновъ, образуя особый слой боярскихъ служилыхъ людей" (200).

Въ холопы бѣжали мелкопомѣстные и безпомѣстные дворяне. Этимъ только подчеркивается классовый, землевладѣльческій, а не сословный характеръ государства. Аналогичный фактъ имѣемъ въ позд-

нѣйшее время: безземельные дворяне и послѣ 1785 года не входили въ составъ дворянскихъ обществъ, не имѣли голоса на дворянскихъ собраніяхъ. Въ указѣ 1642 года интересна и другая сторона: боярамъ запрещалось принимать къ себѣ въ холопы дворянъ и дѣтей боярскихъ. Здѣсь „государство“ какъ будто уже сталкивается съ боярствомъ. Но послѣ всего, что мы уже знаемъ о господствующемъ, руководящемъ положеніи землевладѣльческаго класса, гораздо проще и естественнѣе видѣть въ этомъ запрещеніи, съ одной стороны, и его нарушеніяхъ, съ другой, столкновеніе между классовой организаціей и отдѣльными представителями класса. Всякая организація налагаетъ тѣ или иныя обязанности на своихъ членовъ; и внутри классовыхъ организацій всегда находятся люди, готовые преслѣдовать свои личные интересы, не считаясь съ интересами классовыми. Тѣмъ больше должно было встрѣчаться такихъ людей среди мало дисциплинированныхъ, по самому своему положенію, государей-бояръ и государей-дворянъ. То, что обыкновенно принимаютъ за борьбу „государства“ съ дворянами, на самомъ дѣлѣ представляетъ собою ничто иное, какъ столкновеніе центробѣжныхъ и центростремительныхъ тенденцій внутри самого дворянства.

Тяглецъ и холопъ. Какъ разъ случай такого столкновенія между частными и общеклассовыми интересами разсказанъ В. Ключевскимъ на стр. 224. „Законъ и помѣщикъ,—говоритъ онъ,—повидимому поддерживали другъ друга въ погонѣ за крестьяниномъ. Но согласіе было только наружное: обѣ стороны тянули въ разныхъ направленіяхъ: государству нуженъ былъ усидчивый тяглецъ... а помѣщикъ искалъ пахотнаго холопа“. Приходится возразить В. Ключевскому: если и тянули въ разныя стороны, то все же тянули въ одной плоскости эксплоатаціи крестьянина. Только законъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, заботился о доходахъ общедворянскихъ, а помѣщикъ — о своихъ личныхъ. Тяглецъ составлялъ общую собственность класса, холопъ—частную собственность отдѣльнаго землевладѣльца. Сманиванію тяглеца въ холопы ставились препятствія, какъ покушенію на частицу общедворянской собственности.

Изъ помѣстья въ вотчину. Правительство запрещало переводить крестьянъ изъ помѣстья въ вотчину, потому что это „раззоряло государственныя имущества“ (231). Съ равнымъ правомъ мы можемъ сказать: „потому что раззоряло общедворянскія имущества“.

Помѣщикъ и казенный интересъ. „Власть помѣщика встрѣчала законную преграду только при столкновеніи съ казеннымъ интересомъ“. (231). Но казенные интересы охранялись исключительно помѣщиками же, благополучіе казны было благополучіемъ помѣщиковъ, и государственная казна была, слѣдовательно, помѣщичьей казной. Столкновеніе между казеннымъ и помѣщичьимъ интересомъ опять таки было ничѣмъ инымъ, какъ столкновеніемъ между частнымъ интересомъ од-

ного помѣщика и интересомъ общепомѣщичьимъ. Организація была сильнѣе отдѣльной личности, и потому власть помѣщика встрѣчала „законную преграду".

Обложеніе крѣпостныхъ крестьянъ. Мы видѣли, почему общедворянская организація препятствовала произвольнымъ переводамъ тяглецовъ въ холопы. Но и крѣпостные крестьяне не были освобождены отъ тягла. Помѣщикъ долженъ былъ отвѣчать за податную исправность своихъ крестьянъ. „Это дѣлало землевладѣльца даровымъ инспекторомъ крѣпостного труда и отвѣтственнымъ сборщикомъ казенныхъ податей со своихъ крестьянъ... Частное землевладѣніе стало разсѣянной по всему государству полицейско-финансовой агентурой государственнаго казначейства, изъ его соперника превратилось въ его сотрудника" (237—8). Соперниками они не могли быть, какъ мы только что видѣли. Но и идилліи „сотрудничества" не могло наступить: вѣдь повинности крестьянъ помѣщику не были ограничены; что давалъ крестьянинъ въ казну, того не додавалъ помѣщику. Фактически, слѣдовательно, былъ обложенъ помѣщикъ по числу своихъ крестьянъ. И, конечно, онъ не всегда охотно „сотрудничалъ". При первой возможности помѣщики должны были принять мѣры къ ограниченію своихъ взносовъ въ общепомѣщичью казну. Это и случилось. Въ 1679 году, напримѣръ, полоняничныя и ямскія деньги были слиты въ одну подать, причемъ по ея распредѣленіи дворцовые и владѣльческіе крестьяне подверглись обложенію въ 8—16 разъ меньшему, по сравненію съ обложеніемъ посадскаго населенія и черныхъ (не крѣпостныхъ) крестьянъ. Проф. В. Ключевскій съ наивной грустью замѣчаетъ: „Изъ этого видно, какой громадный источникъ дохода уступила казна въ безотчетное пользованіе владѣльцевъ крѣпостныхъ крестьянъ. Такъ и финансовая политика слѣдовала общему плану сословной розни" (296—7). Почтенный профессоръ не замѣчаетъ того, что тутъ не какая то наддворянская казна уступила дворянамъ, а дворяне „уступили" самимъ себѣ, такъ какъ они были, по его же признанію, господствующимъ и руководящимъ классомъ; не замѣчаетъ вслѣдствіе того, что видитъ рознь и не хочетъ видѣть содержанія этой розни, — господства одного класса надъ другими.

Запрещеніе закладничества. Закладничество нѣсколько отличалось отъ холопства. Въ XVII вѣкѣ оно стало быстро расти, причемъ закладчики не платили государственныхъ повинностей. Закладничество было выгодно отдѣльнымъ боярамъ, но наносило ущербъ общедворянской казнѣ. Понятно, что дворянская государственная власть выступила противъ закладничества, которое „для многихъ бѣдныхъ людей... было выходомъ изъ тяжелаго хозяйственнаго положенія... да и государство, воспрещая лицу частную зависимость, не оберегало въ немъ человѣка или гражданина, а берегло для себя своего солдата или плательщика"

(184—185). И здѣсь, для объясненія дѣйствій правительства (государства,—по выраженію В. Ключевскаго) нѣтъ никакой надобности въ фикціи внѣклассоваго государства. Закладничество—явленіе того же порядка, что и холопство, о которомъ говорено выше.

Западное вліяніе. Его источникъ—недовольство своей жизнью, затруднительное положеніе, „въ которомъ очутилось московское правительство новой династіи, и которое отозвалось съ большей или меньшей тягостью во всемъ обществѣ, во всѣхъ его классахъ. Затрудненіе состояло въ невозможности справиться съ насущными потребностями государства при наличныхъ домашнихъ средствахъ, какія давалъ существующій порядокъ, т. е. въ сознаніи необходимости новой перестройки этого порядка, которая дала бы недостававшія государству средства... Западное вліяніе проводилось государствомъ (правительствомъ?) и призвано было первоначально для удовлетворенія его матеріальныхъ потребностей“ (331 и 334). „Это вліяніе, насколько оно воспринималось и проводилось правительствомъ, развивалось довольно послѣдовательно, постепенно расширяя поле своего дѣйствія... Правительство стало обращаться къ иноземцамъ за содѣйствіемъ прежде всего для удовлетворенія наиболѣе насущныхъ матеріальныхъ своихъ потребностей, касавшихся обороны страны, военнаго дѣла, въ чемъ особенно больно чувствовалась отсталость“. (339).

Къ этимъ разсужденіямъ нужны маленькія поправки. Правительство, говоритъ Ключевскій, было въ затруднительномъ положеніи, и это отозвалось на всѣхъ классахъ. Обыкновенно, какъ извѣстно, бываетъ наоборотъ: затруднительное положеніе всѣхъ классовъ отзывается на правительствѣ. Мы знаемъ, что торговыя сношенія съ западомъ начались раньше XVII вѣка,—и естественно, что они расли. Сближеніе съ западомъ диктовалось не только потребностями правительства, но и интересами частнаго хозяйства,—и прежде всего крупнаго землевладѣльческаго. Интересъ правительства развивался не обособленно отъ частныхъ интересовъ господствующаго класса, а параллельно съ ними. У правительства на первомъ планѣ былъ интересъ военный,—но вѣдь это же былъ и самый насущный, самый непосредственный интересъ дворянства. Какъ сословіе ратное, оно въ первую голову страдало отъ военныхъ пораженій. Затѣмъ, важнѣйшимъ интересомъ дворянъ было облегчить себя въ дѣлѣ самозащиты („ратной службы“), а для этого нужна была и техника, и кассовая наличность на наемъ иностранцевъ или на наборъ солдатъ внутри страны. Интересъ правительства или, какъ иногда выражается В. Ключевскій,—„государства“ былъ совершенно тождественъ съ интересомъ дворянства. Въ вопросѣ о западномъ вліяніи, какъ и въ другихъ вопросахъ, нѣтъ ни малѣйшей надобности прибѣгать къ гипотезѣ надклассоваго государства.

Внѣшняя политика. Внѣшней политикой В. Ключевскій мало

занимается, но за то приписываетъ ей,—собственно внѣшнимъ войнамъ,—очень большое вліяніе на внутреннее развитіе Россіи. Довольно указать, что тягостямъ войнъ съ Польшей и Швеціей онъ приписываетъ то обстоятельство, что въ XVII вѣкѣ „прежнія дробныя экономическія состоянія, чины, еще сохранявшіе признаки свободы труда и передвиженія, въ интересахъ казны и службы были сбиты въ крупныя сословія, а большая часть сельскаго населенія попала въ крѣпостную неволю“ (12). Притомъ войны не были только оборонительными: „старая московская *династія* дѣйствовала наступательно“ (113). Въ XVII вѣкѣ войны „сами собою, незамѣтно, помимо воли московскихъ политиковъ, превратились въ наступательныя, въ прямое продолженіе объединительной политики прежней династіи“ (115). „Съ Полтавы онѣ получаютъ наступательный характеръ“ (12). Войну ведетъ государство съ государствомъ; изъ характеристики причинъ и слѣдствій войны мы должны бы получить наиболѣе ясное представленіе о томъ, что же такое, наконецъ, надклассовое государство, закрѣпощающее всѣ сословія. Мы и получили его: государство—это династія. Послѣ столь научнаго опредѣленія мы должны ожидать не менѣе научныхъ опредѣленій причинъ и цѣлей различныхъ войнъ. Мы ихъ и получаемъ отъ В. Ключевскаго. Причины, конечно, воля династій. А цѣли—возстановленіе „политическаго и національнаго единства всей русской земли“ (11), „завершеніе политическаго объединенія русской народности“, „расширеніе государственной территоріи до предѣловъ русской равнины“ (114) и, наконецъ, „укрѣпленіе завоеваннаго Петромъ преобладанія Россіи въ Восточной Европѣ“ или „поддержаніе европейскаго равновѣсія, какъ элегантно выражались русскіе дипломаты“ (12). В. Ключевскій, повидимому, и не подозрѣваетъ, что такія цѣли, какъ національное единство, завершеніе объединенія народности или расширеніе до предѣловъ равнины представляютъ собою не цѣли, а только „элегантныя выраженія“ дипломатовъ и историковъ. Онъ забываетъ о такихъ менѣе элегантныхъ цѣляхъ, какъ желаніе дворянъ увеличить свои земельныя владѣнія „пожалованіями“ въ новозавоеванныхъ областяхъ, или потребность въ лучшихъ, чѣмъ Архангельскъ, гаваняхъ для сбыта продуктовъ землевладѣльческаго хозяйства и для пріобрѣтенія издѣлій европейской промышленности. Трудно было бы даже нарочно, доводя идею до абсурда, придумать такую форму полнѣйшаго банкротства теоріи надклассоваго государства, какую придумалъ самъ В. Ключевскій, сводя государство къ династіи и приписывая такія фантастическія внѣшнія цѣли своему фантастическому государству.

Мы разсмотрѣли, мнѣ кажется, всѣ безъ исключенія случаи, когда В. Ключевскому понадобилось, какъ онъ думаетъ, прибѣгнуть къ идеѣ государства, противостоящаго всѣмъ классамъ. Мы видѣли, что гипотеза такого государства рѣшительно ничего не выясняетъ, а только

запутываетъ вопросы. Мы знаемъ, какъ благодаря этой гипотезѣ В. Ключевскому приходится прибѣгать къ такимъ не научнымъ объясненіямъ соціальныхъ явленій, какъ ссылки на недоглядку, небрежность, малодушіе, уступчивость, довѣрчивость или недальнозоркость правительства. Къ чему же нужна подобная гипотеза?

Мы знаемъ, къ чему она нужна была крѣпостникамъ первой половины XIX вѣка. Теперь же единственный резонъ ея существованія—столѣтнее родословное древо. Кому угодно запутывать и затемнять историческіе факты, тотъ можетъ еще съ сомнительнымъ успѣхомъ прибѣгать подъ сѣнь этого славнаго древа, которое кровно связано съ идеологіей крѣпостного права.

12. Нѣкоторыя черты XVIII вѣка.

Россія конца XVII вѣка съ каждымъ десятилѣтіемъ сильнѣе втягивается въ международный обмѣнъ. Опредѣляется ея роль на міровомъ рынкѣ: она—поставщица продуктовъ сельскаго хозяйства, хлѣба, пеньки, лѣса, и отчасти продуктовъ обрабатывающей промышленности, непосредственно связанной съ земледѣльческимъ и лѣснымъ хозяйствомъ: грубыхъ парусныхъ полотенъ, деревянныхъ издѣлій кустарнаго производства, поташа, овчинъ, валяной обуви и т. п. Въ то же время Россія—потребительница продуктовъ европейской обрабатывающей промышленности. Эти продукты идутъ на удовлетвореніе растущихъ потребностей высшаго, землевладѣльческаго класса: въ нихъ нуждается и классъ въ цѣломъ,—политическая организація класса,—и его отдѣльные представители. „Заморскія штуки“,—говоритъ историкъ,—стали появляться прежде всего во дворцѣ и въ домахъ знатныхъ людей, гдѣ было больше средствъ пріобрѣтать заморскія диковинки. Уже при царѣ Михаилѣ начали шить царевичамъ нѣмецкое платье; затѣмъ появляются заграничные экипажи, музыкальные инструменты и т. д.

Не меньшая потребность въ привозѣ иностранныхъ товаровъ опредѣлялась и нуждами класса, какъ цѣлаго. Въ борьбѣ съ сосѣдними землевладѣльческими организаціями за власть и землю, россійская землевладѣльческая организація вынуждена была прибѣгнуть къ приглашенію на службу иноземцевъ, стоящихъ на уровнѣ европейской военной техники. Возникаютъ и русскіе полки иноземнаго строя. Необходимо новое воинское вооруженіе и снаряженіе,—необходима выписка иноземныхъ издѣлій. Средства для ихъ покупки даются усовершенствованіемъ пріемовъ обработки почвы,—переходомъ къ трехполью,—и продажей растущихъ хлѣбныхъ излишковъ.

Усиленіе въ натурально-помѣстномъ бытѣ элементовъ денежнаго

хозяйства обращаетъ самую землю въ родъ капитала, требующаго подвижности и приближающагося къ типу частной собственности хозяйства капиталистическаго. Изчезаютъ различные виды земельной собственности,—вотчины, помѣстья, —чтобы слиться въ однородную „недвижимую собственность". Поднятіемъ хозяйства, расширеніемъ вывоза его продуктовъ и усовершенствованіемъ своей политической организаціи землевладѣльческій классъ гигантски усиливаетъ свое преобладаніе надъ прочими классами: экономически самый сильный,—онъ является единственнымъ политически-организованнымъ классомъ въ странѣ.

Благодаря развитію денежнаго хозяйства интересы землевладѣльцевъ, и какъ продавцевъ продуктовъ сельскаго хозяйства, и какъ потребителей, тѣсно связываются съ развитіемъ торговли и, въ извѣстной мѣрѣ, сливаются съ интересами владѣльцевъ торговаго капитала. Но это сліяніе идетъ и далѣе: землевладѣніе и торговля не вполнѣ обособились, дворяне-землевладѣльцы часто выступаютъ въ роли владѣльцевъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Землевладѣльческій классъ, какъ цѣлое, въ лицѣ своей политической организаціи („государства"), выросъ изъ вотчины московскаго государя-царя,— „перваго купца" московскаго періода. Классъ, какъ цѣлое, сталъ первымъ купцомъ не только какъ покупатель, но и какъ продавецъ, путемъ многочисленныхъ монополій. Изъ этой близости интересовъ землевладѣльческихъ и торгово-промышленныхъ вытекаютъ единеніе и настойчивость, съ которыми господствующій классъ ищетъ выхода въ открытое море. Въ XVII вѣкѣ возникаетъ мысль арендовать у Курляндіи одинъ изъ Балтійскихъ портовъ; переговоры съ курляндскимъ правительствомъ не дали результатовъ; но выходъ въ море нуженъ во что бы то ни стало, и въ эпоху Петра I не жалѣютъ средствъ на военныя издержки для удовлетворенія этой неотложной потребности. Требованіями землевладѣльческаго хозяйства, втянутаго въ международный обмѣнъ, а не самозащитой и не честолюбіемъ лицъ объясняются войны того времени. Успѣшное занятіе берега Балтійскаго моря способствовало обогащенію и новому усиленію землевладѣльцевъ центральной и сѣверной Россіи: оно облегчило имъ сбытъ продуктовъ ихъ хозяйства.

Увеличеніе доходовъ господствующаго класса и ростъ общаго денежнаго оборота въ странѣ открывали новыя, широкія перспективы для общедворянской кассы (государственной казны). Притокъ денегъ въ эту кассу давалъ возможность оплачивать работу въ общедворянской организаціи и обѣщалъ въ будущемъ освободить землевладѣльцевъ отъ обязательной личной работы въ организаціи. Прежде всего, конечно, деньги были употреблены на содержаніе постояннаго войска. Затѣмъ вводится денежная оплата труда землевладѣльцевъ, работаю-

щихъ въ организаціи. Такимъ образомъ начинается,—сначала фактически, а потомъ и юридически,—знаменитое „раскрѣпощеніе“ господствующаго класса, „освобожденіе“ его отъ „закрѣпощенія“ самому себѣ, своей собственной организаціи.

Связь между ростомъ денежнаго хозяйства и „раскрѣпощеніемъ“ давно извѣстна. Еще въ началѣ XIX вѣка Сперанскій писалъ: „Во внѣшнихъ формахъ, данныхъ правительству во времена Петра I, нисколько не думали о свободѣ политической; но Петръ, открывая дорогу наукамъ и торговлѣ, тѣмъ самымъ открывалъ дорогу и свободѣ... Царствованіе императрицы Елисаветы, безплодное для славы государства, не болѣе благопріятно было и для политической свободы; но промышленность и торговля скрывали въ себѣ сѣмена этой свободы, которыя только выростали и развивались съ ними“ [1]).

Само собою разумѣется, что первые шаги въ дѣлѣ оплаты должностей,—въ дѣлѣ дѣлежа между землевладѣльцами доходовъ ихъ общей кассы,—были слабы и отличались непостоянствомъ. Дѣлежъ былъ провозглашенъ, какъ общій принципъ, около 1714 года. Прекращается раздача помѣстій; помѣстья, уже перешедшія изъ общедворянскихъ рукъ въ руки отдѣльныхъ дворянъ, закрѣплены за послѣдними, сравнены съ вотчинами. Денежные оклады, отчасти существовавшіе и раньше, становятся, какъ говорятъ, „основнымъ вознагражденіемъ за службу“ [2]).

Если бы, однако, денежные оклады дѣйствительно были основнымъ вознагражденіемъ за службу, оплатой труда въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, то прекращеніе оплаты повело бы и къ прекращенію труда,—организація перестала бы существовать. Но въ томъ и дѣло, что основнымъ стимуломъ работы въ организаціи для дворянъ оставалась забота о сохраненіи своего экономическаго и политическаго господства. Опредѣленіе же размѣра выдачъ изъ казны,—введеніе штатовъ,—регулировало лишь порядокъ дѣлежа излишковъ общедворянской кассы. Когда излишковъ не хватало, выдача уменьшалась пропорціонально „штатамъ“.

Объ этомъ характерѣ выдачъ наглядно свидѣтельствуетъ указъ 1723 года, 9 февраля. „Когда придетъ какая нужда въ деньгахъ на какое дѣло необходимая, искать способа, отколь оную сумму взять“,—конечно, не съ землевладѣльцевъ, а съ кого-нибудь другого. „А когда никакого способу не найдется, тогда нужды ради разложить оную сумму со всѣхъ чиновъ всего государства, которые жалованье получаютъ, духовныхъ и мірскихъ... съ рубля, почему доведется, ихъ

---

[1]) Пыпинъ, Обществ. движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Изд. 1885 г., стр. 150—151.

[2]) Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи. Стр. 152—153.

жалованья, дабы никто особливо не былъ обиженъ, но общее бы лишеніе для той нужды всѣ понесли". Но въ общедворянской организаціи уже тогда имѣлись, такъ сказать, пролетарскіе элементы, которымъ не приходилось охранять свое экономическое господство, которые дѣйствительно получали жалованье, какъ оплату труда и основной источникъ существованія. Поэтому вычетъ изъ жалованья, по тому же указу, распространяется на всѣхъ чиновъ, „кромѣ призванныхъ въ нашу службу чужестранныхъ мастеровыхъ, также унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ и морскихъ нижнихъ служителей" (Полн. Собр. Зак. № 4163).

Вскорѣ недостатокъ денегъ въ казнѣ повелъ къ разнымъ сокращеніямъ и урѣзкамъ въ дѣлѣ дѣлежа. Только при Екатеринѣ II возстановляется жалованье для всѣхъ служащихъ,—въ 1763 году, въ непосредственной связи съ указомъ о вольности дворянства [1]).

Мы привели выше мнѣніе Сперанскаго о политическомъ значеніи торговли и промышленности, значеніи денежнаго хозяйства. Сперанскій имѣлъ въ виду собственно такъ называемыя конституціонныя формы. Не трудно однако понять, что значеніе промышленности и торговли,—вообще, значеніе денежнаго хозяйства,—было для господствующаго класса значительно глубже. Только развитіе денежнаго хозяйства открывало ему возможность отмѣны обязательнаго личнаго участія въ своей организаціи, отмѣны безплатнаго труда для этой организаціи. Только развитіе денежнаго хозяйства позволило землевладѣльцамъ взвалить содержаніе ихъ политической организаціи на плечи другихъ классовъ. Наконецъ, позже, тоже развитіе денежнаго хозяйства повело къ замѣнѣ натуральныхъ повинностей крестьянства денежными,—какъ по отношенію къ отдѣльнымъ владѣльцамъ, такъ и по отношенію къ землевладѣльческому классу въ цѣломъ (къ государству). Переходъ отъ натуральныхъ отношеній зависимости къ денежнымъ—такова экономическая сущность того историческаго процесса, который политически выражался въ знаменитомъ „раскрѣпощеніи всѣхъ сословій".

Непрерывно усиливаясь и политически укрѣпляясь въ теченіе всего XVIII вѣка, землевладѣльческій классъ строилъ строго централизованную организацію. Еще въ XVII вѣкѣ онъ отвергъ земскіе соборы; въ XVIII онъ создалъ и развилъ такъ называемую бюрократическую организацію, то есть организовался строго іерархически. Проявляя напряженную политическую дѣятельность, особенно въ началѣ вѣка (усиленная обязательность „службы"), землевладѣльцы пріобрѣтаютъ все большія преимущества, обращаютъ землевладѣніе въ свою привилегію и достигаютъ небывалаго разцвѣта крѣпостного права. Политическое господство принадлежитъ имъ безраздѣльно и про-

[1]) См. у А. Романовича-Славатинскаго «Дворянство въ Россіи» стр. 152—153.

является достаточно (хотя и не вполнѣ) откровенно. Гостъ денежныхъ доходовъ ведетъ къ росту организаціи, къ тому, что дворянство сваливаетъ черную работу въ организаціи на плечи другихъ классовъ. Въ войскѣ оно занимаетъ преимущественно офицерскія мѣста; въ гражданской организаціи оно является верхнимъ слоемъ центральной и областной организаціи, имѣя чернорабочихъ-исполнителей въ лицѣ приказныхъ. Оно же является и вершителемъ судебъ престола.

Еще недавно, при избраніи на царство Петра I, была соблюдена форма общенародія: сочли нужнымъ прибѣгнуть къ утвержденію новаго царя случайной толпой уличныхъ прохожихъ. Послѣ Петра I эта фикція общенародія изчезаетъ; она замѣняется признаніемъ новаго царя только со стороны землевладѣльцевъ. Присмотритесь, напримѣръ, къ составу лицъ, съѣхавшихся въ Москву въ 1730 году для рѣшенія вопроса о судьбѣ вакантнаго престола. Тамъ были: члены Сената и Синода, генералитетъ, многіе изъ представителей дворянства гвардейскаго, армейскаго и отставного, почти вся столичная „бюрократія“ въ лицѣ ея высшихъ руководителей. Были ли здѣсь элементы, не входившіе въ составъ землевладѣльческаго класса? Очевидно, нѣтъ (церкви и монастыри также владѣли вотчинами). Могли ли быть,—при обязательности личнаго участія землевладѣльцевъ въ своей организаціи, то есть при обязательности „службы“,—такія категоріи землевладѣльцевъ, которыя не входили бы ни въ составъ бюрократіи, ни въ составъ арміи и гвардіи? Не могли. Передъ нами не господство бюрократіи, арміи или гвардіи, а господство землевладѣльцевъ, классовое политическое господство въ чистомъ видѣ.

Дальнѣйшая исторія XVIII вѣка представляетъ собою непрерывный рядъ побѣдъ землевладѣльческаго класса, неизмѣнный ростъ его силы. Землевладѣльцы берутъ верхъ надъ представителями торгово-промышленнаго сословія въ вопросѣ о приписке крѣпостныхъ къ фабрикамъ и заводамъ,—и огромный процентъ фабрикъ сосредоточивается въ рукахъ дворянства. Они пріобрѣтаютъ все больше правъ надъ закрѣпощеннымъ крестьянствомъ. Они возводятъ, они же и низлагаютъ носителей короны. Но они не видятъ для себя надобности реорганизоваться на выборномъ началѣ и по многимъ причинамъ, о которыхъ намъ придется еще говорить, предпочитаютъ сохранить іерархическій типъ своей организаціи, типъ абсолютной монархіи.

13. Петръ Великій.

До сихъ поръ еще приходится встрѣчать историковъ, у которыхъ взглядъ на эпоху Петра I не далеко ушелъ отъ взглядовъ его современниковъ. Послѣдніе резюмировали свои впечатлѣнія фразой о томъ,

что Петръ произвелъ Россію изъ небытія въ бытіе. Петръ будто бы разорвалъ со старымъ, которое ничего не дало ему, и единоличной волей, единоличной силой создалъ новую Россію. Въ наше время съ подобными же взглядами выступилъ И. Энгельманъ, увѣрявшій, будто Петръ В. желѣзною рукою проводилъ свои реформы, недоступныя пониманію окружающихъ,—и чѣмъ меньше понимали дѣло даже ближайшіе сотрудники царя, тѣмъ настойчивѣе становился Петръ, тѣмъ труднѣе было обходиться безъ жестокихъ мѣръ, и тѣмъ болѣе насильственный характеръ принимали средства, употребляемыя Петромъ.

Съ Энгельмана, впрочемъ, нечего много и спрашивать. Несравненно болѣе страннымъ образчикомъ научнаго атавизма могутъ служить сужденія М. Богословскаго, выпустившаго объемистый трудъ относительно областной реформы Петра. Этотъ ученый также ставитъ въ центръ реформаторской дѣятельности единую личность Петра: отъ него все исходитъ и имъ завершается, потому что Петръ проникся извѣстной абстрактной идеей, сталъ посылать заграницу молодыхъ людей, изъ которыхъ нафабриковалъ себѣ потомъ искусныхъ и преданныхъ исполнителей,—и все перевернулъ. Чѣмъ вызваны были реформы? М. Богословскій подмѣняетъ этотъ вопросъ другимъ: чѣмъ направлялась *верховная власть* въ задачѣ руководить подданными? И отвѣчаетъ: „Это былъ разумъ. Абсолютную верховную власть, ведущую народъ и перестраивающую его жизнь по требованіямъ разума, мы и видимъ въ реформѣ Петра. Разумъ не мирится съ обычаемъ, онъ стремится перестроить жизнь по своему,—вотъ почему эта реформа получила такой радикальный характеръ всеобъемлющей ломки“ [1]). И далѣе: цѣлью реформъ было „регулярное государство, такое, какимъ его въ то время знала западно-европейская политическая практика, и такое, о какомъ учила западно-европейская политическая теорія. Этотъ идеалъ носился передъ Петромъ по крайней мѣрѣ во второй періодъ его реформаціонной дѣятельности“. Среди окружающихъ стремленіе Петра встрѣчало поддержку, поскольку оно „питалось знакомствомъ съ западно-европейскимъ государствомъ и съ политической литературой, принявшимъ значительные размѣры въ первой четверти XVIII вѣка, благодаря массовымъ посылкамъ заграницу дворянской молодежи“.

Читая побасенки современнаго намъ ученаго, невольно вспоминаешь приглашеніе историка С. М. Соловьева бросить наконецъ разсказывать о Петрѣ сказки и начать подмѣчать общіе законы историческихъ явленій [2]).

Но и Соловьевъ, лѣтъ 30 назадъ, не былъ уже новаторомъ въ своемъ требованіи. Не въ бровь, а въ глазъ историкамъ, подобнымъ

---

[1]) Областная реформа Петра В. М. 1902 г. стр. 13.

[2]) Ист. Россіи съ древнѣйшихъ временъ т. XIV гл. II.

М. Богословскому, писалъ еще въ срединѣ 60-хъ годовъ А. Градовскій. „Подъ именемъ реформы Петра I,—говорилъ онъ,—въ нашей юридической и исторической литературѣ разумѣется та эпоха, когда самодержавный преобразователь принялъ рѣшительное намѣреніе ввести Россію въ сферу европейскихъ государствъ и для того рѣшился дать ей европейское образованіе и организацію. Съ этой точки зрѣнія нѣтъ ничего легче, какъ написать изслѣдованіе объ учрежденіяхъ XVIII вѣка: стоитъ только сказать, что старая Россія отжила свое, что она представляла реформатору инертную и безобразную массу, что духъ, формы, жизнь нашихъ учрежденій даны ей Западомъ при помощи сильной руки Петра Великаго, и что должно, слѣдовательно, ограничиться изученіемъ одной мысли законодателя, какъ она выражалась въ его уставахъ“ [1]). Такимъ образомъ С. М. Соловьевъ не одинъ и не первый выступилъ противъ сказокъ; тѣмъ съ большей энергіей могъ онъ обрушиться на представителей того взгляда на Петра, который былъ формулированъ въ словахъ:

Онъ богъ твой, богъ твой былъ, Россія!

Въ этомъ взглядѣ,—возражаетъ Соловьевъ,—дѣятельность одного лица отрывается отъ исторической дѣятельности цѣлаго народа; въ жизнь вводится сила сверхъестественная, дѣйствующая по своему произволу, причемъ народъ осуждается на совершенно пассивное положеніе.

С. М. Соловьевъ совершенно правильно ставилъ славянофиловъ, видѣвшихъ въ Петрѣ источникъ всякой скверны, на одну доску съ западниками, обоготворявшими Петра: „Опять божество, опять сверхъестественная сила! — восклицаетъ онъ: опять изчезаетъ исторія народа, развивающаяся сама изъ себя по извѣстнымъ законамъ, подъ вліяніемъ особенныхъ условій, которыя и отличаютъ жизнь одного народа отъ жизни другого!“ [2]).

Увы! божества, сверхъестественныя силы, противъ которыхъ такъ давно протестовалъ почтенный историкъ, и понынѣ почти безраздѣльно владѣютъ идеологіей прогрессивнѣйшихъ россійскихъ политиковъ и публицистовъ!

И А. Градовскій, и С. М. Соловьевъ энергично возставали противъ придаванія отдѣльной личности сверхъестественной силы, сверхъестественнаго вліянія на ходъ исторической жизни страны. Въ этомъ ихъ несомнѣнная заслуга. Но изъ этого еще далеко не слѣдуетъ, что они съумѣли правильно понять сущность историческаго процесса. Къ этому вопросу мы еще вернемся. Предварительно же нужно всетаки

---

[1]) А. Градовскій. Высшая администрація въ Россіи и ген.-прокуроры. Спб. 1866 г. стр. V.

[2]) С. М. Соловьевъ. Публичныя чтенія о Петрѣ В. М. 1872 г.

нѣсколько освѣтить роль Петра I въ реформаторской дѣятельности его времени.

Петръ и въ эпоху потѣхъ, и въ эпоху разцвѣта своей дѣятельности былъ въ столицѣ „рѣдкимъ гостемъ", а правленіе „по необходимости, продолжало находиться въ рукахъ извѣстныхъ сановниковъ первостепенныхъ, въ рукахъ бояръ" [1]). До 1705 г. царь лишь изрѣдка пріѣзжаетъ въ Москву: пріѣдетъ, станетъ заниматься внутренними дѣлами,—и вдругъ получается вѣсть о приближеніи врага; царь бросаетъ дѣла и спѣшитъ къ границамъ, а „въ отсутствіе царя по прежнему управляютъ бояре, которые носятъ названіе министровъ" [2]).

Наблюденія С. М. Соловьева подтверждаются и позднѣйшимъ изслѣдователемъ. „Нѣсколько недѣль, которыя онъ (Петръ I)—притомъ не каждый годъ—могъ удѣлить между декабремъ и январемъ на занятія гражданскими дѣлами, конечно, не могли пріучить его цѣнить правильную дѣятельность центральныхъ учрежденій". Крушеніе старой, приказной системы управленія совершилось въ годы наиболѣе постоянныхъ и продолжительныхъ отлучекъ Петра [3]). Реформы начала XVIII вѣка, по П. Милюкову, вызывались текущими потребностями минуты. У Петра не было опредѣленнаго плана реформъ. Самыя реформы являлись „непрерывной цѣпью ошибокъ и недоразумѣній". Личная иниціатива Петра сводилась „къ гораздо болѣе узкимъ рамкамъ, чѣмъ это обыкновенно полагаютъ": личный починъ Петра продолжаетъ „сильно преувеличиваться". Изучивши подробно ходъ реформъ петровской эпохи, П. Милюковъ вынужденъ резюмировать свои впечатлѣнія въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Уже при жизни Петра мы привыкли, слѣдя за перемѣнами въ избранной нами области явленій, наблюдать *реформу безъ реформатора*. Собственно, тоже впечатлѣніе, относительно государственной реформы, получили въ свое время и болѣе посвященные участники и наблюдатели реформы. Только люди, стоявшіе дальше отъ дѣла, наивно отождествили потомъ Петра съ его реформой и подготовили тотъ взглядъ, по которому Петръ былъ единственнымъ творцомъ новой Россіи" [4]).

Взглядомъ на роль Петра, высказаннымъ П. Милюковымъ, конечно, не отрицается ни крупная индивидуальность Петра, ни его власть и вліяніе. Все дѣло именно въ томъ, что въ организованномъ обществѣ всякая вообще индивидуальность можетъ проявиться лишь въ опредѣленныхъ, ограниченныхъ сферахъ жизни, и проявиться главнымъ образомъ постольку, поскольку власть и вліяніе соотвѣтствуютъ въ

---

[1]) М. Соловьевъ. Ист. Р. съ др. вр. т. XV гл. II.

[2]) Тамъ же т. XVI гл. I.

[3]) П. Милюковъ. Госуд. хозяйство въ Россіи. Спб. 1905. стр. 535.

[4]) Тамъ же стр. 383—4, 542—3 и 545.

своемъ направленіи требованіямъ стихійнаго соціальнаго развитія. На эту сторону явленія, въ связи съ изученіемъ дѣятельности Петра, обращалъ вниманіе уже и С. М. Соловьевъ. Развитое, цивилизованное общество,—писалъ онъ,—сжимаетъ личную силу, вгоняетъ ее въ извѣстные предѣлы, ограничиваетъ спеціализированіемъ занятій [1]). Признавая Петра не болѣе какъ вождемъ своего народа, С. М. Соловьевъ предъявляетъ историку требованіе не отрывать главнаго дѣятеля—вождя—отъ народа. Къ этимъ утвержденіямъ историка намъ остается только добавить, что всякое цивилизованное общество является раздѣленнымъ на классы, что личная сила „сжимается“ прежде всего силою своего класса, въ составъ котораго она входитъ, что вождь „народа“ прежде всего вождь своего класса, и что, наконецъ, мы имѣемъ поэтому полное право предъявлять историку требованіе не отрывать вождя отъ своего класса.

Какъ вождь своего класса, Петръ, конечно, оставилъ въ исторіи слѣдъ своей могучей индивидуальности, преимущественно въ отдѣльныхъ сферахъ государственной жизни. П. Мюлюковъ, со словъ Фокердота, приводитъ слѣдующую градацію интересовъ Петра: „Онъ особенно и со всею ревностью старался улучшить свои военныя силы. Вмѣстѣ съ тѣмъ также войны, занимавшія всю его жизнь, и по поводу этихъ войнъ заключаемые имъ договоры съ иноземными державами заставляли его обращать вниманіе также и на иностранныя дѣла. Самымъ его любимымъ и пріятнымъ занятіемъ было кораблестроеніе и другія дѣла, относящіяся къ мореходству“. На второмъ планѣ стояли финансы, и далеко на заднемъ—другія внутреннія дѣла. Такимъ образомъ, ничуть не споря съ поэтомъ, прославлявшимъ Петра, какъ академика, героя, мореплавателя и плотника,—и вообще на тронѣ вѣчнаго работника,—мы въ то же время имѣемъ всѣ основанія признать, что землевладѣльческій классъ начала XVIII вѣка нашелъ въ лицѣ императора выдающагося борца прежде всего за интересы именно этого класса: въ лицѣ „вождя“ приходится видѣть только исполнителя стихійно развивающейся воли класса.

Петръ былъ превосходнымъ военнымъ организаторомъ и военнымъ главнокомандующимъ. Во внутреннія дѣла онъ мало вмѣшивался. Въ столицѣ бывалъ рѣдко и не надолго. Во время его поѣздки за границу управляла боярская дума. Такой порядокъ не былъ новостью: царь и раньше проводилъ время то въ Архангельскѣ, то подъ Азовомъ. „Оффиціально считалось, что государь не уѣзжалъ: дѣла рѣшались его именемъ, бояре не получали никакихъ особыхъ полномочій“ [2]). Другими словами: былъ ли Петръ на лицо при рѣшеніи

---

[1]) Ист. Россіи съ др. временъ Т. XIV. гл. II.

[2]) С. Ѳ. Платоновъ. Лекціи, стр. 444.

внутреннихъ дѣлъ или не былъ, участвовалъ онъ въ рѣшеніи или не участвовалъ, приказывалъ что-либо или не приказывалъ — работа государственнаго механизма шла своимъ чередомъ и не подвергалась никакимъ существеннымъ измѣненіямъ. Иначе въ „цивилизованномъ" обществѣ и быть не можетъ; только надѣляя личность сверхчеловѣческими, сверхъестественными свойствами, мы могли бы допустить иное положеніе вещей.

Въ отсутствіе Петра правили бояре,—сначала боярская дума, потомъ болѣе или менѣе неоформленныя совѣщанія бояръ, съ постепенно увеличивающейся примѣсью новыхъ людей и, наконецъ, съ 1711 года, вновь созданное учрежденіе—Сенатъ. Въ первомъ указѣ о Сенатѣ сказано, что онъ учреждается на время отлучки царя; но и по возвращеніи Петра Сенатъ остался, какъ учрежденіе; онъ былъ „высшимъ установленіемъ, сосредоточивающимъ въ себѣ аттрибуты верховной власти"—[1]), „понеже собраніе сіе установлено вмѣсто присутствія Его Царскаго Величества собственной персоны". Въ составъ Сената первоначально входили девять членовъ: гр. Мусинъ-Пушкинъ, кн. П. Голицынъ, кн. М. Долгорукій, кн. Гр. Волконскій, Стрѣшневъ, Самаринъ, Племянниковъ, Опухтинъ и Мельницкій. Но было бы грубой ошибкой предполагать, будто съ учрежденіемъ Сената въ Россіи появилось 9 внѣклассовыхъ бюрократовъ съ властью абсолютнаго монарха. Сенаторами были—и не могли не быть—все тѣ же дворяне-землевладѣльцы. Это были или представители крупныхъ старыхъ дворянско-землевладѣльческихъ фамилій, или лица, успѣвшія сами стать дворянами-землевладѣльцами и уже связанныя всѣми своими интересами съ интересами землевладѣльческаго класса. Если и считать, что съ начала XVIII вѣка въ Россіи появляется абсолютизмъ, то во всякомъ случаѣ это не былъ и не могъ быть ни самовластный и произвольный абсолютизмъ одного лица, ни абсолютизмъ девяти лицъ; слѣдовательно, это былъ абсолютизмъ класса иля, точнѣе сказать, организація землевладѣльческаго класса по типу абсолютной монархіи. И былъ ли Петръ въ Москвѣ или находился въ отлучкѣ,—типъ организаціи оставался тотъ же.

Обычай отдавать управленіе всецѣло въ руки бояръ, „приказывать государство боярамъ" во время отлучекъ или болѣзни царя былъ не новъ и,—говоритъ А. Градовскій,—вполнѣ соотвѣтствовалъ духу русскаго управленія, при которомъ вся Россія „постоянно была въ сущности приказана служилому сословію". Слѣдовательно, нельзя себѣ представить Московской Руси иначе, какъ подъ управленіемъ „служилаго сословія" землевладѣльцевъ. Къ сожалѣнію, и А. Градовскій, подобно другимъ историкамъ, считалъ нужнымъ опровергать самого

[1]) А. Градовскій. Высшая администрація, стр. 81.

себя: то онъ увѣряетъ, будто „служилый классъ“ не зналъ другихъ интересовъ, кромѣ службы,—то заявляетъ, что задолго до Петра началась „борьба“ государей-царей съ дворянами: дворяне тянули къ своимъ помѣстьямъ, а царь требовалъ ихъ въ Москву или въ полки. На самомъ дѣлѣ, конечно, происходила не борьба царя съ дворянствомъ, а борьба между центробѣжными и центростремительными тенденціями въ самомъ дворянствѣ, между интересами личными и общеклассовыми.

Изученіе петровской эпохи приводитъ почти всѣхъ историковъ къ выводу, что ни въ результатѣ дѣятельности Петра, ни въ его намѣреніяхъ не было на лицо переворота ни политическаго, ни общественнаго. Государственное положеніе сословій и ихъ взаимныя отношенія не потерпѣли существенныхъ измѣненій; задачи экономической политики въ общемъ оставались прежнія. При всей новости формъ, при всѣхъ иноземныхъ заимствованіяхъ,—старая Россія вся сказалась въ преобразованныхъ учрежденіяхъ: все управленіе оставалось въ рукахъ почти исключительно дворянскихъ. „При новыхъ формахъ осталась старая сущность“ [1]). Послѣ Петра „вымирали и исчезали разныя учрежденія, съ ихъ иноземными формами и именами, а элементы нашей старой общественности неуклонно идутъ, развиваются, тѣсно примыкаютъ къ важнѣйшимъ изъ переживаемыхъ нами реформъ“ [2]). Петръ былъ превосходнымъ вождемъ своего класса,—отсюда понятно преклоненіе передъ его личностью прежде всего со стороны представителей именно этого класса. „Необычайное распространеніе въ обществѣ XVIII вѣка дифирамбовъ личности и дѣламъ Петра, составленныхъ современниками реформы, свидѣтельствуетъ о томъ,—говоритъ С. Ѳ. Платоновъ,—что сочувствіе Петру было очень сильно среди болѣе или менѣе образованныхъ русскихъ людей“. Но такъ какъ самъ же Платоновъ признаетъ, что въ то время образованіе „коснулось только высшихъ слоевъ общества“, а народная масса „осталась при своемъ старомъ міровоззрѣніи“ [3]), то и получается прямой выводъ, что сочувствіе реформамъ было сильно именно среди „высшихъ слоевъ общества“, что реформы были предприняты въ интересахъ именно этого общества, а вовсе не въ интересахъ лично Петра или какого то фантастическаго „абсолютизма“, „государства“, деспотизма и т. д., и т. п.

Нужно отдать справедливость новѣйшимъ историкамъ: они многое сдѣлали для выясненія фактовъ и не менѣе того,—для затемненія смысла тѣхъ же фактовъ, для затемненія классоваго характера госу-

---

[1]) С. Ѳ. Платоновъ. Лекціи, стр. 478 и 502.

[2]) А. Градовскій. Высшая администрація, стр. VI.

[3]) Лекціи, стр. 497 и 503.

дарства. Тотъ же Платоновъ вдругъ превращаетъ „образованное общество“ и „высшіе слои“ въ „птенцовъ Петра“,—какъ бы въ безгласныхъ исполнителей его воли. Послѣ смерти Петра эти птенцы побѣждаютъ сторонниковъ „реакціи“,—они уже не только птенцы. И С. Ѳ. Платоновъ увѣряетъ, что дать общую характеристику птенцовъ будто бы нѣтъ возможности: они—люди различнаго происхожденія, характеровъ, способностей, дѣятельности; единственная общая черта у нихъ—практическій характеръ воспитанія и дѣятельности. Среди птенцовъ встрѣчались и лица темнаго происхожденія—Меньшиковъ, Шафировъ, Ягужинскій. Почтенный историкъ забываетъ только поставить вопросъ: къ какому классу принадлежали всѣ эти птенцы? Не были-ли они представителями крупнаго землевладѣнія? А Меньшиковъ, Шафировъ, Ягужинскій—не стали-ли они сами членами того же класса, не превратились-ли въ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ?

Рядомъ съ затемненіемъ классоваго положенія дѣятелей реформы идетъ и затемненіе мотивовъ реформы. Тутъ историки, видя энергію Петра въ воинскомъ дѣлѣ, стараются изобразить положеніе въ такомъ видѣ: Петръ любилъ воевать; для войны нужны деньги; для добычи денегъ—реформы. Эту точку зрѣнія проводятъ П. Милюковъ, Платоновъ и другіе. Почти каррикатурное резюме даетъ С. Ѳ. Платоновъ: „Война требовала войскъ, Петръ искалъ средствъ для лучшей организаціи военныхъ силъ, и это повело къ реформѣ военной и къ реформѣ дворянской службы. Война требовала средствъ. Петръ искалъ путей, которыми бы можно было поднять платежныя силы (иначе говоря, экономическое состояніе) государства, и это повело къ податной реформѣ, къ поощренію промышленности и торговли, въ которыхъ Петръ всегда видѣлъ могущественный источникъ народнаго благосостоянія. Такъ подъ вліяніемъ военныхъ нуждъ Петръ совершилъ рядъ нововведеній“ (стр. 465). И далѣе: „Петръ ясно опредѣлилъ ту задачу, къ рѣшенію которой невѣрными шагами шли и до него,—задачу поднятія производительныхъ силъ страны“ (стр. 503). Въ юности Петръ занимался воинскими потѣхами; выросши, онъ вздумалъ поставить эти потѣхи на болѣе широкую ногу, сталъ воевать съ турками, со шведами,—и ради воинскихъ потѣхъ ему понадобилось развитіе производительныхъ силъ страны,—такова курьезная философія исторіи, охотно принимаемая современными русскими историками. Не развитіе производительныхъ силъ страны, не потребности ея экономической жизни вели къ упорнымъ войнамъ начала XVIII вѣка, а будто бы какъ разъ наоборотъ. А между тѣмъ какъ легко могли бы наши историки избѣжать смѣшного положенія, въ которое они себя ставятъ! Имъ стоило только развить тѣ мысли, которыя уже давно высказаны довольно компетентнымъ ихъ предшественникомъ—историкомъ С. М. Соловьевымъ.

Почти сорокъ лѣтъ назадъ С. М. Соловьевъ пришелъ къ выводу, что у насъ въ Россіи въ эпоху преобразованія „экономическое движеніе оставалось на первомъ планѣ". „Экономическій переворотъ [1]), какъ удовлетворяющій главной народной потребности, становился на первый планъ и, какъ совершившійся вдругъ, тѣмъ сильнѣе давалъ себя чувствовать; въ организмѣ государственномъ нельзя дотронуться до одного органа, не коснувшись въ то же время и другихъ, и вотъ причина, почему вмѣстѣ съ экономическимъ преобразованіемъ шло и множество другихъ; но эти послѣднія находились въ служебномъ отношеніи къ первымъ" [2]). С. М. Соловьевъ, какъ видимъ, далекъ отъ всякой предвзятой точки зрѣнія вообще, далекъ и отъ матеріалистическаго пониманія исторіи въ частности: для него экономика—только одинъ изъ „органовъ" „государственнаго организма"; не менѣе далекъ онъ и отъ сознательно-классовой точки зрѣнія: для него нѣтъ интересовъ класса, а есть только „народная потребность". И тѣмъ не менѣе онъ вынужденъ признать первенствующую роль экономики въ движеніи петровской эпохи. Война, реформы войска, реформы административныя—все это находилось въ служебномъ отношеніи къ экономикѣ. Перспектива, въ которой расположены явленія, въ общемъ—обратная перспективѣ позднѣйшихъ историковъ и несомнѣнно болѣе правильная.

С. М. Соловьевъ много разъ возвращается къ тезису о роли экономики въ реформахъ петровской эпохи: „Мы не разъ упоминали о томъ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ [3]),—что преобразованіе имѣло экономическій характеръ. Вопросъ о бѣдности и богатствѣ, о бѣдности Россіи сравнительно съ другими государствами, о средствахъ сдѣлать ее богатой, сдѣлать для нея возможнымъ удовлетвореніе громаднымъ издержкамъ преобразованія, предпринимаемаго для усиленія и обогащенія Россіи,—этотъ вопросъ былъ на первомъ планѣ для всякаго возбужденнаго движеніемъ человѣка". Опять на первомъ планѣ потребности экономическаго развитія; при этомъ движущая сила—не единоличная воля чья бы то ни было и не угодливая исполнительность „птенцовъ": историкъ наблюдаетъ цѣлое движеніе, возбуждающее людей къ дѣятельности. Политически во главѣ движенія становится центральная землевладѣльческая организація,—и къ ней, понятно, тянутся поборники движенія изъ другихъ классовъ. „Снизу является рядъ людей способныхъ, бывалыхъ, которые предлагаютъ правительству свои планы относительно увеличеніи доходовъ, свои услуги въ этомъ важномъ дѣлѣ. Мысли выслушаны, услуги приняты, и нѣкоторые изъ этихъ людей, отмѣченныхъ въ народѣ названіемъ прибыль-

---

[1]) Мы предпочли бы сказать: ускоренное экономическое развитіе.

[2]) Публичныя чтенія о Петрѣ. В. М. 1872 г. стр. 21—22.

[3]) Тамъ же, стр. 77.

щиковъ, стали видными дѣятелями эпохи преобразованія", стали, добавимъ отъ себя,—въ то же время и членами господствующаго землевладѣльческаго класса, который растворилъ ихъ въ своей средѣ. Вспомнимъ: вѣдь Петръ былъ почти всю жизнь въ отлучкѣ, правили бояре и сенаторы, въ безмолвномъ согласіи съ землевладѣльческимъ классомъ въ цѣломъ. Они умѣли цѣнить нужныхъ людей ..

Петръ вѣчно въ отлучкѣ: подготовляетъ войну или ведетъ войну. Что же руководитъ имъ: склонность къ авантюрѣ, къ потѣхѣ? Или неотложныя велѣнія экономическаго развитія и, въ первую очередь, потребности того класса, къ которому онъ самъ принадлежитъ? Отвѣтъ опять находимъ у С. М. Соловьева. Историкъ не нашелъ въ Петрѣ ничего геройскаго въ тѣсномъ, военномъ смыслѣ слова,—никакого пристрастія къ войнѣ или стремленія къ воинской славѣ. Война—только средство; она—„тяжкая необходимость для произведенія экономическаго переворота въ народной жизни, для пріобрѣтенія моря". Полтавская побѣда „кладетъ камень въ основаніе приморскаго городка, даетъ средство закрѣпить для Россіи берегъ западнаго моря. Война, побѣда исчезаютъ въ своемъ самостоятельномъ значеніи, исчезаетъ полководецъ, побѣдитель, но тѣмъ выше поднимается великій человѣкъ, вождь своего народа въ великомъ движеніи, охватившемъ весь организмъ народной жизни" [1]).

Разсказъ С. М. Соловьева цѣненъ для насъ не только какъ свидѣтельство историка собственно о личности Петра: онъ цѣненъ и для характеристики самого историка, какъ представителя господствующаго класса. Это—представитель землевладѣнія, втянутаго уже въ товарный оборотъ: „великое движеніе"—движеніе для облегченія сбыта продуктовъ землевладѣльческаго хозяйства; „весь организмъ народной жизни"—весь землевладѣльческій классъ и его политическая организація; „вождь своего народа"—вождь класса. Представители господствующаго класса всегда смотрятъ на свои классовые интересы, какъ на интересы общенародные. И для характеристики С. М. Соловьева цѣнно то, что онъ не отдѣляетъ вождя отъ „народа": ему еще чуждо то безсознательное,—а можетъ быть, и сознательное,—классовое лукавство, которое заставляетъ позднѣйшихъ историковъ затемнять классовую сущность явленій, пряча ее за спину деспотизма, абсолютизма, „государства" и другихъ китайскихъ страшилищъ. Отношеніе между этими историками и Соловьевымъ до нѣкоторой степени напоминаетъ отношеніе между классическими и вульгарными представителями науки политической экономіи.

При поверхностномъ наблюденіи можетъ иногда казаться, будто въ эпоху Петра имѣлись на лицо столкновенія между землевладѣль-

[1]) Тамъ же, стр. 73.

ческимъ классомъ и „государствомъ“, будто „государство“ попирало интересы землевладѣльцевъ, „опираясь“,—какъ у насъ любятъ выражаться,—на другіе классы. Такъ, напримѣръ, въ эту эпоху крѣпостному человѣку во многихъ случаяхъ ставилось въ обязанность доносить на помѣщика, причемъ за доносъ обѣщалась награда, включительно до освобожденія доносчика отъ крѣпостной зависимости. По К. Побѣдоносцеву, слѣдующія преступленія признавались законными поводами къ доносу: корчемство, лихоимство, поврежденіе государственнаго интереса, укрывательство отъ службы, принятіе чужихъ бѣглыхъ крестьянъ. К. Побѣдоносцевъ объясняетъ допущеніе подобныхъ доносовъ тѣмъ, что, „устраивая свою державу могучей рукой и крѣпкой волей, Петръ не стѣснялся правами частной собственности... Тамъ, гдѣ нельзя было согласить неприкосновенность этого права (крѣпостного) съ государственнымъ интересомъ, оно нарушалось и ограничивалось“ [1]). Но принятіе чужихъ бѣглыхъ крестьянъ само уже было нарушеніемъ права частной собственности,—и требованіе, чтобы крѣпостные доносили на помѣщиковъ, укрывающихъ бѣглецовъ, можно было бы разсматривать, какъ нарушеніе частнаго права собственности, лишь въ томъ случаѣ, если бы мы признали, что воровство есть законный способъ пріобрѣтенія собственности. Что же касается другихъ преступленій, перечисленныхъ Побѣдоносцевымъ, то они частью подходятъ именно подъ понятіе обыкновенныхъ разновидностей воровства (корчемство, лихоимство, поврежденіе государственнаго интереса), частью же (укрывательство отъ службы) являются неисполненіемъ, со стороны отдѣльныхъ лицъ, признанныхъ обязательствъ по отношенію къ организаціи своего собственнаго класса. Не будь вовсе Петра, будь на лицо какая угодно классовая организація, эта организація точно такъ же выступала бы на защиту своихъ признанныхъ институтовъ.

Приведу еще примѣръ того, какъ „могучая рука и крѣпкая воля“ Петра приходили будто бы въ столкновеніе съ общедворянскими интересами. Я имѣю въ виду извѣстный именной указъ 1721 года о непродажѣ порознь членовъ одного семейства. Этотъ указъ изданъ 15 апрѣля; для сравненія взглянемъ на ближайшій предшествующій и ближайшій послѣдующій именные указы.

Ближайшій предшествующій—это указъ 29 марта (П. С. З. № 3766) относительно обязательной постройки дворянами домовъ въ Петербургѣ, на Васильевскомъ Островѣ. Развитіе петербургской торговли, ростъ привоза и вывоза, а слѣдовательно, и ростъ самого города составляли прямой интересъ дворянства. Нужны были только кое-какія

---

[1]) К. Побѣдоносцевъ. Историч. изслѣдованія и статьи. СПБ. 1876 г., стр. 157—158.

издержки въ первое время,— домовладѣніе въ Петербургѣ обѣщало въ будущемъ значительныя выгоды. Чтобы толкнуть впередъ дворянскую предпріимчивость въ интересахъ самихъ же дворянъ, въ 1721 году издается указъ относительно обязательной постройки домовъ дворянами, подъ угрозой отобранія у ослушниковъ вотчинъ и помѣстій на Его Царское Величество безповоротно. Воеводы должны помогать дѣлу „подъ опасеніемъ жестокаго Его Величества гнѣва и разоренія". Указъ, какъ видимъ, довольно энергиченъ, хотя угроза гнѣвомъ и разореніемъ страдаетъ отсутствіемъ опредѣленности. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ указѣ мы видимъ Петра, какимъ онъ извѣстенъ, видимъ человѣка съ могучей рукой и твердой волей.

Ближайшій послѣдующій именной указъ касается нарушенія казенной монополіи по продажѣ смольчуга и поташа. Частная продажа этихъ продуктовъ наносила прямой ущербъ общедворянской организаціи. И такая продажа запрещается подъ опасеніемъ отобранія имѣнія въ казну, наказанія и вѣчной ссылки въ каторжную работу (П. С. З. № 3772). Опять предъ нами Петръ съ могучей рукой и твердой волей.

Переходимъ къ именному указу, изданному между 29 марта и 18 апрѣля,—къ указу 15 апрѣля 1721 года. Озаглавленъ онъ такъ: „О непродажѣ крѣпостныхъ людей поодиночкѣ и неразлученіи семействъ". Если по нравамъ той эпохи несчастному преступнику за продажу поташа или смольчуга грозила вѣчная каторга, то мы въ правѣ ожидать, что за такое преступленіе, какъ отнятіе ребенка у матери или матери у дѣтей, виновному грозитъ и колесованіе, и четвертованіе, и всѣ вообще виды смертной казни сразу. Читаемъ самый указъ:

> „Обычай былъ въ Россіи, который и нынѣ есть, что крестьянъ и дѣловыхъ и дворовыхъ людей мелкое шляхетство продаетъ врознь, кто похочетъ купить, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится, а наипаче отъ семей, отъ отца или отъ матери дочь или сына помѣщикъ продаетъ, отчего не малый вопль бываетъ. И Его Императорское Величество указалъ оную продажу людямъ пресѣчь, а ежели невозможно того будетъ вовсе пресѣчь, то бы хотя по нуждѣ и продавали цѣлыми фамиліями или семьями, а не порознь, и о томъ бы при сочиненіи нынѣшняго Уложенья изъяснить, какъ Высокоправительствующіе Господа Сенаторы за благо разсудятъ" [1]). Только всего!

И это говоритъ Петръ I, какимъ мы его знаемъ? Своей мягкостью, своимъ опасливымъ отношеніемъ къ интересамъ шляхетства

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 3770.

указъ 15 апрѣля скорѣе походитъ на прошеніе на имя Высокоправительствующихъ Господъ Сенаторовъ, чѣмъ на актъ законодательной власти. Куда дѣвалась могучая рука и твердая воля? И почему въ этомъ робкомъ прошеніи упомянуто только о продажѣ людей *мелкимъ* шляхетствомъ? Потому ли, что крупное дѣйствительно не продавало? Или потому, что мелкое не засѣдало въ Сенатѣ? [1]).

Если бы какимъ-нибудь чудомъ исчезли всѣ остальные документы петровской эпохи, если бы историкъ не имѣлъ передъ глазами ничего, кромѣ указовъ 29 марта, 15 и 18 апрѣля, то и этихъ трехъ документовъ было бы вполнѣ достаточно, чтобы составить себѣ ясную картину классоваго господства, чтобы счесть за нелѣпость всякое предположеніе о наличности какого то надклассоваго государства въ Россіи начала XVIII вѣка, чтобы отвергнуть всякую ссылку на деспотизмъ или абсолютизмъ, будто бы угнетавшій *всѣ* классы населенія.

14. Бюрократія.

Слова „бюрократія“, „бюрократизмъ“ употребляются въ разныхъ смыслахъ. Обыкновенно бюрократизмъ, какъ форма организаціи, противополагается другимъ принципамъ или формамъ организаціи: коллегіальности, выборности. Тогда о бюрократіи говорятъ, какъ объ организаціи извѣстной части населенія, сложенной по опредѣленному принципу; въ такомъ случаѣ можно будетъ выразиться, напримѣръ, о боярствѣ, что оно организовано по бюрократическому типу; при этомъ конечно предполагается, что боярство все же остается боярствомъ.

Иногда слово „бюрократія“ употребляется просто для того, чтобы отмѣтить наличность вообще какой бы то ни было правительственной организаціи. Повидимому, только въ этомъ смыслѣ беретъ слово бюрократія напримѣръ Н. Рожковъ, когда говоритъ, что къ срединѣ XVII вѣка техника высшаго управленія въ Москвѣ преобразовалась въ смыслѣ „усиленія самостоятельности бюрократіи и избавленія верховной власти отъ множества мелкихъ дѣлъ“ [2]).

Но въ политической,—а отчасти и въ исторической,—литературѣ мы чаще всего встрѣчаемъ упоминаніе о бюрократіи, не какъ о формѣ организаціи, а какъ о чемъ то, существующемъ самостоятельно, отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ классовъ населенія. По такому представленію, всякій членъ всякаго класса можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, вступить въ ряды бюрократіи; при этомъ онъ теряетъ свое прежнее

---

[1]) Само собою разумѣется, что указъ 15 апрѣля 1721 года не имѣлъ никакихъ практическихъ послѣдствій.

[2]) Происхожденіе самодержавія, стр. 206

классовое естество и становится внѣклассовымъ бюрократомъ. Бояринъ, попавшій въ бюрократію, уже не бояринъ: онъ „поглощенъ“ ею. Такъ и смотритъ на дѣло, напримѣръ, проф. В. Ключевскій. По его мнѣнію, съ введеніемъ табели о рангахъ старая боярская аристократія была именно поглощена „чиновной дворянской бюрократіей“. Но и дворянство раздѣлило потомъ участь бояръ: въ XIX вѣкѣ „дворянство пристроено было къ чиновничеству, какъ его плодовитѣйшій разсадникъ, и въ половинѣ этого вѣка Россія управлялась не аристократіей и не демократіей, а бюрократіей, т. е. дѣйствовавшей внѣ общества и лишенной всякаго соціальнаго облика кучей физическихъ лицъ разнообразнаго происхожденія, объединенныхъ только чинопроизводствомъ“ [1]).

Слѣдовательно на вопросъ, что такое бюрократія, приходится отвѣчать: это—правящая, стоящая внѣ общества, куча физическихъ лицъ, объединенныхъ только чинопроизводствомъ. Этому опредѣленію въ общемъ соотвѣтствуетъ описаніе „службы“ петровской эпохи, которое находимъ у проф. С. Ѳ. Платонова.

Въ гвардію или армію дворянинъ поступалъ солдатомъ наряду съ людьми нисшихъ классовъ, принятыхъ по рекрутскому набору. Полученіе офицерскаго чина зависѣло отъ личныхъ способностей солдата,—все равно, дворянина или крестьянина. И всякій офицеръ становился дворяниномъ. Такимъ образомъ, въ основаніе службы легла личная выслуга на мѣсто старой родовитости. Впрочемъ, это не было новостью: личная выслуга признавалась и въ XVII вѣкѣ; „Петръ далъ ей только окончательный перевѣсъ“. Ряды дворянства пополнились благодаря этому новыми дворянскими родами. „Измѣнилась, словомъ, организація государственной повинности дворянъ, но существо повинности, военной и административной, осталось прежнимъ. За то прочнѣе стало вознагражденіе за службу. При Петрѣ уже не видимъ раздачи помѣстій служилымъ людямъ: если кому-нибудь дается земля то въ вотчину, то есть въ наслѣдственную собственность. Мало того законодательство Петра превратило и старыя помѣстья въ вотчины, расширивъ право распоряженія ими“ [2]).

Не станемъ здѣсь спорить о томъ, что было повинностью дворянъ и что—ихъ правомъ. Взглянемъ только на послѣдствія „окончательнаго перевѣса“ выслуги надъ родовитостью. Очевиднымъ результатомъ перевѣса,—слѣдуетъ ожидать,—было наполненіе дворянства новыми людьми, исполнительными, покорными, зависимыми только отъ верховной власти. Помѣстья уже не раздаются; земля жалуется въ вотчину только какъ исключеніе. Новообразованное дворянство живетъ только ежемѣсячной получкой денежнаго жалованья. Полу-

---

[1]) Курсъ р. ист. т. III стр. 92 и 7.

[2]) С. Ѳ. Платоновъ. Лекціи по р. ист. изд. 1900 г. стр. 467.

чается куча физическихъ лицъ, объединенныхъ только чинопроизводствомъ, по табели о рангахъ 1722 года. Правящимъ классомъ становится „бюрократія“.

Начало господства бюрократіи въ Россіи и относится обыкновенно къ петровской эпохѣ. Но почему же проф. В. Ключевскій относитъ появленіе „кучи физическихъ лицъ“ только къ срединѣ XIX вѣка? Вѣроятно, онъ имѣетъ къ тому вѣскія основанія.

Послушаемъ поэтому, что говорятъ другіе историки, или хотя бы и тотъ же С. Ѳ. Платоновъ въ другихъ мѣстахъ своихъ лекцій.

Обратимся для начала къ С. М. Соловьеву. Онъ приводитъ указъ 1714 года: „Такъ какъ многіе производятъ сродниковъ своихъ и друзей въ офицеры изъ молодыхъ, которые съ фундамента солдатскаго дѣла не знаютъ, ибо не служили въ низкихъ чинахъ, а нѣкоторые служили только для вида по нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ; поэтому... впредь сказать указъ, чтобы изъ дворянскихъ породъ и иныхъ со стороны отнюдь не писать, которые не служили солдатами въ гвардіи“. Слѣдуетъ-ли изъ всего этого, что выслуга равняла всѣхъ? что „сродники и друзья“ не имѣли преимуществъ? С. М. Соловьевъ объясняетъ: „Дворянинъ имѣлъ право на начальническія мѣста въ войскѣ; но для этого онъ долженъ былъ имѣть, во первыхъ, общее первоначальное образованіе, а потомъ спеціальное военное, знать службу“ [1]). Оказывается, что дворянинъ зачислялся въ солдаты только какъ въ школу, для полученія спеціальнаго военнаго образованія. По полученіи образованія онъ по праву переходилъ въ разрядъ начальствующихъ лицъ. Учрежденіе въ 1731 г. Сухопутнаго Шляхетнаго Корпуса дало возможность части дворянъ, по окончаніи Корпуса, поступать на службу прямо офицерами. Можно сомнѣваться, чтобы на службу крестьянина, взятаго по рекрутскому набору, смотрѣли какъ на школу.

Романовичъ-Славатинскій на минуту соглашается, что „бюрократическое начало табели о рангахъ побивало аристократическое начало, чинъ одолѣлъ породу“. Но тотчасъ и оговаривается, что этотъ перевѣсъ былъ только въ принципѣ: фактически шляхетство большей частью старалось занять и дѣйствительно занимало важнѣйшія должности въ государствѣ, имѣло первые чины, получаемые иногда при самомъ рожденіи. Шляхетство старалось удержать за собою почву, схвативъ чинъ и получивъ должность, надѣляющіе соціальными преимуществами. Но если,—продолжаетъ тотъ же историкъ,—крупный чинъ доставался плебею, шляхетство передъ нимъ раболѣпствовало. Это хорошо извѣстно изъ исторіи Меньшикова, Разумовскаго и другихъ. Фавориты Екатерины II,—„въ началѣ бѣдные дворяне, едва имѣвшіе средства

---

[1]) Ист. Р. съ др. вр. т. XVI гл. III.

содержать себя въ гвардіи, сдѣлались потомъ богатѣйшими помѣщиками, цвѣтомъ нашей аристократіи“ [1]).

Передъ нами уже вырисовываются очертанія „кучи физическихъ лицъ“, очертанія „бюрократіи“ XVIII вѣка: это все тѣ же дворяне-землевладѣльцы. Поэтому и В. Ключевскій имѣлъ полное право охарактеризовать „европеизированную Россію“ XVIII вѣка, какъ Россію „гвардейскихъ казармъ, правительственныхъ канцелярій и барскихъ усадебъ“. При этомъ канцеляріи и казармы вовсе не были обособлены отъ барскихъ усадебъ. Усадьбы проводили въ канцеляріи и казармы „посредствомъ легкой перегонки въ доморощенныхъ школахъ или экзотическихъ пансіонахъ своихъ недорослей, а взамѣнъ ихъ получали оттуда отставныхъ бригадировъ съ мундиромъ“ [2]).

Обращаясь къ эпохѣ послѣ Петра I, вынужденъ признать неразрывную связь между службой и землевладѣніемъ и С. Ѳ. Платоновъ. Послѣ Петра, говоритъ онъ, служебныя обязанности шляхетства были облегчены, и землевладѣльческія права увеличены. При Аннѣ возобновляется раздача государственныхъ земель,—уже въ полную собственность. Дворяне начинаютъ предпочитать „служебной карьерѣ сельско-хозяйственную дѣятельность“. Въ концѣ концовъ С. Ѳ. Платоновъ признаетъ, что послѣ Петра дворянство было „единственной силой въ государствѣ, потому что имѣло военную организацію“. На самомъ дѣлѣ,—замѣтимъ въ скобкахъ,—дворянство имѣло военную организацію именно потому, что было единственной силой въ государствѣ, а не наоборотъ. Но не въ этомъ сейчасъ дѣло, а въ томъ, что никакой кучи физическихъ лицъ, объединенныхъ только чинопроизводствомъ, правящихъ и стоящихъ внѣ общества, въ Россіи XVIII вѣка не было, а правящая бюрократія была. Слѣдовательно, бюрократія представляла собою,—и можетъ представлять вообще,—не только кучу физическихъ лицъ, а опредѣленный (въ данномъ случаѣ землевладѣльческій) классъ. Слѣдовательно, классъ можетъ быть организованъ по бюрократическому типу. Слѣдовательно, наконецъ, когда намъ говорятъ, что такой-то страной въ такое-то время правила или правитъ бюрократія, то это значитъ, что намъ ничего не говорятъ. Ничего о классовыхъ отношеніяхъ, о классовомъ политическомъ господствѣ; а говорятъ только о формѣ организаціи какого-то неизвѣстнаго класса.

Впрочемъ, вѣдь и по В. Ключевскому бюрократія не всегда была въ Россіи кучей физическихъ лицъ: она стала такой кучей только къ серединѣ XIX вѣка. Но стала, надо думать, не послѣ какой то моментальной катастрофы, а въ результатѣ длительнаго процесса,

---

[1]) Дворянство въ Россіи. Стр. 19—20 и 161.

[2]) Курсъ русской исторіи т. III стр. 10.

зародышъ котораго долженъ бы обнаружиться уже въ XVIII вѣкѣ. Каковъ же этотъ процессъ? В. Ключевскій отвѣта не даетъ. Прослѣдимъ поэтому нѣсколько дальше судьбы землевладѣльческой бюрократіи или бюрократическаго землевладѣнія.

Мы слышали признаніе С. Ѳ. Платонова: дворянство было единственной силой въ государствѣ. Оно было землевладѣльческимъ и правящимъ классомъ. Участіе дворянъ въ своей собственной организаціи политическаго господства было обязательнымъ. Это была, конечно, не обязанность землевладѣльцевъ по отношенію къ не существующему внѣклассовому „государству", а обязанность ихъ по отношенію къ самимъ себѣ. Обязательная служба своей организаціи вызывалась, во первыхъ, необходимостью самозащиты отъ захватовъ со стороны землевладѣльцевъ сосѣднихъ странъ (а отчасти, если даже не преимущественно, желаніемъ поживиться на счетъ сосѣднихъ странъ); во-вторыхъ, необходимостью сберечь свою собственность отъ покушеній такъ наз. внутреннихъ враговъ, отъ протеста со стороны крестьянъ, которымъ временами надоѣдало работать на барина.

Съ ростомъ денежнаго хозяйства въ странѣ растетъ дворянская казна. Является возможность содержать постоянное войско изъ наемниковъ или изъ лицъ нисшихъ классовъ. Дворяне оставляютъ въ своихъ рукахъ только командованіе этой, уже не дворянской, арміей. Но затѣмъ, естественно, возникаетъ мысль и о денежной оплатѣ труда землевладѣльцевъ, лично работающихъ ради интересовъ класса въ цѣломъ. Первоначально денежныя выдачи носятъ характеръ временнаго пособія, затѣмъ—характеръ дѣлежа казенныхъ остатковъ. При Петрѣ I провозглашенъ принципъ денежнаго жалованья, но съ пропорціональными вычетами въ случаѣ недостачи денегъ въ казнѣ. Естественно, что стремленіе получать деньги изъ казны остается; и также естественно, что съ ростомъ денежной раздачи исчезаетъ необходимость обязывать дворянъ службой: деньги являются достаточной приманкой. Такимъ образомъ развитіе денежнаго хозяйства, увеличеніе въ странѣ количества денегъ, усиленіе дворянской кассы являлись необходимымъ условіемъ вольности дворянской,—ея первымъ и послѣднимъ условіемъ.

Но параллельно съ ростомъ денежнаго хозяйства,—на извѣстныхъ его ступеняхъ,—растутъ также сила и вліяніе землевладѣльческаго класса: этотъ классъ является монополистомъ главныхъ средствъ производства въ странѣ, по преимуществу земледѣльческой.

Въ XVIII вѣкѣ мы и наблюдаемъ въ Россіи два параллельные процесса: усиленіе землевладѣльческаго класса, увеличеніе его правъ вплоть до полнаго порабощенія крестьянства, и рядомъ—облегченіе землевладѣльческой „службы", вплоть до дворянской вольности. Оба

эти процесса давно отмѣчены русскими историками. Но даваемыя этими историками объясненія могутъ вызвать подчасъ только улыбку, несмотря на всю серьезность и ученость господъ профессоровъ.

Возьмемъ для примѣра С. Ѳ. Платонова.

Гдѣ причина улучшенія въ положеніи землевладѣльцевъ-дворянъ XVIII вѣка? Она заключалась,—отвѣчаетъ почтенный историкъ,—въ той роли, которую стали играть въ столицѣ гвардейскіе полки. „Составляя военную силу, на которую должны были опираться правительства, смѣнявшіяся одно за другимъ, гвардейцы получали награду за вѣрную службу". С. Ѳ. Платоновъ говоритъ о времени до воцаренія Елизаветы. Но мы знаемъ, что награды за вѣрность продолжались и позже. Тутъ возникаетъ вопросъ,—за вѣрность кому: Іоанну Антоновичу, Петру III, Павлу I? „Вѣрность" по отношенію къ Елизаветѣ и Екатеринѣ II представляетъ собою какъ разъ обратное явленіе по отношенію къ ихъ предшественникамъ... Итакъ, гвардія получала награду за вѣрную службу. Но гвардія,—говоритъ историкъ,—была дворянствомъ; поэтому и получаемыя ею награды были въ сущности наградами дворянству; онѣ и давались не гвардіи, а всему шляхетству. Между прочимъ, имп. Анна, „получивъ самодержавіе изъ рукъ простого шляхетства, скоро его отблагодарила".

„Награды за вѣрность", „отблагодарила"... Уважаемый профессоръ очевидно изволитъ шутить. Перейдемъ лучше къ серьезному.

С. Ѳ. Платоновъ указываетъ, что облегченіе дворянской службы при Аннѣ могло послѣдовать лишь при наличности продолжительнаго мира. Правда, первое облегченіе случилось какъ разъ во время войны, но эта война далеко не требовала такого напряженія силъ, какое требовалось для войнъ начала XVIII вѣка. Спорить не приходится: война—моментъ, не особенно удобный даже и для частичной демобилизаціи военныхъ силъ. И если эта демобилизація совершилась, хотя бы и послѣ продолжительнаго мира, но все же какъ разъ во время войны, то тѣмъ болѣе очевидна зависимость дворянской службы отъ условій не столько внѣшнихъ, сколько внутреннихъ.

Притомъ облегченіе дворянской службы было процессомъ хотя и медленнымъ, но почти непрерывнымъ. Случались, правда, колебанія: въ 1736 году дворяне назначили себѣ 25-лѣтній срокъ службы, съ поставкой рекрута при отставкѣ; но оказалось, что половина офицеровъ тотчасъ подала въ отставку; армія слишкомъ обезлюдѣла бы,—и дѣйствіе манифеста 1736 году тотчасъ было пріостановлено. Подобныя колебанія не могли, однако, повліять на общую тенденцію въ сторону отмѣны обязательнаго личнаго участія дворянъ въ своей политической организаціи.

Послушаемъ, что говоритъ другой историкъ о причинахъ, обусловившихъ эту тенденцію. Мы знаемъ, что всѣ вообще историки

любятъ разсматривать дворянство, какъ болѣе или менѣе пассивное орудіе въ рукахъ „государства“, т. е. въ сущности „правительства“, т. е. въ концѣ концовъ— высшаго представителя власти. Съ этой точки зрѣнія смотритъ на дѣло, конечно, и А. Градовскій. Къ несчастью, ему пришлось говорить какъ разъ о времени Елизаветы, пришлось выяснить, что лично эта императрица была въ сторонѣ отъ дѣлъ. Правилъ Сенатъ. И привычная форма мышленія заставляетъ А. Градовскаго увѣрять, будто именно Сенатъ подготовилъ вольность дворянства, будто именно онъ „неуклонно велъ подчиненное ему сословіе (!) къ свободѣ рядомъ практическихъ мѣръ“,—точно Сенатъ стоялъ внѣ дворянскаго сословія. Каковы же эти мѣры или, по крайней мѣрѣ, что этими „мѣрами“ было достигнуто? А. Градовскій объясняетъ: „Въ числѣ мотивовъ этого прекраснаго указа (о вольности дворянства) выставляется именно то обстоятельство, что дворянство доказало свою готовность служить отечеству, такъ что уже нѣтъ болѣе необходимости закрѣпощать его на службу строгими законами, какъ это принужденъ былъ дѣлать Петръ I“ [1]).

А. Градовскій не шутитъ: онъ принимаетъ за серьезную рѣчь „протяженный и пухлый стиль“ [2]) манифеста 1762 года. Мы предлагаемъ читателю познакомиться съ дальнѣйшими красотами краснорѣчиваго манифеста. „Мы съ удовольствіемъ Нашимъ видимъ,—говорится тамъ отъ имени имп. Петра III,—и всякій истинный сынъ отечества признать долженъ, что послѣдовали отъ того неисчислимыя пользы, истреблена грубость въ нерадивыхъ о пользѣ общей... благородныя мысли вкоренили въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ Россіи патріотовъ *безпредѣльную къ Намъ вѣрность и любовь*, великое усердіе и отмѣнную къ службѣ нашей ревность, и потому и не находимъ мы той необходимости въ принужденіи къ службѣ, какая до сего времени потребна была“ [3]).

Извѣстно, что безпредѣльной любви и вѣрности къ Петру III хватило меньше чѣмъ на пять мѣсяцевъ [4]). Въ великое усердіе и отмѣнную ревность не вѣрили, очевидно, и сами составители манифеста. Будучи менѣе легковѣрными, чѣмъ проф. А. Градовскій, они позаботились о томъ, чтобы подогрѣть ревность и усердіе. Чѣмъ? Прежде всего—заклинаніями, а затѣмъ—и ограниченіемъ правъ дворянъ не служащихъ: „Тѣ, кои никакой и нигдѣ службы не имѣли,—тѣхъ Мы, яко суще нерадивыхъ о добрѣ общемъ, презирать и уничтожать всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ и истиннымъ сынамъ отече-

---

[1]) Высшая администрація въ Р. стр. 199.
[2]) Краснорѣчіе—по опредѣленію людей XVIII в.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 11444 отъ 18 февр. 1762 г.
[4]) Со дня опубликованія манифеста о вольности.

ства повелѣваемъ, и ниже ко двору нашему пріѣздъ, или въ публичныхъ собраніяхъ и торжествахъ терпимы будутъ".

Но пріѣздъ ко двору и участіе въ торжествахъ, видно, не очень цѣнились провинціальнымъ дворянствомъ. Важнѣе то, что съ освобожденіемъ отъ обязательной службы дворяне, служить не обязанные, но до офицерскаго чина не дослужившіеся, лишены были права голоса въ дворянскихъ собраніяхъ и права служить по выборамъ. Составители манифеста забыли или не захотѣли пообѣщать самаго главнаго: увеличенія денежныхъ выдачъ изъ общедворянской кассы тѣмъ дворянамъ, которые останутся работать въ общедворянской организаціи. Этотъ пробѣлъ былъ, конечно, тотчасъ замѣченъ: въ томъ же 1762 году Сенатъ поднялъ вопросъ о выдачѣ полныхъ окладовъ жалованья и объ уравненіи штатовъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Въ 1763 году рѣшено было увеличить жалованье чиновникамъ на полтора милліона рублей. Чтобы добыть эту сумму, увеличили вдвое цѣну на гербовую бумагу, обложили усиленной пошлиной вино, медъ, пиво, повысили сборъ съ гостинницъ, векселей, челобитенъ, фабричныхъ становъ, заводскихъ домовъ, патентовъ, дипломовъ, вѣнечныхъ памятей, мельницъ, учредили казенную монополію на продажу клея. Въ слѣдующемъ (1764) году введены пенсіи за 35 лѣтъ службы или, въ случаѣ болѣзни, и за меньшій срокъ.

Увеличеніе штатовъ и введеніе пенсій мотивировались, между прочимъ, желаніемъ прекратить или уменьшить воровство и взяточничество дворянъ, оставшихся на службѣ. Эта негласная статья дворянскихъ доходовъ существовала всегда. Но при слабомъ развитіи денежнаго оборота въ странѣ она была не такъ выгодна и болѣе опасна. Крупныя взятки и воровство приходилось совершать въ натуральной формѣ. Такъ, о времени Анны Іоанновны С. М. Соловьевъ разсказываетъ, что тогда для полученія, напримѣръ, годового отпуска дворянинъ давалъ взятку секретарю—12 душъ крестьянъ; а чтобы выиграть процессъ о 900 душахъ, нужна была взятка въ 50 душъ съ землею. Души, какъ ходячая монета, для взяточничества неудобны: трудно избѣжать огласки. Однако, взяточничество и казнокрадство процвѣтали. С. М. Соловьевъ передаетъ анекдотъ изъ петровской эпохи,—правда, безъ ручательства за полную точность разсказа, но съ указаніемъ, что разсказъ все же остается важнымъ, какъ выраженіе сознанія современниковъ „о величинѣ зла". Однажды въ Сенатѣ Петръ, слушая дѣло о казнокрадствѣ, предложилъ издать указъ: если кто и настолько украдетъ, что можно купить веревку, то будетъ повѣшенъ. Генералъ-прокуроръ Ягужинскій возразилъ: „Неужели вы хотите остаться императоромъ безъ служителей и подданныхъ? Мы всѣ воруемъ, съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ больше и примѣтнѣе, чѣмъ другой". Конечно, Петру только и оставалось, что уступить.

Чѣмъ сильнѣе развивалось денежное хозяйство, тѣмъ болѣе росли дѣловыя сношенія между разными лицами, тѣмъ чаще приходилось населенію имѣть дѣло съ представителями власти, тѣмъ крупнѣе становились доходы служащаго дворянства отъ воровства, взяточничества, вымогательства и т. д. Если же къ этому прибавить увеличенное съ 1763 года денежное жалованье и пенсію, то станетъ понятнымъ увеличенный интересъ дворянъ къ государственной службѣ. Вполнѣ понятнымъ становится и слѣдующее явленіе: до манифеста о вольности дворянство тяготится службой, старается уклониться отъ нея, бѣжитъ въ деревню; а послѣ манифеста, наоборотъ, тоже дворянство тянется изъ деревни въ городъ, на государственную службу. А. Романовичъ-Славатинскій довольно наивно объясняетъ это кажущееся противорѣчіе въ стремленіяхъ дворянъ: „чинъ,—говоритъ онъ,—продолжалъ быть честнѣе сословія, а чинъ давался главнымъ образомъ государственной службой".

Какъ бы тамъ ни было съ мотивами, но остается тотъ фактъ, что и послѣ манифеста о вольности наша бюрократія продолжаетъ быть дворянско-землевладѣльческой, а дворянско-землевладѣльческій классъ по прежнему сохраняетъ организацію преимущественно бюрократическаго типа. Въ Россіи,—свидѣтельствуетъ А. Романовичъ-Славатинскій,—рѣдко можно было встрѣтить дворянина, который бы не служилъ. Въ началѣ царствованія Екатерины II богачи еще жили въ своихъ помѣстьяхъ; къ концу царствованія они постепенно переселяются въ столицу. Екатерина II въ своемъ Наказѣ жаловалась на отсутствіе помѣщиковъ изъ деревень, на развитіе системы оброчнаго управленія имѣніями.

Баронъ С. А. Корфъ указываетъ, что послѣ манифеста о вольности дворянство сразу же стало заявлять о своихъ притязаніяхъ къ государственной службѣ, о своемъ *правѣ* на нее. Объ этомъ,—говоритъ онъ,—свидѣтельствуютъ всѣ современники начала царствованія Екатерины II, всѣ дворянскіе наказы; объ этомъ же заявляютъ депутаты Комиссіи для сочиненія новаго уложенія; это же стремленіе составляетъ центральный пунктъ преній и возраженій при обсужденіи проекта правамъ благородныхъ [1]). Дворянское сословіе, въ цѣломъ своемъ составѣ, желаетъ закрѣпить и въ сущности закрѣпляетъ за собою исключительное право на такъ наз. государственную службу. Оно не желаетъ, считаетъ излишней только юридическую обязательность участія въ дворянско-государственной организаціи для каждаго отдѣльнаго своего члена.

Государственная организація была и осталась дворянско-земле-

---

[1]) Бар. С. А. Корфъ. Дворянство и его сословное управленіе. Спб. 1906 стр. 95—96.

владѣльческой организаціей. Поэтому никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ историковъ, будто до манифеста о вольности среди дворянъ не было никакого сословнаго единенія, никакихъ корпоративныхъ интересовъ. Этимъ единеніемъ и было именно единеніе въ дворянско-государственной организаціи. Во второмъ корпоративномъ единеніи дворянство, конечно, не нуждалось. То, что обыкновенно принимаютъ за начало дворянской сословной организаціи, на самомъ дѣлѣ было только частичной реорганизаціей дворянства, частичнымъ введеніемъ выборнаго начала въ іерархически-бюрократическую организацію класса. Получилась классовая организація смѣшаннаго типа, частью бюрократическаго, частью выборнаго (такъ наз. самоуправленіе). Съ 1775 года дворяне каждаго уѣзда съѣзжаются разъ въ три года для выбора предводителя, капитанъ-исправника и засѣдателей въ различныя учрежденія. И полиція, и администрація уѣзда находились въ рукахъ дворянъ-землевладѣльцевъ. „По своему сословному положенію,—говоритъ С. Ѳ. Платоновъ,—дворяне становились съ 1775 года не только землевладѣльцами уѣзда, но и его администраторами". Въ учрежденіяхъ, организованныхъ по бюрократическому типу, „громадное большинство чиновниковъ принадлежало къ дворянству; поэтому можно сказать, что не только уѣздное, но и губернское управленіе вообще сосредоточились въ дворянскихъ рукахъ". Дворянство же изъ своихъ рядовъ поставляло людей и въ центральныя учрежденія. Такимъ образомъ „вся Россія, отъ высшихъ до нисшихъ ступеней управленія (кромѣ развѣ городовыхъ магистратовъ) стала управляться дворянствомъ",—какъ, впрочемъ, управлялась и раньше. „Вверху они (дворяне) дѣйствовали въ видѣ бюрократіи, внизу въ качествѣ самоуправляющихся дворянскихъ обществъ".

Являясь организаціей одного класса, дополняя другъ друга, учрежденія бюрократическія и учрежденія выборныя составляли единое цѣлое, единую государственную или правительственную организацію. Никакой борьбы политической между „бюрократіей" и „обществомъ" не возникало и не могло возникнуть. Если и случались разногласія или конфликты, то они не выходили изъ предѣла неизбѣжныхъ пререканій, возникающихъ внутри всякой организаціи. Выборныя учрежденія не отличались отъ бюрократическихъ не только по своему классовому существу, но и по внѣшней юридической формѣ. Выборная служба была службой государственной, „чисто-правительственной". Дальнѣйшее ея развитіе не измѣнило положенія дѣлъ,—и вплоть до половины XIX вѣка не могло создаться дворянскаго самоуправленія, отдѣленнаго отъ государственной службы [1]).

Введеніе выборныхъ дворянско-государственныхъ учрежденій под-

[1]) См. у бар. С. А. Корфа „Дворянство" и т. д. стр. 110.

черкнуло классовый, а не просто сословный характеръ дворянства. Древность рода не имѣла значенія; важно было только землевладѣніе. Для участія въ дворянскихъ выборахъ было необходимо обладаніе землей. По жалованной грамотѣ 1785 года только дворянинъ, имѣющій доходъ съ имѣнія въ размѣрѣ не менѣе 100 рублей въ годъ, получалъ право участвовать въ выборахъ. Сто рублей для того времени, при тогдашней стоимости денегъ, были суммой довольно значительной. Но и обладателямъ такого дохода было поставлено препятствіе: при внесеніи въ родословную дворянскую книгу взимался сборъ въ дворянскую казну въ размѣрѣ до 200 рублей. Внести такой единовременный налогъ, равный двухгодовому доходу, дворянинъ съ доходомъ въ 100 рублей конечно не могъ,—мелкопомѣстные дворяне были лишены возможности попасть въ родословную книгу; между тѣмъ только внесеніе въ эту книгу давало право участія въ дворянскомъ собраніи.

Интересенъ протестъ кн. Щербатова противъ имущественнаго ценза. „Содрогается духъ мой,—писалъ онъ,—читавъ сію статью, чтобъ дворянина, имѣющаго меньше 100 рублевъ доходу съ деревень своихъ, въ должности, зависящія отъ выбора дворянства, не выбирать, якобы благородность и честность отъ доходу зависѣли, и тотъ бы благороднѣе былъ, кто есть богатѣе“. Конечно, протестъ кн. Щербатова былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: политическое господство въ Россіи, какъ всегда и вездѣ, находилось въ рукахъ экономически-господствующаго класса. А классовая этика собственниковъ признаетъ „благородность и честность“ только за людьми, владѣющими собственностью, пропорціонально размѣру владѣнія или дохода. И вводя цензъ, жалованная грамота 1785 года только юридически оформила фактически существовавшія отношенія. Грамота,—говоритъ С. А. Корфъ,—не внесла въ жизнь ничего новаго; правительство, издавая этотъ документъ, только шло навстрѣчу естественному ходу вещей.

Главнымъ представителемъ дворянскаго „общества“ въ уѣздѣ былъ предводитель дворянства. Кому же, какъ не ему, было вступать въ конфликты съ бюрократіей,—если бы бюрократія представляла собою нѣчто отдѣльное отъ дворянства? На самомъ дѣлѣ, по опредѣленію Трощинскаго, „дворянскіе предводители ничто другое есть, какъ только представители служащихъ или вышедшихъ изъ службы чиновниковъ“. И поборникъ дворянской идеи, бар. С. А. Корфъ замѣчаетъ по поводу этихъ словъ: „Старый дѣятель екатерининскихъ временъ, Трощинскій хорошо зналъ Россію, хорошо понималъ, что дворянство исторически отождествлено было съ чиновничествомъ и составляло съ нимъ одно цѣлое“.

Въ 1786 году былъ поднятъ вопросъ: можетъ ли предводитель

---

[1]) Тамъ же, стр. 351.

дворянства занимать административную должность? Совмѣстительство было разрѣшено. „Это явленіе,—констатируетъ бар. С. А. Корфъ,—никогда впослѣдствіи не исчезало изъ нашего государственнаго строя; совмѣстительство практиковалось и практикуется и понынѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ“ (стр. 186—187). Кромѣ возможности совмѣстительства, самый законъ возлагалъ на предводителей дворянства многія административныя обязанности. Въ срединѣ XIX вѣка предводители участвовали, по своей должности, въ слѣдующихъ административныхъ учрежденіяхъ: въ приказѣ общественнаго призрѣнія, въ комитетѣ о земскихъ повинностяхъ, въ попечительствѣ о тюрьмахъ, въ комитетахъ статистическомъ, мануфактурномъ и оспенномъ, въ комитетѣ о коннозаводствѣ, въ комиссіяхъ дорожной, строительной и продовольственной, въ окружномъ правленіи путей сообщенія, въ присутствіяхъ рекрутскомъ и для освидѣтельствованія умалишенныхъ, въ попечительствахъ о дѣтскихъ пріютахъ и о губернскихъ гимназіяхъ и т. д.

Если предводитель дворянства былъ представителемъ служащихъ и отставныхъ чиновниковъ и по своей должности былъ въ концѣ концовъ выборнымъ чиновникомъ, то конечно и дворянскія собранія были собраніями чиновниковъ и созывались главнымъ образомъ для выбора чиновниковъ же. Съ теченіемъ времени эта роль дворянскихъ собраній не ослабѣвала, а скорѣе усиливалась. По закону 1831 года дворянами избирались предсѣдатели палатъ уголовнаго и гражданскаго суда, совѣстные судьи, засѣдатели палатъ и совѣстнаго суда, уѣздные судьи и засѣдатели уѣздныхъ судовъ, земскіе исправники и засѣдатели земскихъ судовъ, попечители гимназій и хлѣбныхъ магазиновъ, непремѣнные члены продовольственной комиссіи и т. д.; ими же составлялись и представлялись губернатору списки кандидатовъ въ становые пристава. Выборная служба отождествлялась по закону съ службой правительственной. Почти единственнымъ дѣломъ дворянскихъ собраній было избраніе чиновниковъ на разныя должности.

Конечно, не только выборныя, но и такъ называемыя бюрократическія должности были заняты дворянами. Поборникъ дворянской сословности бар. С. А. Корфъ видитъ „корень вреда“ отъ роста „бюрократіи“ въ томъ, что „бюрократія такъ легко и совершенно поглотила дворянское сословіе“. При имп. Николаѣ I дворянство „все больше сливалось и отождествлялось съ бюрократіей“ [1]).

Отождествленіе землевладѣльческаго дворянства съ бюрократіей происходило не только путемъ поглощенія дворянства бюрократіей, но и путемъ поглощенія бюрократіи дворянствомъ. По мѣрѣ роста госу-

[1]) Тамъ же, стр. 448 и 451.

дарственной организаціи, вызываемаго развитіемъ денежнаго хозяйства, все сильнѣе чувствуется „недостатокъ въ людяхъ“,—недостатокъ дворянъ для замѣщенія какъ выборныхъ, такъ и бюрократическихъ должностей. Приходится приглашать, хотя бы на нисшія должности, въ качествѣ рабочихъ рукъ, выходцевъ изъ другихъ классовъ. Эти выходцы часто оказывались настолько полезными для дворянства, что получали движеніе по службѣ, занимали должности болѣе важныя. Дворянство награждало ихъ чинами, а чины дѣлали человѣка дворяниномъ. Происходило самопополненіе сословія. Но кромѣ чина, должность давала и доходы, — безгрѣшные и грѣшные. Нужно было найти наиболѣе удобную форму сбереженія излишковъ. Въ странѣ, по преимуществу земледѣльческой, наилучшей формой помѣщенія капиталовъ была покупка земли съ крѣпостными душами. Кромѣ интереса чисто денежнаго, тутъ имѣлъ значеніе и вопросъ чести: новоиспеченному дворянину естественно хотѣлось ни въ чемъ не отличаться, не быть ниже старыхъ дворянъ: для этого нужно было только стать владѣльцемъ крѣпостныхъ душъ. Самопополненіе сословія превращалось въ самопополненіе класса

Если же новоиспеченные дворяне почему либо не успѣвали сами стать землевладѣльцами, то на помощь спѣшила общедворянская организація. Извѣстна массовая раздача населенныхъ имѣній въ XVIII вѣкѣ, извѣстенъ фактъ закрѣпощенія Малороссіи. Въ XIX вѣкѣ надѣленіе „бюрократовъ“ землею продолжалось. При Павлѣ I начальство представляло подчиненныхъ къ ежегоднымъ наградамъ землею и крестьянами.

На одну только генэралъ-прокурорскую канцелярію было однажды предоставлено въ видѣ награды 5000 душъ крестьянъ для распредѣленія между отдѣльными чиновниками.

Въ 1800 году разнымъ чиновникамъ въ одной только Саратовской губерніи было роздано 213,000 десятинъ земли. Въ 1803 году введена была раздача ненаселенныхъ имѣній въ Новороссіи: штабъ-офицерамъ по 1,000 десятинъ и оберъ-офицерамъ по 500 десятинъ. Послѣ этого раздача земель производилась въ теченіе всего XIX вѣка въ обширныхъ размѣрахъ [1]).

„Бюрократы“, обзаведшіеся населенными или не населенными имѣніями, становились членами землевладѣльческаго класса; ихъ интересы,—а слѣдовательно и ихъ психологія,—сливались съ интересами и психологіей стараго землевладѣльческаго дворянства. При этомъ черезъ всю исторію сословія проходитъ тенденція господства класса, а не сословія. Мы видѣли, что въ XVIII вѣкѣ существовалъ довольно высокій цензъ для права участія въ дворянскихъ выборахъ,

---

[1]) См. у Ром. Славатинскаго „Дворянство въ Россіи“, стр. 163—169.

т. е. въ выборахъ чиновниковъ. Въ XIX вѣкѣ цензъ повышается: по закону 1831 года для права голоса въ дворянскихъ собраніяхъ нужно имѣть не менѣе 100 душъ крестьянъ или 3,000 десятинъ земли, или, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, домъ или садъ, приносящій доходу не менѣе 2,000 р. въ годъ.

При нормальномъ порядкѣ въ XIX вѣкѣ, какъ и въ XVIII, бюрократія была дворянствомъ, а дворянство бюрократіей. Это былъ экономически,—а слѣдовательно и политически,—господствующій землевладѣльческій классъ. Опасенія XVIII вѣка, что съ отмѣной обязательнаго участія въ дворянской организаціи эта организація опустѣетъ, не оправдались. Въ экстренныхъ случаяхъ, когда требовалось особое напряженіе, дворянство сохраняло свое политически-господствующее положеніе. И это понятно. Еще составители жалованной грамоты дворянству высказывали убѣжденіе, что „существенное состояніе россійскаго дворянства зависимо есть отъ безопасности отечества и престола“, и что въ экстренныхъ случаяхъ „всякій благородный дворянинъ обязанъ по первому призыву не щадить ни труда, ни самаго живота для службы государства“. Именно дворяне должны были, не щадя труда, занимать мѣста командировъ въ случаѣ нашествія непріятеля. Передача воинскаго командованія въ руки другого класса—это для класса господствующаго составляетъ политическую невозможность, политическое самоубійство. У насъ въ XIX вѣкѣ нѣсколько разъ созывалось земское ополченіе. Манифестомъ 30 ноября 1806 г. о созывѣ повсемѣстнаго ополченія, по случаю войны съ Франціей, составъ командующихъ былъ предоставленъ выбору дворянства. Тоже повторилось при созывѣ земскихъ ополченій 1812 и 1855 годовъ.

Экономически-господствующій классъ землевладѣльцевъ-дворянъ былъ политически организованъ преимущественно по іерархическому или, если угодно, бюрократическому типу. Никакой бюрократіи внѣ помѣстнаго дворянства не существовало; не существовало также и землевладѣльческаго класса внѣ бюрократіи. Короткое время, въ первой четверти XIX вѣка, въ дворянствѣ,—собственно, въ очень небольшой его части,—замѣчается склонность выйти изъ бюрократической организаціи своего класса. То было явленіе временное. Господствующій классъ еще не настолько поднялся экономически, чтобы бить только рублемъ. Приходилось бить и дубьемъ и быть насторожѣ противъ угнетенныхъ крестьянъ, находиться постоянно въ болѣе или менѣе мобилизованномъ состояніи. Такому состоянію наиболѣе соотвѣтствовалъ типъ организаціи по военному образцу,—централистическій, іерархическій типъ. Бюрократическая организація—сколокъ съ организаціи военной. Поэтому вольность дворянства, провозглашенная юридически, такъ спѣшила найти себѣ противовѣсъ въ повышеніи денежныхъ окладовъ жалованья и опровергалась практикой. Только

съ переходомъ въ XIX вѣкъ не служащій дворянинъ перестаетъ быть рѣдкостью.

Но потрясеніе 1825 года вновь заставляетъ мобилизовать дворянскія силы. Каждый отдѣльный дворянинъ долженъ былъ отдаться „въ крѣпость", чтобы не попасть въ крѣпость,—каламбурилъ другъ Пушкина кн. Вяземскій, литераторъ-цензоръ, либералъ-доносчикъ. Въ это время „каждый дворянинъ долженъ былъ служить; на молодого дворянина, окончившаго курсъ наукъ и не поступающаго на службу, смотрѣли косо, какъ на лицо, не исполняющее своихъ обязанностей; подобнаго рода поведеніе считалось дворянскимъ обществомъ за проявленіе „плохого вкуса", за неприличіе [1]).

Это теченіе въ сторону обязательности службы, для перваго момента, находитъ себѣ объясненіе въ желаніи поставить дворянскихъ вольнодумцевъ въ положеніе, гарантирующее наилучшій надзоръ за ними послѣ 1825 года. Но имѣлся несомнѣнно и другой мотивъ, болѣе постоянный: желаніе сохранить цѣлостность и чистоту классовой политической (государственной) организаціи. Развитіе денежнаго хозяйства увеличивало значеніе центральной власти, усложняло ея органы и расширяло ея количественный составъ. Классу землевладѣльческому необходимо было удержать руководящую роль въ усложняющейся организаціи. Это стремленіе проявляется и въ повышеніи дворянскаго ценза, и въ затрудненіи пріобрѣтенія дворянскаго званія путемъ выслуги.

Вплоть до 1861 года наша государственная организація оставалась организаціей землевладѣльцевъ. Это было ясно уже современникамъ. Н. Огаревъ писалъ въ 1860 году о правительствѣ, какъ о „кастѣ дворянско-чиновничьей, которая хотя и впускала въ свою среду людей изъ нисшихъ сословій, но уже не выпускала ихъ изъ своей среды ни въ мѣщанство, ни въ мужичество, ни въ городское, ни въ сельское крестьянство; управляющее сословіе составило одну касту чиновничества, подраздѣлившись на крупное чиновничество, владѣющее рабами-крестьянами, и нисшее чиновничество, мелкопомѣстное или вовсе безпомѣстное [2])".

Говорить о безпомѣстномъ нисшемъ чиновничествѣ, какъ о членахъ правительственной или государственной организаціи, не приходится. Это были рабочія руки. Переставая быть рабочими руками, получивши видную должность, чиновникъ, даже не дворянинъ, получалъ дворянство и умѣлъ стать землевладѣльцемъ.

Изъ помѣстнаго дворянства внѣ службы находились только слабоумные, одряхлѣвшіе, алкоголики, калѣки и т. п. Особое мѣсто

---

[1]) Бар. С. А. Корфъ. Дворянство стр. 457.

[2]) Колоколъ 1 авг. 1860 г. „Письма къ соотечественнику".

занимали женщины-помѣщицы. Характерно, что беллетристика, успѣвшая всесторонне изобразить помѣщичій бытъ, представляетъ наиболѣе дѣятельными хозяевами не помѣщиковъ, а помѣщицъ. Женщины же проявили наибольшее озлобленіе противъ реформы 19 февраля 1861 г. Россія представляла „небывалое (?) зрѣлище государства, въ которомъ все, признанное человѣкомъ, состоитъ сплошь изъ чиновниковъ, военныхъ или гражданскихъ [1])". „Въ Россіи не служить значитъ не родиться; оставить службу—значитъ умереть",—записываетъ подъ 1861 годомъ въ свой дневникъ А. В. Никитенко [2])—бывшій крѣпостной крестьянинъ, профессоръ, цензоръ, академикъ, крупный чиновникъ, успѣвшій стать и землевладѣльцемъ.

Однажды дворянинъ-крѣпостникъ Ржевскій печатно назвалъ М. Е. Салтыкова бюрократомъ. Салтыковъ отвѣчалъ: „Извѣстно мнѣ, что въ глазахъ Собакевичей и Маниловыхъ это ужасно ругательное слово, все равно, что моветонъ въ глазахъ Земляники и Ляпкина-Тяпкина. Слушать, какъ разсуждаютъ эти господа о централизаціи и бюрократіи, бываетъ поистинѣ уморительно. Одинъ доказываетъ, что децентрализація заключается въ учрежденіи сатрапій; другой мнитъ, что децентрализація въ томъ состоитъ, чтобы водку во всякое время пить. Что такое бюрократъ?—спрашиваетъ Мижуевъ.—А вотъ, братъ—объясняетъ Ноздревъ,—хочу я, напримѣръ, теперь водки выпить—анъ тутъ бюрократъ: стой, говоритъ, водку велѣно пить въ двѣнадцать часовъ, а не теперь... Меня однако-жь это слово отнюдь не пугаетъ; во-первыхъ, оно выражаетъ собою принципъ, котораго участіе въ жизненныхъ отправленіяхъ государства столь же необходимо, какъ и участіе земства; а во-вторыхъ, я сомнѣваюсь, чтобы даже наиученѣйшіе изъ Ноздревыхъ могли удовлетворительно объяснить, какое отношеніе имѣетъ понятіе о бюрократіи собственно къ русской почвѣ. Гдѣ взяли, откуда вывели эти господа русскую бюрократію, отдѣльную отъ русскаго дворянства,—*это тайна, разгадки которой слѣдуетъ искать въ трущобахъ сердецъ ноздревскихъ*. Быть можетъ, ихъ сбило съ толку подъячество; но оно представляетъ собою не бюрократію, а скорѣе пародію на адвокатуру, и стоитъ въ самомъ чиновничествѣ (дворянство тожъ) такимъ особнякомъ, что служитъ для него предметомъ постоянныхъ потѣхъ и насмѣшекъ. Называя меня бюрократомъ, г. Ржевскій очевидно не сознавалъ, что употребляетъ выраженіе, которому въ русской жизни нѣтъ соотвѣтствующаго понятія [3])".

---

[1]) А. Герценъ. Колоколъ 1 іюня 1860 г. № 72.

[2]) Т. II стр. 9.

[3]) Написано около 1861 г. До этого года въ русскомъ „обществѣ" дважды открывался походъ противъ бюрократіи. Первый разъ при Сперанскомъ, когда были приняты мѣры къ повышенію уровня образованія дворянъ-чиновниковъ (требованіе экзамена для полученія чина); второй разъ—непосредственно пе-

Гоголь, обозрѣвая въ „Мертвыхъ Душахъ“ помѣстную Россію, живущую при своихъ имѣніяхъ, не нашелъ никого, кромѣ персонажей, которые стали извѣстны подъ именемъ гоголевскихъ типовъ. Характерно, что и въ представленіи позднѣйшихъ писателей помѣстная (не служащая) дореформенная Россія фигурируетъ только въ типахъ, близкихъ къ гоголевскимъ [1]). Мы только что видѣли, что въ этихъ типахъ олицетворяетъ Салтыковъ противниковъ „бюрократіи“ эпохи реформъ.

Точно такъ же А. Герценъ, при вѣсти о рѣшеніи Александра II дать ходъ реформѣ, представляетъ себѣ защитниковъ крѣпостного права не въ видѣ молодыхъ и образованныхъ помѣщиковъ и помѣщицъ, а въ видѣ типовъ, достаточно извѣстныхъ въ литературѣ. Онъ хотѣлъ бы, чтобы эти типы появились на свѣтъ Божій. „Лишь бы теперь,—говоритъ онъ,— нашимъ плантаторамъ и ихъ противникамъ позволено было вполнѣ высказаться, помѣряться... И тутъ, какъ во всемъ, поневолѣ бьется въ другое великое искомое современной Россіи, въ гласность. Гласность ихъ казнитъ, прежде нежели дойдетъ дѣло до правительственнаго бича или до крестьянскаго топора. Посмотрѣли бы мы, право, au grand jour на этихъ защитниковъ розогъ и крещенной собственности, забрызганныхъ кровью жертвъ, на этихъ грабителей по дворянской грамотѣ, на этихъ людокрадовъ, отнимающихъ у матерей дѣтей, торгашей, продающихъ дѣвокъ, барышниковъ рекрутами. Выходите же на арену, дайте на васъ посмотрѣть, родные волки великороссійскіе, можетъ, вы поумнѣли со временъ Пугачева, какая у васъ шерсть, есть у васъ зубы, уши?.. Выходите же изъ вашихъ тамбовскихъ и всяческихъ берлогъ, Собакевичи и Ноздревы, Плюшкины и пуще всего Пѣночкины, попробуйте не розгой, а перомъ, не въ конюшнѣ, а на бѣломъ свѣтѣ высказаться!“ [2]).

Конечно, въ дѣлѣ реформы А. Герценъ возлагалъ свои надежды не на Пѣночкиныхъ и Ноздревыхъ, а на то, что теперь принято называть „обществомъ“, внѣ котораго стояла „бюрократія“,—эта куча физическихъ лицъ. Изъ кого же состояло это общество? Характерный

редъ 1861 годомъ, когда „бюрократія“ приступила къ подготовкѣ ликвидаціи крѣпостного права. Оба раза лозунгъ борьбы противъ бюрократіи былъ лозунгомъ наиболѣе отсталой, крѣпостнической части дворянства. Послѣ 1861 г. этотъ лозунгъ подхватывается демократіей, что не мѣшаетъ ему оставаться обноскомъ съ господскаго плеча.

[1]) Относительно же И. С. Тургенева можно повѣрить ироническому замѣчанію Салтыкова, что это „правдивѣйшій и художественнѣйшій описатель нашихъ бывшихъ дворянскихъ гнѣздъ, у котораго на каждаго помѣщика (молодого и образованнаго) непремѣнно приходилась соотвѣтствующая помѣщица“. (Уб. Монрепо гл. I).

[2]) Ст. „Черезъ три года“. Колоколъ, 18 февраля 1858 г. № 9.

отвѣтъ находимъ у того же Герцена. 15 марта 1860 года въ траурной рамкѣ на первой страницѣ Колокола встрѣчаемъ сообщеніе о томъ, что предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій назначенъ гр. Панинъ, „глава самой дикой, самой тупой реакціи". „Тонъ царствованія измѣнился,—говоритъ Герценъ,—съ нимъ должны измѣниться и всѣ отношенія". Въ чемъ же должна выразиться перемѣна въ отношеніи „общества" къ „правительству"? Чѣмъ протестовать? Герценъ призываетъ общество: „Оставимъ правительство правительствовать и будемъ заниматься своимъ дѣломъ. Для этого *пойдемте въ отставку, хозяйство разстроено*, дѣтей надобно воспитывать, дѣлать ихъ ручными изъ баричей!" [1]).

„Пойдемте въ отставку, хозяйство разстроено!" Въ лицѣ „общества" мы наталкиваемся все на то же двуединое существо, на бюрократа-помѣщика...

Съ эпохи Петра I у насъ считаютъ начало абсолютизма, дѣйствующаго черезъ бюрократію, стоящую будто бы внѣ общества, черезъ кучу физическихъ лицъ, лишенную соціальнаго облика. Мы видѣли, что никакой такой кучи не оказывается ни въ XVIII, ни въ XIX вѣкѣ, какъ не оказывается и никакого абсолютизма, стоящаго будто бы внѣ классовъ, закрѣпощающаго и угнетающаго *всѣ* классы. Правящимъ классомъ являлось землевладѣльческое дворянство [2]); не было никакой политической или соціальной силы, стоящей надъ дворянствомъ, какъ не было и конкуррирующей съ дворянствомъ силы. Внѣ дворянства стояли только подчиненные, подвластные ему классы.

Наши историки, конечно, думаютъ иначе. По мнѣнію В. Ключевскаго, дворянство XVIII вѣка только „пытается" править „обществомъ" посредствомъ „правительства". Гдѣ нашелъ почтенный историкъ внѣдворянское общество и внѣдворянское правительство въ XVIII вѣкѣ, это—его секретъ. Секретничаетъ и ученикъ В. Ключевскаго М. Богословскій, вторя учителю: „Въ центрѣ оно (дворянство) желало править государствомъ, руководя верховною властью. Это стремленіе не осуществилось, или осуществилось не въ той степени, въ какой хотѣло дворянство, такъ какъ оно неизбѣжно должно было столкнуться съ

---

[1]) Колоколъ, 1 іюня 1860 г. № 72.

[2]) Къ срединѣ XIX вѣка получили большее, чѣмъ прежде, относительное значеніе новые виды собственности: городская недвижимость, денежный капиталъ и т. п. Претерпѣвало соотвѣтственную экономическую эволюцію и дворянско-бюрократическое сословіе. Но отсюда было еще очень далеко до „кучи физическихъ лицъ": преобладающимъ, по своему экономическому значенію, видомъ собственности оставалось землевладѣніе, господствующимъ интересомъ оставался интересъ землевладѣльческій, и политическое господство,— руководящее участіе въ „бюрократіи",— было въ рукахъ землевладѣльцевъ.

сопротивленіемъ другихъ классовъ, въ которыхъ верховная власть находила опору“ [1]).

Въ чемъ заключалась сила верховной власти, помимо дворянства? На какіе именно классы она „опиралась“ для борьбы съ дворянствомъ? Въ какой мѣрѣ желанія дворянства не осуществились? Отвѣтъ на эти вопросы—секретъ М. Богословскаго.

Будемъ скромны: не станемъ раскрывать чужіе секреты, рыться въ душѣ В. Ключевскаго и М. Богословскаго. Будемъ довольствоваться отвѣтомъ на поставленные вопросы, который находимъ, напримѣръ, относительно времени вступленія на престолъ императрицы Анны Іоанновны, у проф. С. Ѳ. Платонова. Этотъ отвѣтъ мы уже знаемъ: „шляхетство... было единственной силой въ государствѣ, потому что имѣло военную организацію“ [2]). Не имѣя основаній сомнѣваться въ справедливости утвержденія проф. С. Ѳ. Платонова, мы можемъ, хотя бы объ извѣстномъ моментѣ въ исторіи XVIII вѣка, сами дать отвѣты на поставленные выше вопросы.

Если шляхетство (дворянство) было единственной силой въ государствѣ, то:

Въ чемъ заключалась сила абсолютизма, помимо дворянства? Ни въ чемъ.

На какіе классы она „опиралась“ въ борьбѣ съ дворянствомъ? Ни на какіе. И никакой борьбы не могло быть.

Въ какой мѣрѣ политическія желанія дворянства не осуществились? Ни въ какой.

Какого же еще политическаго вліянія могло желать дворянство? Никакого.

Оно пользовалось всей полнотой политическаго господства и политической дворянской свободы.

И дворяне были, съ своей точки зрѣнія, безусловно правы, когда позже, устами Карамзина, заявляли относительно своего политическаго положенія: „требуемъ болѣе мудрости хранительной, нежели творческой“.

15. О формахъ дворянской организаціи.

Мы уже знаемъ, что въ Московскомъ государствѣ каждый землевладѣлецъ былъ маленькимъ государемъ, а царь московскій былъ крупнѣйшимъ землевладѣльцемъ.

---

[1]) М. Богословскій. Областная реформа, стр. 519.

[2]) Кстати, вотъ полное заглавіе книги С. Ѳ. Платонова: „Лекціи по русской исторіи проф. С. Ѳ. Платонова, д-ра р. ист., читанныя въ 1899—1900 уч. году въ Алекс. Военно-Юридич. Академіи, Имп. СПБ. Университетѣ и на Высш. Женск. Курсахъ. Издали на правахъ рукописи слушатели Ал. Военно-Юр. Ак. поручики Блиновъ и фонъ-Раупахъ. СПБ. 1900 г. Типографія С.-Петербургскаго Градоначальства“. Стр. 514.

Государство строилось „по вотчинѣ“, т.-е. государственная организація была болѣе или менѣе точной копіей хозяйственной организаціи каждаго отдѣльнаго крупнаго землевладѣльца. Въ XVIII вѣкѣ наблюдаются два параллельныхъ процесса: ростъ вліянія общедворянской организаціи на каждаго отдѣльнаго дворянина-землевладѣльца, съ одной стороны, и, въ тѣсной связи съ этимъ, ростъ вліянія каждаго отдѣльнаго дворянина на своихъ „подданныхъ“. Съ усиленіемъ общедворянской организаціи углублялась пропасть между каждымъ отдѣльнымъ государемъ и его крѣпостными крестьянами. По отношенію къ этимъ крестьянамъ помѣщикъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ власть законодательную, исполнительную и судебную. Поэтому историкъ С. М. Соловьевъ имѣлъ полное основаніе сказать, что власть помѣщика надъ его крестьянами обладала царственнымъ колоритомъ [1]).

Крестьяне генералъ-аншефа Леонтьева просятъ своего государя „учинить милосердный указъ“. Въ большомъ крѣпостномъ имѣніи владѣлецъ уже не распоряжается непосредственно и устно: онъ пишетъ указы. И не только писаніемъ указовъ или формой прошеній характеризуется царственный колоритъ помѣщика. У богатаго владѣльца былъ свой дворъ съ придворными должностями, иногда и своя гвардія. Соблюдался придворный этикетъ, закрѣпленный писанной инструкціей. Была домовая канцелярія или оберъ-контора. Служащіе въ ней докладывали о дѣлахъ своему государю и представляли проектъ резолюціи, подписанный единогласно или съ особыми мнѣніями и представленіями. Баринъ, по разсмотрѣніи дѣла, отсылалъ его въ контору съ своей резолюціей. Для рѣшенія споровъ между крестьянами одного владѣльца, послѣднимъ издавалось особое уложеніе; то же и относительно преступленій и проступковъ крестьянъ [2]).

По типу бюрократическаго помѣстнаго управленія отдѣльнаго дворянина, съ его царственнымъ колоритомъ, строилось и бюрократи-

---

[1]) Ист. Россіи съ др. временъ т. XXVII, гл. II. Царственный колоритъ помѣщичьей власти не дурно оттѣняется двумя прошеніями,—первое на имя Морозова въ XVII вѣкѣ, второе на имя ген.-аншефа Леонтьева въ XVIII вѣкѣ. Въ первомъ читаемъ: „Государю Борису Ивановичу бьетъ челомъ холопъ твой Христофорко-полякъ... У меня, государь, къ русской грамотѣ пристала охота большая. Умилостивися, государь Борисъ Ивановичъ, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мнѣ для ученья дать изъ своей государевы казны часовникъ. Государь, смилуйся, пожалуй!“ Изъ второго прошенія: „Государю нашему Николаю Михайловичу. Бьютъ челомъ и плачутся подмосковной вашей, государь, Загарской волости, разныхъ деревень крестьяне... Государь нашъ, надъ нами сиротами смилуйся и учини милосердный указъ!“

[2]) См. у В. И. Семевскаго „Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II Спб. 1903 г. т. I стр. 241, а также у М. Н. Покровскаго въ изд. Гранатъ „Ист. Р. въ XIX в“., вып. I, стр. 9-10.

ческое управленіе абсолютной монархіи [1]). Но этой внѣшней формой и ограничивается сходство. Было бы грубой ошибкой смѣшивать положеніе крѣпостной бюрократіи съ положеніемъ бюрократіи дворянской, а положеніе абсолютнаго монарха съ положеніемъ каждаго отдѣльнаго дворянина-государя. Дѣло въ томъ, что государь-дворянинъ, въ случаѣ непокорства своихъ подданныхъ,—крѣпостныхъ бюрократовъ или сидѣвшихъ на землѣ крестьянъ,—имѣлъ въ своемъ распоряженіи силу общедворянской организаціи, которая всегда готова была къ его услугамъ и всегда обладала способностью приводить непокорныхъ къ повиновенію. Что же касается абсолютнаго монарха, то къ его услугамъ, для борьбы съ непокорными бюрократами-государями, не имѣлось никакой организаціи абсолютныхъ монарховъ, спѣшащихъ на помощь другъ другу.

Поэтому совершенно неправильной была бы мысль, будто абсолютный монархъ управлялъ дворянами-бюрократами, какъ дворянинъ-бюрократъ управлялъ своими крестьянами. Напротивъ, надо сказать: подобно тому какъ каждый отдѣльный „государь“ управлялъ своими подданными, такъ и всѣ подданные Имперіи управлялись организаціей государей, управлялись господствующимъ классомъ землевладѣльцевъ.

Землевладѣльческій классъ былъ организованъ по типу абсолютной монархіи. Чѣмъ объяснить предпочтеніе, которое отдавали дворяне именно этому типу организаціи? Прежде всего приходитъ на мысль отвѣтъ, что это былъ исторически сложившійся типъ такъ называемой политической надстройки, и что, въ силу исторической традиціи, надстройки продолжали самостоятельное, можетъ быть уже оторванное отъ своей экономической основы, существованіе. Но ученіе о самостоятельномъ существованіи политическихъ, идеологическихъ и т. под. надстроекъ имѣетъ свое удобство и свое неудобство. Удобство заключается въ томъ, что ссылкой на „самостоятельность“ всегда можно прикрыть свое незнаніе; неудобство же состоитъ въ томъ, что ссылкой на самостоятельность убаюкивается мысль и освящается невѣжество. Поэтому попробуемъ отложить въ сторону историческую традицію и выяснить дѣйствительную причину явленія.

Указываютъ иногда на „логику крѣпостного права“: не отдѣляя хозяина отъ государя въ самомъ себѣ, дворянинъ той эпохи не умѣлъ, говорятъ, произвести такого раздѣленія и въ монархѣ. Эту мысль можно принять во вниманіе, но съ большими оговорками. Дѣло въ томъ, что какъ разъ въ Россіи XVIII вѣка дворяне очень хорошо умѣли отдѣлять монарха отъ хозяина. Признавая авторитетъ хозяина

---

[1]) Подобно этому, государство развитого капиталистическаго хозяйства строится по типу акціонернаго предпріятія.

надъ крѣпостными крестьянами безусловнымъ, они признавали авторитетъ монарха только до тѣхъ поръ и настолько, пока и насколько этотъ авторитетъ шелъ на охрану дворянскихъ интересовъ. Въ противномъ случаѣ личность монарха смѣнялась довольно скоро. Если бы данный типъ организаціи не открывалъ дворянамъ непрерывной возможности охранять ихъ классовые интересы, то „логика крѣпостного права“ скоро отступила бы предъ логикой непосредственнаго классоваго интереса. И если приведенной выше мысли нельзя отказать во вниманіи, то непремѣнно съ той поправкой, что дворянинъ не неумѣлъ отдѣлять монарха отъ хозяина, а только не хотѣлъ,—не видѣлъ надобности идти въ разрѣзъ съ привычнымъ типомъ хозяйственной организаціи, когда переходилъ къ выработкѣ формы своей классово-политической организаціи.

Итакъ, оба идеологическія объясненія, указаніе на традицію и на логику крѣпостного права,—приходится считать по меньшей мѣрѣ недостаточными. Обратимся поэтому къ объясненіямъ другого рода.

„Государь есть самодержавный, ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ власть, не можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ толь великаго государства. Надлежитъ, чтобы скорость въ рѣшеніи дѣлъ, изъ дальнихъ странъ присылаемыхъ, награждала медленіе, отдаленностью мѣстъ причиняемое. Всякое другое правленіе не только было бы Россіи вредно, но и въ конецъ разорительно“,—писала имп. Екатерина II въ своемъ знаменитомъ Наказѣ.

Мотивамъ, приведеннымъ имп. Екатериной II, нельзя отказать въ основательности. Но ими не все объясняется: ими доказывается только необходимость извѣстной централизаціи, потребность въ значительныхъ полномочіяхъ центральной власти; но единоличная власть этими мотивами еще не предрѣшается. Можно представить себѣ столь же полномочную центральную власть коллегіальнаго устройства,—выборную или основанную на правѣ рожденія. Извѣстно, что коллегіальное учрежденіе, въ лицѣ Сената или Верховнаго Тайнаго Совѣта, умѣло довольно успѣшно справляться съ общегосударственными задачами и во время безконечныхъ отлучекъ Петра I, и въ малолѣтство Петра II, и при бездѣятельной Елисаветѣ.

Правда, это не были учрежденія выборныя. Но почему бы имъ не стать выборными? Или основанными на правѣ рожденія? Или основанными на правѣ имущественнаго ценза?

Иначе эти же вопросы можно поставить такимъ образомъ: являлись ли формы организаціи землевладѣльческаго класса XVIII вѣка наиболѣе приспособленными къ защитѣ интересовъ именно этого класса или нѣтъ?

Организація землевладѣльческаго класса по типу абсолютной монархіи развилась въ Россіи какъ разъ въ періодъ наиболѣе рѣзкой ломки

стараго хозяйства, въ періодъ перехода страны изъ натуральнаго хозяйства въ денежное. Такая ломка ведетъ къ быстрому подъему благосостоянія имущихъ классовъ, къ усиленному угнетенію и обездоленію классовъ трудящихся, къ обостренію противорѣчія классовыхъ интересовъ. Понятно, что вся исторія Россіи XVII и XVIII вѣковъ переполнена волненіями и протестами рабочихъ и крестьянъ, до пугачевщины включительно. Имущему классу, при этихъ условіяхъ, необходимо нужно было организоваться по типу, наиболѣе приспособленному къ быстрому и безпощадному усмиренію протестантовъ. И первымъ условіемъ такого типа организаціи было устраненіе по возможности всякихъ треній внутри господствующаго класса, всякаго раздѣленія этого класса на привилегированную и непривилегированную части.

Только при самомъ поверхностномъ взглядѣ кажется, будто чиноначаліе, введенное табелью о рангахъ, находилось въ противорѣчіи съ принципомъ классоваго единства. На самомъ дѣлѣ чинъ не придавалъ своему обладателю никакихъ особыхъ чертъ или привилегій, какъ классовой единицѣ, какъ землевладѣльцу. Великъ или малъ былъ чинъ,—все равно землевладѣлецъ пользовался всей полнотой правъ царственнаго колорита надъ своими подданными-крестьянами. И съ другой стороны, передъ каждымъ государемъ-землевладѣльцемъ была открыта дорога къ высшимъ чинамъ. Рядомъ съ этимъ, чувствуя свою слабость, сознавая недостатокъ людей своего класса для все болѣе трудной охраны общеклассовыхъ интересовъ, государи-землевладѣльцы продолжаютъ, какъ и въ XVII вѣкѣ, энергично пополнять свои ряды выходцами изъ другихъ классовъ, лишь бы эти выходцы съумѣли кровно связать свои интересы съ интересами дворянъ землевладѣльцевъ: чинъ давалъ дворянство такимъ выходцамъ.

Чинъ давалъ дворянство, но не всегда давалъ землевладѣніе. И сословный принципъ теряетъ значеніе передъ принципомъ классовымъ; для права участія въ дворянскихъ собраніяхъ требовали землевладѣльческаго ценза; ценза „благородства“ (родовитости) не существовало. Мѣриломъ благородства былъ доходъ съ имѣнія. Мы уже знаемъ, что сердце кн. Щербатова содрогалось отъ введенія имущественнаго ценза. Но этотъ цензъ охранялъ именно чистоту классоваго (а не сословнаго) господства; этимъ цензомъ классъ укрѣплялся, а не обезсиливался, и потому цензъ неизмѣнно встрѣчалъ сочувствіе среди государей-дворянъ.

Но тѣ же государи-дворяне, лишая права участія въ дворянскихъ собраніяхъ обѣднѣвшихъ дворянъ, хотя бы и самаго благороднаго, древняго происхожденія, жертвовали сословностью и въ формахъ, много болѣе обидныхъ для носителей идеи сословной обособленности, сословнаго благородства. Этотъ больной вопросъ подвергался горячему

обсужденію въ Екатерининской Комиссіи для сочиненія новаго уложенія.

Поборникъ сословности кн. Щербатовъ такъ формулировалъ дворянско-сословный принципъ: „Ты родился отъ добродѣтельныхъ предковъ; ты, не сдѣлавшій еще ничего мнѣ (отечеству) полезнаго, уже имѣешь знатный чинъ дворянина; поэтому ты болѣе, чѣмъ другіе, долженъ показать мнѣ и твою добродѣтель и твое усердіе. Тебя обязываютъ къ тому данныя законами моими права, предшествовавшія твоимъ заслугамъ; тебя побуждаютъ къ тому дѣла твоихъ предковъ; подражай имъ въ добродѣтели—и будешь мнѣ угоденъ".

Понятно, какъ обиденъ былъ для потомковъ добродѣтельныхъ предковъ наплывъ въ дворянство людей безъ патентованной добродѣтели. И князя Щербатова поддержалъ, между прочимъ, дворянинъ Игнатьевъ, депутатъ въ той же Комиссіи: „Многіе изъ подъяческихъ, посадскихъ и прочихъ подобнаго рода людей, вышедшіе въ штатскіе и оберъ-офицерскіе чины и находящіеся въ разныхъ штатскихъ должностяхъ, покупаютъ большія деревни, размножаютъ фабрики и заводы, а чрезъ то дѣлаютъ подрывъ природному дворянству въ покупкѣ деревень. Когда дворянинъ, занимающійся хлѣбопашествомъ и трудомъ своимъ пріобрѣтя деньги, пожелаетъ купить по сосѣдству деревни по цѣнѣ умѣренной, то нѣкоторые не изъ дворянъ, *имѣя большія суммы*, возвышаютъ на нихъ цѣну втрое и болѣе, и деревни эти оставляютъ за собою. Такимъ образомъ дворянинъ, лишаясь средствъ увеличить свое имѣніе, впадаетъ въ недостатокъ, и деревни его, которыми онъ прежде владѣлъ, приходятъ въ упадокъ. Мое мнѣніе,—чтобы запретить пользоваться правомъ дворянства и покупать деревни тѣмъ, которые не изъ дворянъ достигнутъ службою штабъ и оберъ-офицерскихъ чиновъ".

Борьба шла, такимъ образомъ, между двумя добродѣтелями: добродѣтелью по рожденію и добродѣтелью по обладанію „большими суммами". Кн. Щербатовъ и двор. Игнатьевъ, сторонники добродѣтели по рожденію, встрѣтили энергичный отпоръ. Между прочимъ, имъ возражали: „Если же, какъ нѣкоторые того желаютъ, умножится одно только старинное дворянство и пренебрежено будетъ вновь пожалованное, то по мнѣнію моему это послужитъ въ подрывъ государственной службѣ, ибо прочія не дворянскія сословія, не видя себѣ равнаго съ дворянами за службу возмездія, будутъ служить принужденно, безъ всякой ревности и любви къ отечеству. Не имѣя въ виду заслужить въ своемъ же отечествѣ отличнаго достоинства, они сдѣлаются какъ бы не сынами отечества; о воспитаніи же своемъ, о наукахъ и о добродѣтеляхъ не будутъ имѣть повода прилагать какое-либо стараніе. И какое же будетъ въ государственныхъ дѣлахъ благосостояніе и въ обществѣ спокойствіе, когда вмѣсто взаимнаго человѣколюбія

отъ такого явнаго небреженія къ ближнему умножится ненависть и вражда?"

Дворяне не могли и не хотѣли провести въ жизнь „небреженія къ ближнему", имѣющему „большія суммы"; они прилагали большое стараніе къ сохраненію классоваго „взаимнаго человѣколюбія" для наилучшей эксплоатаціи закрѣпощеннаго крестьянина. Умноженіе ненависти и вражды внутри класса ослабило бы силу класса, а служба выходцевъ изъ другихъ классовъ „принужденно, не имѣя въ виду заслужить отличнаго достоинства", служба не своему классу не дала бы имъ необходимой энергіи при подавленіи крестьянскихъ волненій и при захватѣ земель сосѣднихъ странъ. И понятно, что обладаніе большими суммами считалось болѣе высокой добродѣтелью, чѣмъ происхожденіе отъ стариннаго боярскаго или дворянскаго рода.

Русское дворянство XVIII вѣка хорошо поняло, что рядомъ съ исконною землевладѣльческою собственностью выростаетъ другая, торговая и промышленная, рядомъ съ землевладѣльческимъ доходомъ— доходъ отъ „большихъ суммъ", отъ торговли и промысловъ. Оно продолжало „блазниться сребролакомствомъ" само и цѣнить тѣхъ представителей другихъ классовъ, которые имѣли успѣхъ въ дѣлѣ сребролакомства. Дворянство раскрывало этимъ людямъ свои объятія; оно говорило: „войди въ нашу организацію, слей свои интересы съ нашими,—и ты нашъ, ты благородный, хотя бы вышелъ изъ посадскаго или подъяческаго званія". Такой политикой раскрытыхъ дверей дворянство постоянно подкрѣпляло себя и обезсиливало ту часть торгово-промышленнаго класса, которая не хотѣла или не могла жертвовать своимъ временемъ или деньгами, не хотѣла или не могла пройти искусъ пріема въ благородное сословіе [1]). Оба эти процесса,—блазне-

---

[1]) Нужно имѣть въ виду, что «служба» вовсе не была необходимымъ условіемъ полученія дворянства. Чинъ (а слѣдовательно и дворянское званіе) можно было просто купить за деньги. «Чины и должности продавались во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, какъ высшихъ, такъ и нисшихъ. Извѣстный откупщикъ Лукинъ за 8,000 р. наворованныхъ денегъ купилъ себѣ чинъ капитана. Заводчикъ Прокофій Демидовъ... бывшій нѣсколько разъ подъ слѣдствіемъ и никогда не служившій, купилъ себѣ чинъ генералъ-маіора. Подрядчикъ Фалѣевъ получилъ не только самъ дворянство и чины, но и своихъ прислужниковъ въ штабъ-офицеры и оберъ-офицеры произвелъ». Въ военной коллегіи чины продавались довольно свободно (См. кн. Щербатова «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», Русск. Стар. 1871, а также у Н. Дубровина «Пугачевъ и его сообщники», Спб. 1884, стр. 313, 316 и др.). До какой степени покупка чиновъ была въ обычаѣ, видно изъ прошенія жены костромского воеводы Анны Ватазиной на имя Екатерины II, о производствѣ ея мужа въ слѣдующій чинъ. Ватазина между прочимъ писала: «Умились, матушка, надо мною сиротою, прикажи указомъ, а я подведу Вашему Императорскому Величеству лучшихъ собакъ четыре: Еполитъ да Жульку, Женету, Маркиза»...

ніе дворянъ сребролакомствомъ и включеніе въ свою среду преуспѣвающихъ сребролакомцевъ, понятно, обезсиливали торгово-промышленное сословіе, *какъ сословіе* (а не какъ классъ). Отсюда—любопытное явленіе: представители купечества, вслѣдъ за кн. Щербатовымъ, ратовали за дворянскую сословность, за „драгоцѣнное дворянское имя".

Представитель купечества въ той же Комиссіи выражалъ желаніе, чтобы не было дозволено дворянству „торговать и ни у кого, ни подъ какимъ видомъ, покупать купеческое право, ибо дворянство имѣетъ свое собственное право, заключающее въ себѣ большія преимущества, и носитъ драгоцѣнное дворянское имя. Поэтому входить въ такія коммерческія занятія, какъ напримѣръ фабричные, заводскіе и разные торговые промыслы дворянамъ, по ихъ званію, не свойственно". Въ отвѣтъ на купеческіе гимны драгоцѣнному дворянскому имени, дворянство прибирало къ своимъ рукамъ фабрики, заводы, торговыя монополіи и откупа, сохраняя однако, какъ классъ, преобладающе-землевладѣльческій характеръ. Главнымъ источникомъ богатства въ Россіи оставалось землевладѣніе.

Ради „взаимнаго человѣколюбія" внутри класса, ради обезпеченія политическаго и экономическаго господства собственниковъ-землевладѣльцевъ, дворянская родословная гордость почтительно склоняла голову передъ обладателями „большихъ суммъ". Понятно, что ради того же человѣколюбія дворянство въ цѣломъ было настроено крайне отрицательно ко всякой привилегіи внутри своего класса, ко всякому раздѣленію дворянъ на болѣе аристократическую (по праву рожденія) и менѣе аристократическую часть. Разнесеніе дворянъ по шести родословнымъ книгамъ не давало никакихъ реальныхъ,—ни экономическихъ, ни политическихъ,—преимуществъ представителямъ фамилій, внесенныхъ въ ту или иную книгу, какъ не давалъ такихъ преимуществъ и чинъ внѣ отношеній служебныхъ. Боязнь нарушить цѣльность классовыхъ интересовъ объясняетъ протестъ дворянства противъ всякой „олигархіи", которая могла бы вырасти внутри сословія. Отсюда—невозможность образованія въ XVIII вѣкѣ коллегіи лицъ, которыя по рожденію или по имущественному цензу получили бы исключительныя, личныя или потомственныя, права на участіе въ центральномъ комитетѣ общедворянской организаціи. Въ этомъ—одна изъ причинъ того предпочтенія, которое оказывали дворяне формѣ организаціи по типу абсолютной монархіи. Личность безсильна противъ класса.

Были и другія причины этого предпочтенія.

Дворянамъ, какъ классу единственно организованному и господствующему, не была въ общемъ чужда идея основныхъ законовъ, которые связывали бы абсолютнаго монарха. Это видно и изъ исторіи

XVII вѣка, и изъ событій 1730 года. Что же касается нисшихъ классовъ,—крестьянъ, посадскихъ, казаковъ,—то ихъ политическая идеологія, въ силу отсутствія классовой связи и классовой организованности, по прежнему не шла дальше „протягиванія руки къ монарху черезъ голову дворянъ". Политическое недовольство этихъ классовъ не выливалось въ иную форму, кромѣ какъ въ форму защиты правъ законнаго государя, дѣйствительнаго или мнимаго. Законный государь въ ихъ глазахъ по прежнему оставался хозяиномъ своей вотчины,—Россіи. Эта форма политической борьбы нисшихъ классовъ, эта ихъ политическая идеологія всегда являлась для дворянъ слишкомъ серьезнымъ предостереженіемъ, чтобы съ нимъ не считаться. Для открытаго противопоставленія себя другимъ классамъ, т. е. для сословно-цензовой конституціи, дворянство чувствовало себя недостаточно сильнымъ. А вводить конституцію безсословную и безцензовую значило для дворянъ наносить ударъ самимъ себѣ. По отношенію къ нисшимъ классамъ дворянство сознавало свою недостаточную силу: оно охотно принимало въ свою среду выходцевъ изъ другихъ сословій; не менѣе охотно оно подкрѣпляло свою экономическую и политическую мощь, разбирая по рукамъ, въ крѣпостную собственность, незакрѣпощенную еще часть крестьянства (такъ называемыя пожалованія и раздачи во второй половинѣ XVIII и въ первой XIX в.в.). Но въ цѣломъ, какъ классъ, оно не могло желать и не желало дѣлиться своимъ политическимъ и экономическимъ господствомъ съ другими классами или сословіями.

Поэтому вопросъ о реорганизаціи дворянства, о переходѣ отъ абсолютной монархіи къ конституціонной, находился въ непосредственной связи съ упроченіемъ экономическаго дворянскаго господства. Послѣднее было необходимымъ условіемъ перваго. Это сознавали сами дворяне. Такъ напримѣръ, видный конституціоналистъ александровской эпохи адмиралъ Мордвиновъ указывалъ на желательность раздачи *всѣхъ* безъ исключенія казенныхъ земель знатнѣйшимъ дворянскимъ фамиліямъ для созданія въ Россіи богатой и могущественной аристократіи. Только при наличности этой сильной аристократіи, —полагалъ Мордвиновъ,—можно было рискнуть на ограниченіе самодержавія. При этомъ Мордвиновъ, конечно, протестовалъ противъ всякаго ограниченія крѣпостного права: онъ допускалъ только назначеніе размѣра выкупа за освобожденіе отдѣльныхъ крестьянъ, но и то на крайне тяжелыхъ условіяхъ [1]).

Дворянство предпочитало сохранять организацію типа абсолютной монархіи. Но государственное хозяйство слишкомъ усложнилось

---

[1]) См. у В. И. Семевскаго «Крест. вопросъ въ Россіи.» СПБ. 1888 г. т. I стр. XXI.

и расширилось, чтобы одинъ человѣкъ могъ поспѣть всюду. Абсолютный монархъ дѣлалъ, что было въ предѣлахъ его человѣческихъ силъ или личныхъ способностей и склонностей. Но историками давно уже замѣчено, что значительная часть государственной работы отправлялась, отъ имени монарха, различными дворянскими организаціями. Однако привычка надѣлять личность сверхъестественными силами, противъ которой протестовалъ С. М. Соловьевъ, у историковъ оставалась въ силѣ. Отсюда—поиски за лицами и учрежденіями, которыя замѣнили бы или олицетворили бы собою мифическое надклассовое государство. Поскольку рѣчь идетъ о Россіи XVIII вѣка, историки надѣляютъ сверхъестественными силами то сенаторовъ, то членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, то генералъ-прокуроровъ,—каждый по своему вкусу. Мы уже слышали отъ А. Градовскаго, будто какой-то сверхъестественный Сенатъ „велъ“ куда-то „подчиненное ему“ дворянство.

Сенатъ реальный, а не мифическій, никуда не могъ вести *подчиненное* ему дворянство, потому что онъ самъ состоялъ изъ дворянъ-землевладѣльцевъ, былъ частью землевладѣльческой организаціи. Сенатъ реальный, кромѣ того, и по той же причинѣ, вовсе не былъ учрежденіемъ, члены котораго „просто чиновники, назначаемые и смѣняемые по произволу государя“ и только передъ нимъ отвѣтственные, какъ хотятъ увѣрить насъ нѣкоторые историки: „просто чиновники“ были помѣщиками-государями съ царственнымъ колоритомъ, какъ и всякій дворянинъ-землевладѣлецъ.

Внутренняя борьба дворянскихъ партій въ центрѣ управленія иногда понижала, иногда повышала значеніе Сената. При Петрѣ I, во время его отлучекъ, Сенатъ правилъ именемъ Императора. Послѣ Петра онъ отодвигается на второй планъ, уступаетъ мѣсто Верховному Тайному Совѣту. Совѣтъ полновластно правитъ Россіей при Петрѣ II, вступившемъ на простолъ въ одиннадцатилѣтнемъ возрастѣ. Формально онъ, согласно завѣщанію Екатерины I, имѣетъ „полную власть правительствующаго самодержавнаго государя, только опредѣленія о сукцессіи (наслѣдованіи престола) ни въ чемъ не отмѣнять“. Самодержавная власть Совѣта фактически не была новостью при Петрѣ II: она существовала и при Екатеринѣ I, которая, по опредѣленію С. М. Соловьева, казалась способной къ управленію, „пока не принимала правленія“. Въ 1730 году самодержавный Совѣтъ теряетъ почву подъ ногами вслѣдствіе того, что вздумалъ противопоставить себя правящему сословію,—дворянству,—вмѣсто того, чтобы быть центральнымъ органомъ этого сословія.

При Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ Сенатъ былъ отодвинутъ на задній планъ до того, что запрещено было дѣлать изъ казны денежныя выдачи Сенату безъ указа Верховнаго Тайнаго Совѣта. Послѣ

разныхъ перипетій, въ 1741 году, въ началѣ царствованія имп. Елисаветы, возстановляется значеніе Сената. Въ именномъ указѣ 12 декабря 1741 года умаленіе роли Сената справедливо приписывается внутреннимъ передрягамъ среди дворянства — „происканъ“ нѣкоторыхъ лицъ. Сенаторами назначены князья Трубецкой, Черкасскій, Куракинъ, Голицыны, Урусовъ; графы Салтыковъ, Головинъ; наконецъ, ген. Чернышевъ, Ушаковъ, Бестужевъ-Рюминъ, Нарышкинъ и т. п. Все это— далеко не „чиновники“, зависимые только отъ воли монарха. По указу, Сенатъ возстановленъ въ правахъ, какія имѣлъ при Петрѣ I.

При Елисаветѣ, мало принимавшей участія въ дѣлахъ правленія, Сенатъ фактически становится властью не только судебной и исполнительной, но и законодательной. Бывали, по словамъ А. Градовскаго, случаи, когда Сенатъ прибѣгалъ къ мѣрамъ „почти безграничной диктатуры“. Иногда онъ пренебрегалъ даже приличіемъ, формой: издавалъ законъ безъ подписи императрицы и въ этомъ же законѣ, который немедленно становился обязательнымъ, не стѣсняясь обѣщалъ только въ будущемъ испросить на него согласіе императрицы. Напримѣръ: „Недорослей, кои къ смотру не являлись, за вышеписаннымъ *поднесеннымъ* Ея Имп. Величеству отъ Сената всеподданнѣйшимъ докладомъ, на который Сенатъ и *уповаетъ получить* Высокоматернюю Ея Императорскаго Величества конфирмацію, нынѣ вѣчно въ солдаты и матросы не писать, о чемъ въ Москву въ сенатскую контору сообщить вѣдѣніе...“ [1]).

Послѣ Елисаветы роль Сената опять умаляется. При Петрѣ III появляется новый Совѣтъ. Екатерина II предпочитаетъ имѣть дѣло не съ Сенатомъ, а съ единоличной властью генералъ-прокурора. Значеніе Сената „блѣднѣетъ“: большая часть указовъ этого царствованія—именные, данные Сенату, или сенатскіе, состоявшіеся вслѣдствіе именныхъ [2]).

Екатерина II жаловалась, что Сенатъ установленъ для исполненія законовъ, а онъ часто издавалъ законы, раздавалъ чины, деньги, деревни. Она,—вѣрнѣе, новая партія въ центрѣ,—очень осторожно дѣйствовала противъ Сената: сначала разбила его на 6 департаментовъ по роду дѣлъ; затѣмъ стала сноситься съ нимъ только черезъ генералъ-прокурора, давъ послѣднему *секретную* инструкцію не поощрять законодательной дѣятельности Сената; наконецъ, стала вести отдѣльныя дѣла помимо Сената. Получился внѣшній видъ управленія единоличнаго.

Именно, только видъ. Для тѣхъ, кто въ исторіи абсолютныхъ монархій ищетъ непремѣнно самовластія, господства личнаго произвола и личнаго усмотрѣнія, исторія царствованія блестящей Екатерины II

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 11197.

[2]) А. Градовскій. Высш. адм., 215

представляетъ особенно много поучительнаго. Мы еще вернемся къ этой темѣ. Пока же, для подтвержденія того, что при „единоличномъ“ правленіи Екатерины II политическое классовое господство оставалось въ полной силѣ, сошлюсь на справедливое указаніе С. Ѳ. Платонова. „Коллизія личныхъ взглядовъ Екатерины и русской дѣйствительности *всегда*,— говоритъ этотъ осторожный въ выводахъ историкъ,—приводила Екатерину къ уступкамъ дѣйствительности во *всѣхъ* важныхъ ея мѣропріятіяхъ. На Екатеринѣ оправдывается справедливость историческаго положенія о безсиліи личности измѣнить общій ходъ событій. Какъ историческій дѣятель, Екатерина осталась вѣрна тѣмъ началамъ русской жизни, какія были завѣщаны ея времени временами предыдущими; она продолжала свою дѣятельность въ томъ же направленіи, въ какомъ работали ея предшественники, хотя иногда и *не сочувствовала* имъ и *не желала* дѣйствовать такъ, какъ они. Сила событій и отношеній была сильнѣе ея личной силы и воли“ [1]).

Но фанатики идеи о господствѣ, будто бы, въ абсолютныхъ монархіяхъ внѣклассоваго произвола, усмотрѣнія, деспотизма, самовластія и т. д. вѣроятно не успокоятся, даже и признавши справедливость указаній проф. С. Ѳ. Платонова.—„Какія это событія и отношенія,— скажутъ они,—были сильнѣе Екатерины II? Если сильнѣе Петра II или Елисаветы были самодержавные Совѣтъ и Сенатъ, то значитъ и при Екатеринѣ II была какая-то закулисная кучка, — придворная „клика“, „камарилья“,—которая обладала всей полнотой личнаго произвола и самовластія“.

Сенатъ, Совѣтъ были самовластны... Обратимся опять къ свидѣтельству проф. С. Ѳ. Платонова. О моментѣ воцаренія Анны онъ говоритъ: „Верховники не имѣли никакой возможности помѣшать совершившемуся на ихъ глазахъ государственному перевороту, потому что гвардія была противъ нихъ и охотно ушла изъ-подъ ихъ начальства, потому что все шляхетство было противъ олигархическаго Совѣта, и Совѣтъ при такихъ условіяхъ сталъ дѣтски слабъ и безпомощенъ“.

Самодержавный Совѣтъ сталъ дѣтски безпомощенъ, когда противъ него выступили гвардія и все шляхетство. Гвардія! Вотъ въ чемъ дѣло! Дѣйствительный абсолютизмъ, т. е. самовластіе, т. е. произволъ, деспотизмъ и прочія страсти принадлежали гвардіи, т. е. войску, т. е. внѣклассовой силѣ авантюристовъ-преторіанцевъ. Россія переживала въ XVIII вѣкѣ періодъ военнаго деспотизма!

Посмотримъ.

Кажется, взглядъ на исторію XVIII вѣка, какъ на періодъ господства единоличной власти и военнаго деспотизма, ярче другихъ формулированъ декабристомъ Н. Тургеневымъ въ письмѣ къ имп. Але-

---

[1]) Лекціи по р. ист. стр. 601.

ксандру II. Тургеневъ писалъ: „Много ли силъ надо было имѣть Елисаветѣ при воцареніи, Екатеринѣ II для того, чтобы свергнуть Петра III? Нѣтъ правительства, въ которомъ бы легче смѣнялось лицо главы, какъ въ военномъ деспотизмѣ, запрещающемъ народу мѣшаться въ общественныя дѣла, запрещающемъ всякую гласность. Кто первый овладѣетъ мѣстомъ, тому и повинуется безмолвная машина съ той же силой и съ тѣмъ же вѣрноподданническимъ усердіемъ". Историки-идеалисты, готовые повторять мысль Н. Тургенева, совершенно навыворотъ рѣшаютъ вопросъ о томъ, кто кому повинуется: классовая „машина" отдѣльной личности, или личность—классовой машинѣ. И они постоянно впадаютъ въ противорѣчіе сами съ собою, какъ впалъ Н. Тургеневъ. Вообразивъ, что машина будетъ безмолвно повиноваться, онъ думалъ, что еще имп. Александръ I могъ уничтожить крѣпостное право, если бы былъ посмѣлѣе. И во внѣклассовой „самодержавной власти" онъ видѣлъ якорь спасенія для крестьянъ: вѣдь армія всегда повинуется своему командиру, хотя... нѣтъ правительства, при которомъ легче бы смѣнялось лицо главнаго командира, чѣмъ при военномъ деспотизмѣ. Но кромѣ военнаго деспотизма Н. Тургеневъ помнилъ и кое о чемъ другомъ. Онъ зналъ, что въ Россіи „тѣ-кто создаютъ и направляютъ общественное мнѣніе, тѣ, кто пишутъ исторію, тѣ, кто составляютъ и выполняютъ законы"—являются владѣльцами крѣпостныхъ душъ.

Въ XVIII вѣкѣ гвардія писала исторію. Были ли писавшіе исторію владѣльцами крѣпостныхъ душъ? Отвѣтъ ясенъ изъ всего, что мы знаемъ уже объ организаціи дворянства XVIII вѣка. Большинство гвардейцевъ составляли дворяне. Не только всѣ офицеры, но и часть рядовыхъ: солдатская служба въ гвардіи была военной школой для большей части дворянской молодежи.

Интересы гвардіи были болѣе чѣмъ тѣсно связаны съ интересами дворянства: въ основѣ своей они были тождественны. И политическая идеологія гвардейцевъ была дворянской идеологіей, идеологіей землевладѣльческаго класса.

Для поступленія въ гвардію являлась молодежь изъ дворянскихъ усадебъ; туда же возвращались отставные гвардейцы; во время прохожденія службы главнымъ источникомъ средствъ существованія ихъ были доходы съ имѣнія [1]). И понынѣ идеологи дворянско-землевла-

[1]) Мнѣ приходилось слышать, что даже послѣ 1861 года среди гвардейскихъ офицеровъ считалось неприличнымъ употреблять на себя казенное жалованье: оно получалось и тутъ же цѣликомъ швырялось деньщикамъ на водку. Если въ этомъ разсказѣ и есть преувеличеніе, то преувеличеніе характерное. Во всякомъ случаѣ служить въ гвардіи, живя только на казенное содержаніе, было и послѣ 1861 года вещью совершенно невозможной: одно обмундированіе стоило дороже годового жалованья.

дѣльческихъ интересовъ являются энергичнѣйшими защитниками памяти гвардіи XVIII вѣка. Принимая интересы своего класса за интересы общенародные, они убѣждены, что всѣ перевороты XVIII вѣка были вызваны только заботой о благѣ народа, о „національномъ интересѣ“ [1]). Во всѣхъ дворцовыхъ переворотахъ Россіи XVIII вѣка видное участіе принимала гвардія. „Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ,— спѣшитъ оправдать ее С. М. Соловьевъ, –что перевороты производились преторіанцами, янычарами по своекорыстнымъ побужденіямъ, войскомъ, оторваннымъ отъ страны и народа: не должно забывать, что гвардія заключала въ себѣ лучшихъ людей, которымъ были дороги интересы страны и народа, и доказательствомъ служитъ то, что всѣ эти перевороты имѣли цѣлью благо страны, производились по національнымъ побужденіямъ“.

Центральное учрежденіе общедворянской организаціи,—будь то Совѣтъ или Сенатъ,—оказывалось дѣтски безпомощнымъ, когда за него не стояла гвардія. Гвардія же всѣмъ своимъ существомъ была связана съ интересами землевладѣльческаго класса, была частью этого класса. Пойти противъ класса—значило пойти противъ гвардіи; пренебречь гвардіей значило пренебречь землевладѣльческимъ классомъ. Естественно, что Сенатъ или Совѣтъ сознавали постоянно эту зависимость своего положенія. Не желая оказаться въ дѣтски слабомъ и безпомощномъ положеніи, центральныя учрежденія XVIII вѣка постоянно стремились къ освѣдомленію о потребностяхъ и желаніяхъ дворянскаго класса. Наилучшимъ способомъ освѣдомленія было выслушаніе мнѣній дворянскихъ депутатовъ. И въ XVIII вѣкѣ мы являемся свидѣтелями довольно своеобразнаго явленія: именно „самодержавіе“, именно центральная власть постоянно агитируетъ за созывъ депутатовъ отъ дворянства; именно она „борется“ за представительство „закрѣпощеннаго“ дворянства въ центрѣ чрезъ его выборныхъ депутатовъ. А „закрѣпощенное“ будто бы сословіе хотя временами и колеблется, но въ цѣломъ неизмѣнно возстаетъ противъ своего „освобожденія отъ закрѣпощенія государству“ и не очень охотно посылаетъ въ центръ своихъ выборныхъ представителей.

Центральныя учрежденія XVIII вѣка все время сознаютъ необходимость подвести итогъ совершившимся соціальнымъ перемѣнамъ въ жизни страны и составить такъ называемое „новое уложеніе“. Они не рѣшаются сдѣлать это сами, на свой страхъ, и постоянно хлопочутъ о созывѣ представительныхъ собраній, такъ называемыхъ комиссій для сочиненія новаго уложенія. Въ 1728 году Верховный Тайный Совѣтъ издаетъ указъ, чтобы „для того сочиненія выслать къ Москвѣ

---

[1]) См. у С. Ѳ. Платонова Лекціи стр. 527—529 и у С. М. Соловьева Ист. Р. т. XXI гл. I.

изъ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ и знающихъ людей изъ каждой губерніи, кромѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Сибири, по пяти человѣкъ за выборомъ отъ шляхетства",—по пяти депутатовъ только изъ числа дворянъ-землевладѣльцевъ. Дворяне мѣстные не слишкомъ живо отозвались на призывъ; они посмотрѣли на дѣло, какъ на лишнюю трату силъ и времени. Чтобы привлечь къ дѣлу, напримѣръ, новгородскаго депутата Скобельцына, за нимъ три раза посылаютъ солдатъ; наконецъ, слѣдуетъ приказъ: если депутатъ опять не явится, то привести въ Новгородъ его жену подъ карауломъ, а если и она скроется, то конфисковать все имущество.

Депутаты, успѣвшіе съѣхаться къ 1 января 1729 года, были поневолѣ распущены. Рѣшено вызвать уже не по пяти, а хоть по два человѣка отъ губерніи. И этотъ вызовъ повидимому не былъ удачнѣе. Въ 1730 году рѣшено начатое уложеніе всетаки окончить и для этого опредѣлить немедленно добрыхъ и знающихъ людей изъ шляхетства, а сверхъ того и отъ купечества и духовенства, но только на тѣ дни, „когда касающіеся къ нимъ пункты слушаны будутъ".

Уложеніе всетаки не удалось закончить.

При Елисаветѣ Сенатъ былъ полновластенъ. И отъ него исходитъ новая попытка „борьбы противъ самодержавія". Въ указѣ 1761 года,—своеобразной бунтовщической прокламаціи противъ самого себя [1]),—Сенатъ старается доказать дворянамъ, что участіе депутатовъ необходимо для успѣшнаго составленія новаго уложенія. „А какъ сочиненіе уложенія,—писалъ Сенатъ,—для управленія всего государства весьма нужно, слѣдственно всего общества и трудъ въ совѣтахъ быть къ тому потребенъ, и потому всякаго сына отечества долгъ есть совѣтомъ и дѣломъ въ томъ помогать и къ окончанію съ ревностнымъ усердіемъ споспѣшествовать стараться". Сенатъ соблазняетъ затѣмъ депутатовъ тѣмъ, что они могутъ „незабвенную въ будущіе роды о себѣ оставить память". Но зная, что сребролакомство все же интересуетъ дворянъ больше, чѣмъ память о предкахъ и слава въ потомствѣ, Сенатъ обѣщаетъ „за излишніе труды и награжденіе".

Предполагалось созвать отъ каждой провинціи по два депутата отъ дворянства и по одному—отъ купцовъ, и открыть засѣданіе депутатовъ въ началѣ 1762 года. Но въ томъ же 1761 году вступилъ на престолъ Петръ III, потомъ вскорѣ Екатерина II. Созывъ депутатовъ затормазился, но идея не была оставлена.

Въ 1767 году открывается знаменитая екатерининская Комиссія для сочиненія новаго уложенія. Съѣзжаются 565 депутатовъ отъ разныхъ сословій и отъ присутственныхъ мѣстъ; крѣпостные крестьяне

---

[1]) Если принять тезисъ о закрѣпощеніи дворянъ государству и о господствѣ «бюрократіи» въ XVIII в.

представительства не имѣли; число депутатовъ отъ податного сельскаго населенія не достигало и сотни; купечество и горожане были представлены довольно сильно. Но первенство оставалось за дворянами. Отъ лица имп. Екатерины II была произнесена слѣдующая бунтовская рѣчь:

„Начинайте сіе великое дѣло и помните при каждой строкѣ онаго, что вы имѣете случай себѣ, ближнему вашему и вашимъ потомкамъ показать, сколь велико было ваше радѣніе о общемъ добрѣ, о блаженствѣ рода человѣческаго, о вселеніи въ сердце людское добронравія и человѣколюбія, о тишинѣ, спокойствіи, безопасности каждаго и блаженствѣ любезныхъ согражданъ вашихъ. Вы имѣете случай прославить себя и вашъ вѣкъ, и пріобрѣсть себѣ почтеніе и благодарность будущихъ вѣковъ. Отъ васъ ожидаютъ примѣра себѣ подсолнечные народы; очи ихъ на васъ обращены. Слава ваша въ вашихъ рукахъ, и путь къ оной вамъ открытъ; отъ согласія вашего во всѣхъ сихъ полезныхъ отечеству дѣлахъ зависѣть будетъ и совершенность оныя“.

Въ руководство Комиссіи былъ данъ составленный лично императрицей Наказъ, сильно изуродованный цензурой дворянъ-сановниковъ. И наказъ, и рѣчь при открытіи Комиссіи можно кратко формулировать въ видѣ призыва: „собственники всѣхъ странъ россійскихъ, соединяйтесь“. И собственники объединились на „полезномъ отечеству дѣлѣ“, на требованіи всеобщаго, равнаго и явнаго права владѣть крѣпостными крестьянами, покупать и продавать людей. Но до сихъ поръ это основное право дворянской конституціи, эта основа дворянской политической свободы была дворянской привилегіей. Конечно, началась борьба за сохраненіе дворянской политической свободы.

Къ Комиссіи 1767 года, несмотря на зажигательное воззваніе отъ имени Императрицы въ день открытія, центральная дворянская организація отнеслась довольно опасливо. Это понятно, въ виду пестраго состава Комиссіи: въ ней были не одни дворяне.

Историки часто излагаютъ дѣло такъ, будто „бюрократія“ или „самодержавіе“ въ 1767 году выказали опасливое отношеніе къ „обществу“ (къ Комиссіи). Получается комическій выводъ: дворяне-землевладѣльцы московскіе, курскіе, ярославскіе и т. д., служившіе въ моментъ созыва Комиссіи въ Петербургѣ, опасались будто бы дворянъ-землевладѣльцевъ московскихъ, курскихъ, ярославскихъ и т. д., служившихъ въ моментъ созыва Комиссіи внѣ Петербурга. На самомъ дѣлѣ, конечно, опасность заключалась въ разногласіи не между московскимъ дворяниномъ, служившимъ въ Петербургѣ, и такимъ же московскимъ дворяниномъ, служившимъ въ Москвѣ или Твери; она заключалась въ возможныхъ разногласіяхъ между дворянами-землевладѣльцами, съ одной стороны, и представителями не дворянской Россіи—съ дру-

гой. И когда это разногласіе,—въ томъ числѣ изъ-за вопроса о правѣ владѣть крѣпостными крестьянами, — проявилось, дни Комиссіи были сочтены.

Формально созывъ Комиссіи 1767 года не далъ результатовъ: новое уложеніе не было сочинено. Фактически же, несомнѣнно, наказы депутатамъ отъ избирателей и рѣчи депутатовъ въ Комиссіи были основой той освѣдомленности, которая дала правительству Екатерины II возможность идти въ ногу съ господствующимъ классомъ, не остаться нечаянно „дѣтски слабымъ и безпомощнымъ." Дворяне-землевладѣльцы хорошо знали, что центральныя учрежденія ихъ классовой организаціи употребятъ всѣ мѣры, чтобы не нарушить „взаимнаго человѣколюбія" внутри дворянства. Поэтому, въ полномъ спокойствіи за прочность своего положенія, они имѣли всѣ основанія передать дальнѣйшее вершеніе дѣлъ „въ Высочайшее Ея Императорскаго Величества матернее цѣломудренное разсмотрѣніе и соизволеніе", какъ выразились составители наказа депутату отъ юрьевскаго дворянства.

Совершенно неосновательны сужденія историковъ, которые объясняютъ равнодушіе дворянъ XVIII в. къ выборному представительству своего сословія при центральныхъ учрежденіяхъ тѣмъ, что будто бы дворяне не ждали ничего хорошаго отъ „бюрократіи", были слабы и не вѣрили въ успѣхъ своего дѣла. Какъ разъ наоборотъ: дворяне были увѣрены, что „бюрократія" съ ними не разойдется; они знали, что „бюрократія"—это они сами. Создавать новую, выборную дворянскую организацію параллельно съ имѣющейся іерархической для нихъ не было никакого смысла.

Недостаточнымъ является и другое объясненіе. Центральная власть,—говорятъ намъ,—была еще такъ мало активна, такъ рѣдко и спорадически вмѣшивалась въ народную жизнь, что постоянное участіе въ ней не представляло еще большой цѣны въ глазахъ дворянина XVIII вѣка [1]). Дворянство врядъ ли согласилось бы съ мыслью о малоцѣнности участія въ центральной власти, если бы, напримѣръ, центральная власть перешла изъ рукъ дворянства въ руки купечества и т. п.

Въ теченіе XVIII вѣка мы встрѣчаемъ нѣсколько попытокъ со стороны дворянскаго центра привлечь къ законодательству (къ сочиненію новаго уложенія) выборныхъ представителей дворянства. Выражаясь языкомъ и примѣняя мѣрки нашего времени, въ XVIII вѣкѣ „борьба за конституцію" проявлялась въ такой формѣ: „абсолютизмъ", или „бюрократія" или „деспотизмъ" ведутъ борьбу противъ „общества": „абсолютизмъ" желаетъ освобожденія „общества", завоеванія „обществомъ" политической свободы, участія депутатовъ въ законода-

---

[1]) М. Н. Покровскій. Ист. Р. въ XIX в. Изд. бр. А. и И. Гранатъ. Вып. I, стр. 13.

тельной дѣятельности. „Общество“, напротивъ, цѣпляется руками и ногами за свое „закрѣпощеніе“ и борется противъ „бюрократіи“ за право не участвовать въ законодательствѣ: депутаты прячутся отъ поѣздки въ столицу, избиратели рады все свалить на „матернее цѣломудренное разсмотрѣніе и соизволеніе“. Въ этой „борьбѣ за конституцію“ навыворотъ мы имѣемъ на самомъ дѣлѣ фактъ давней, идущей отъ эпохи натуральнаго хозяйства, борьбы между центробѣжными и центростремительными тенденціями внутри землевладѣльческаго класса. И высшая „бюрократія“, какъ представитель тенденцій центростремительныхъ, естественно дѣлаетъ усилія къ дальнѣйшему сплоченію дворянско-землевладѣльческаго класса, къ созыву выборныхъ депутатовъ. Мѣстные землевладѣльцы дворяне отставали отъ своего центра и, какъ представители тенденцій центробѣжныхъ, прятались отъ участія въ законодательствѣ.

Попытки нарушить принципъ абсолютной монархіи, проекты реорганизаціи дворянства исходили изъ центра. Одною изъ нихъ была попытка членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта (верховниковъ) при воцареніи имп. Анны Іоанновны.

Для лучшаго освѣщенія событій 1730 года необходимо напомнить о томъ, что дѣлалось въ центрѣ общедворянской организаціи въ періодъ между смертью Петра I и приглашеніемъ Анны Іоанновны занять вакантный престолъ.

Послѣ смерти Петра I остались нѣсколько его родственниковъ и жена Екатерина, бывшая служанка пастора Глюка (въ Лифляндіи), попавшая въ плѣнъ къ русскимъ вмѣстѣ со своимъ господиномъ и взятая къ себѣ Меньшиковымъ.

Право Екатерины на занятіе престола было очень сомнительно. Но къ ней явились офицеры гвардіи съ заявленіемъ о готовности поддерживать ея кандидатуру. Вельможи, зная о предстоящей кончинѣ Петра, въ свою очередь собрались для обсужденія вопроса о новомъ императорѣ. Не было и рѣчи о созывѣ земскаго собора. Шла только внутренняя передряга среди высшихъ членовъ дворянской организаціи.

Князья Голицынъ, Долгорукій, Репнинъ и одинъ изъ Апраксиныхъ выдвинули кандидатуру внука умирающаго императора, — Петра II; Меньшиковъ, Толстой, Бутурлинъ и другой Апраксинъ — кандидатуру Екатерины. Первые готовы были пойти на сдѣлку: возвести на престолъ малолѣтняго Петра, а правленіе, до его совершеннолѣтія, поручить Екатеринѣ. Сторонники послѣдней не пошли на это предложеніе; ихъ поддерживали гвардейскіе офицеры, собравшіеся въ углу залы совѣщанія. Никто изъ приверженцевъ Петра, — говоритъ историкъ, — не рѣшался спросить, зачѣмъ тутъ эти офицеры, а приверженцы Екатерины знали зачѣмъ. Около дворца собрались гвардейскіе полки Репнинъ спросилъ:

— Кто осмѣлился привести ихъ сюда безъ моего вѣдома? Развѣ я не фельдмаршалъ?

— Я велѣлъ придти имъ сюда, по волѣ императрицы, которой всякій подданный долженъ повиноваться, не исключая и тебя, — возразилъ генералъ Бутурлинъ.

Споры еще продолжались, но вопросъ въ сущности былъ рѣшенъ. Петръ I умеръ. Екатерина поручаетъ себя сенаторамъ, какъ вдову и сироту. Ее провозглашаютъ императрицей. Благодаря присутствію гвардіи, въ Петербургѣ не предвидится осложненій. Но что скажетъ Москва? Туда спѣшатъ послать генерала Дмитріева-Мамонова, чтобы распорядиться военными силами; онъ поспѣшно собираетъ солдатъ, сколько возможно,—и Москва подчиняется рѣшенію Петербурга. „Вель, можи хотѣли управлять при женщинѣ,—говоритъ С. М. Соловьевъ,— и они теперь дѣйствительно управляли. Въ ночь на 28 января много было говорено въ пользу Екатерины, въ пользу ея мужества и способностей правительственныхъ“. Но „знаменитая ливонская плѣнница принадлежала къ числу тѣхъ людей, которые кажутся способными къ правленію, пока не принимаютъ правленія“.

Борьба высшихъ дворянскихъ группъ не совсѣмъ утихла. Въ началѣ 1726 года разнесся слухъ, что недовольные члены центральной дворянской организаціи собираются замѣнить Екатерину I Петромъ II. Толстой спѣшитъ вступить въ сдѣлку съ недовольными,—и въ результатѣ является учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта, подъ болѣе или менѣе благовиднымъ предлогомъ. Въ составъ Совѣта вошли: Меньшиковъ, Апраксинъ, Толстой, Голицынъ, Головкинъ и Остерманъ. Не попавшіе въ новое учрежденіе вліятельные землевладѣльцы-дворяне, конечно, ропщутъ, но ничего не успѣваютъ предпринять, какъ Екатерина I умираетъ. На престолъ вступаетъ одиннадцатилѣтній мальчикъ Петръ II. До совершеннолѣтія новаго императора долженъ управлять Верховный Тайный Совѣтъ, въ которомъ Меньшиковъ занималъ руководящее положеніе.

Чтобы удержать за собою первенствующее положеніе въ государствѣ, Меньшиковъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ военное управленіе и старался имѣть на своей сторонѣ людей „способныхъ и значительныхъ“,—по выраженію С. М. Соловьева. Нужно было также овладѣть личностью Петра II. Меньшиковъ перевезъ его въ свой домъ на Васильевскомъ островѣ и обручилъ съ своей дочерью. Но, очевидно, партія, враждебная Меньшикову, была достаточно сильна. Ей нужно было только оформить свой перевѣсъ, получить согласіе императора-ребенка, чтобы свергнуть главу противной партіи. „Судьба государства“, какъ выражаются историки идеалистическаго міровоззрѣнія, зависѣла отъ того, какъ скоро удастся той или другой сторонѣ подчинить ребенка своему вліянію. Началось возстановленіе ребенка

противъ его опекуна,—конечно, путемъ пріемовъ, доступныхъ дѣтскому пониманію: изъ за вопроса о подаркахъ, охотѣ, развлеченіяхъ. Опекунъ заболѣлъ,—ребенку даютъ свободу порѣзвиться; возстановленіе болѣе нормальнаго порядка воспитанія, послѣдовавшее за выздоровленіемъ опекуна, вызываетъ въ мальчикѣ раздраженіе. Дальше—больше. Меньшиковъ потерялъ личное вліяніе на Петра. Оставалось нанести послѣдній ударъ. И къ подписи ребенка подносятъ Высочайшій Указъ:

„Понеже мы всемилостивѣйшее намѣреніе взяли отъ сего времени сами въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ присутствовать и всѣмъ указамъ отправленнымъ быть за подписаніемъ собственныя нашея руки и Верховнаго Тайнаго Совѣта, того ради повелѣли, дабы никакихъ указовъ или писемъ, о какихъ бы дѣлахъ оныя ни были, которые отъ князя Меншикова или отъ кого бъ иного партикулярно писаны или отправлены будутъ, не слушать и по онымъ отнюдь не исполнять, подъ опасеніемъ нашего гнѣва; и о семъ публиковать всенародно во всемъ государствѣ и войскѣ изъ Сената“.

Меньшиковъ свергнутъ, арестованъ. Настало время,—по выраженію С. М. Соловьева,—„подѣлить наслѣдство; это наслѣдство—была воля малолѣтняго царя, которою надобно было овладѣть, чтобъ стать въ челѣ управленія, занять мѣсто свѣтлѣйшаго князя“.

Далѣе—сказка про бѣлаго бычка.

Сказка надоѣдливая, утомительная и опасная.

Петръ II скоро умеръ. Приглашая на престолъ Анну Іоанновну, члены Верховнаго Тайнаго Совѣта рѣшили принять мѣры къ прекращенію этой сказки. Они хотѣли утвердить свое положеніе, оградить прежде всего самихъ себя отъ всякихъ случайностей. Они поставили новой императрицѣ нѣкоторыя условія,—знаменитые „пункты“ или „кондиціи“.

Согласно кондиціямъ, императрица обязывается стоять за православіе, не вступать въ супружество и не назначать себѣ наслѣдника; затѣмъ, безъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, состоящаго изъ 8 лицъ, 1) не начинать войны, 2) не заключать мира, 3) не „отягощать податьми“, 4) не жаловать въ чины выше полковничьяго, „ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять, а гвардіи и прочимъ войскамъ быть подъ вѣдѣніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта“; 5) „у шляхетства живота, имѣнія и чести безъ суда не отнимать“; 6) вотчины и деревни не жаловать; 7) въ придворные чины не производить; 8) „государственные доходы въ расходъ не употреблять и всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать; а буде чего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны Россійской“.

Анна, вдова герцога Курляндскаго, не имѣвшая въ сущности никакихъ правъ на россійскій престолъ, конечно охотно подписала

эти условія, тѣмъ болѣе что на ея личные расходы, въ ея распоряженіе, была назначена сумма, достаточно солидная. Но когда вѣсть о кондиціяхъ разнеслась среди дворянскихъ верховъ, собравшихся въ Москву, она была встрѣчена далеко не съ тѣмъ легкимъ сердцемъ, съ какимъ могла подписать ихъ новая представительница абсолютной монархіи. Первое впечатлѣніе отъ кондицій было то, что въ Россіи отнынѣ будетъ вмѣсто одного государя—девять. „Боже сохрани, чтобъ не сдѣлалось вмѣсто одного самодержавнаго государя девяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій!—восклицалъ Волынскій: Такъ мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ!“ Любопытно, что позднѣйшій историкъ,—С. М. Соловьевъ,—вовсе забываетъ о девятомъ государѣ о самой Аннѣ: „вмѣсто одного государя—восемь“,—резюмируетъ онъ впечатлѣніе отъ пунктовъ [1]).

Сенатъ, генералитетъ, знатнѣйшее шляхетство недовольны. Недовольны прежде всего тѣ, кто самъ хотѣлъ бы попасть въ число верховныхъ государей, но не попалъ. Поэтому одинъ за другимъ сыплются проекты: увеличить число верховныхъ государей до 12, до 15, до 21 человѣка. Затѣмъ: какъ пополнять убыль въ Совѣтѣ? Самъ ли онъ пополняетъ себя? Предлагается ввести выборъ новыхъ членовъ высшимъ дворянствомъ, въ той или иной формѣ. При этомъ волнуются изъ-за вопроса не только о личностяхъ новыхъ государей, но и, такъ сказать, о династіяхъ: предлагаются ограниченія, чтобы въ Совѣтѣ не было одновременно болѣе двухъ лицъ одной династіи („фамиліи“).

Совѣтъ видитъ себя вынужденнымъ согласиться на то, чтобы въ немъ не было одновременно двухъ государей одной династіи, чтобы новые члены избирались Совѣтомъ совмѣстно съ Сенатомъ „изъ первыхъ фамилій“, и наконецъ, чтобы число государей было увеличено до двѣнадцати. Но количество обойденныхъ и обиженныхъ государей-дворянъ остается еще очень велико.

Въ большомъ залѣ дворца собираются до 800 человѣкъ сенаторовъ, генераловъ и другихъ государей-дворянъ, случившихся въ столицѣ. Они подаютъ просьбу новой императрицѣ. Благодарятъ ее за „неизреченную милость“ подписанія условій, но выражаютъ недовольство самымъ содержаніемъ этихъ условій, ролью, которая ими отводится Верховному Тайному Совѣту, и просятъ приказать разсмотрѣть различные проекты реорганизаціи дворянства, призвавши по одному или по два человѣка изъ каждой династіи („фамиліи“) дворянъ-государей.

Анна подписываетъ согласіе на эту просьбу. Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта видятъ, что власть готова ускользнуть изъ ихъ рукъ; они „стояли совершенно пораженные“. Въ это время сторонники сохра-

[1]) Ист. Р. съ др. вр. т. XIX, гл. III.

ненія старой формы общедворянской организаціи, въ томъ числѣ большинство гвардейскихъ офицеровъ, подняли шумъ.

— Не хотимъ, кричали они, чтобъ государынѣ предписывались законы! Она должна быть такою же самодержицею, какъ были всѣ прежніе государи.

Анна, „раздраженная шумомъ", стала унимать слишкомъ вѣрноподданныхъ буяновъ. Но они отвѣчали:

— Государыня! Мы вѣрные подданные Вашего Величества. Мы вѣрно служили прежнимъ великимъ государямъ, и сложимъ свои головы на службѣ Вашего Величества! Но мы *не можемъ терпѣть*, чтобы Васъ притѣсняли. Прикажите, государыня, и мы принесемъ къ Вашимъ ногамъ головы Вашихъ злодѣевъ!

Однако, не только „злодѣи", но и сама Анна почувствовала въ этотъ моментъ, что положеніе не безопасно. Въ рукахъ одной изъ дворянскихъ партій была теперь подписанная императрицею просьба о реорганизаціи дворянства. Но,—замѣчаетъ историкъ,—къ чему повело бы это, когда уже такъ громко было заявлено желаніе, чтобы возстановленъ былъ старый порядокъ вещей; когда представители вооруженной силы высказались, что *не позволятъ* предписывать законовъ государынѣ?" [1]) Становясь далѣе на точку зрѣнія Анны, тотъ же историкъ, между прочимъ, высказываетъ слѣдующій взглядъ на создавшееся положеніе: „Русское знатное шляхетство подозрительно; правда, оно было противъ верховниковъ; но оно сочиняло разные проекты государственнаго устройства и 25 февраля просило свободы просмотрѣть эти проекты и составить одинъ, наиболѣе удовлетворительный; только энергичное движеніе гвардіи *заставило поспѣшить* возстановленіемъ самодержавія. *Надобно* привязать къ себѣ эту гвардію"... Это разсужденіе требуетъ поправокъ. Во первыхъ, отъ С. М. Соловьева же мы знаемъ, что гвардія состояла изъ шляхетства; противополагать гвардію и шляхетство невозможно. Во вторыхъ, историкъ приписываетъ Аннѣ непремѣнное желаніе сохранить самодержавіе и характеризуетъ ея положеніе именно съ точки зрѣнія наличности властолюбивыхъ замысловъ. Какъ же воспользовалась Анна своимъ новымъ положеніемъ, которое юридически являлось полнымъ удовлетвореніемъ притязаній властолюбія? „Чтобы успокоиться, забыться среди *постоянно тяжелыхъ* обстоятельствъ жизни," —она отдалась внѣшнимъ развлеченіямъ, празднествамъ, женской болтовнѣ, вознѣ съ шутами. Смѣемъ думать, что всѣмъ этимъ можно было заниматься и безъ званія представительницы абсолютной монархіи. Поэтому, анализируя характеръ внутридворянской передряги

---

[1]) С. М. Соловьевъ. Тамъ же.

1730 года, можно безъ ущерба для выясненія истины отложить въ сторону личныя желанія Анны.

Что же представляла собою попытка верховниковъ съ чисто классовой, дворянско-землевладѣльческой точки зрѣнія? Изъ новѣйшихъ работъ по исторіи событій 1730 года заслуживаетъ наибольшаго вниманія незначительная по размѣрамъ, но важная по содержанію статья П. Милюкова „Верховники и Шляхетство“ [1]). П. Милюковъ склоненъ разсматривать дѣйствія верховниковъ, какъ попытку борьбы противъ самодержавія. И въ то же время онъ вынужденъ признать нѣкоторую, хотя бы очень относительную, глубину за взглядомъ на эту попытку, какъ на боярскую реакцію „противъ демократическаго и бюрократическаго деспотизма Петровской реформы“. Въ чемъ же реакція? Мы знаемъ, что въ XVII вѣкѣ землевладѣльческій классъ былъ расколотъ на части; одной изъ этихъ частей были верхи класса—боярство. На рубежѣ XVII и XVIII в.в. всѣ землевладѣльческіе элементы сливаются воедино,—въ шляхетство, потомъ переименованное въ дворянство „Боярская реакція“ состояла, слѣдовательно, въ томъ, чтобы вновь противопоставить одну часть класса другой части, чтобы надѣлить верхи дворянства особыми политическими и соціальными привиллегіями по сравненію съ дворянской массой. „Конституціонная попытка“ 1730 года была, такимъ образомъ, направлена по формѣ—противъ абсолютизма, по существу дѣла—противъ дворянской массы.

Это подтверждается отчасти и другими указаніями П. Милюкова.

У верховниковъ были, собственно говоря, два проекта реорганизаціи государственнаго строя. Первый изъ нихъ—кондиціи—мы уже знаемъ. Второй не былъ своевременно доведенъ до свѣдѣнія дворянства 1730 года: оно знало только кондиціи. А кондиціи, соглашается и П. Милюковъ, взятыя сами по себѣ, „конечно, производили то впечатлѣніе, что составители ихъ только и заботились объ огражденіи личности и имущества членовъ верховнаго совѣта“. То есть, члены совѣта противопоставлялись кондиціями всему остальному дворянству: слѣдовательно, это дворянство въ правѣ было смотрѣть на замыслы верховниковъ, какъ на реакціонно-боярскіе замыслы. Слѣдовательно, вообще, борьба „противъ абсолютизма“ сама по себѣ, взятая внѣ обстоятельствъ времени и мѣста, не является непремѣнно абсолютно-прогрессивной борьбой: въ извѣстные моменты исторіи прогрессивнымъ явленіемъ можетъ являться именно „абсолютизмъ“, а реакціоннымъ—борьба противъ него. Въ данномъ случаѣ, въ событіяхъ 1730 года, не совсѣмъ не права была та часть дворянства, которая говорила о верховникахъ: „И хотя бы они преполезное нѣчто усмот-

[1]) Имѣется въ отдѣльномъ изданіи «Донской Рѣчи» 1905 г.

рѣли, однако жъ скрывать то передъ другими, а наипаче и правительствующимъ особамъ не сообщать—непріятно то и смрадно пахнетъ".

Но верховники не ограничились скрываніемъ своихъ плановъ. Они прямо противопоставили себя остальному дворянству путемъ угрозъ арестомъ, пытками и т. д. по отношенію къ тѣмъ дворянамъ, которые, по тѣмъ или инымъ мотивамъ, противились замысламъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Поведеніе Совѣта объединило противъ себя и сторонниковъ конституціи (таковые имѣлись), и поборниковъ сохраненія старыхъ формъ общедворянской организаціи: конституціоналистовъ „удалось склонить на свою сторону партіи самодержавія".

Конституціоналисты 1730 года, очевидно, не отличались ни силою, ни настойчивостью. Дворянству въ цѣломъ выгоднѣе было сохраненіе стараго порядка. И еще разъ, для отвѣта на вопросъ: почему выгоднѣе?—приходится напомнить о боевомъ положеніи дворянства по отношенію къ другимъ классамъ, и о политической идеологіи недворянскихъ элементовъ населенія.

Мы уже знаемъ, что идеологія низовъ Московскаго государства не шла дальше представленія о государствѣ, какъ о вотчинѣ государя-царя, хозяина-государя всей русской земли. Какъ хозяинъ, онъ заботится о благоустройствѣ въ своей вотчинѣ. Онъ хочетъ благосостоянія крестьянскаго. Но дворяне, ставшіе между царемъ и народомъ, мѣшаютъ царскимъ благимъ намѣреніямъ. Чтобы защитить крестьянскіе интересы, нужно протянуть руку царю черезъ голову дворянъ. Теперь представьте себѣ, что эта надежда протянуть руку рушится: положеніе дворянъ между царемъ и народомъ закрѣпляется навсегда путемъ закона, власть государя-царя ограничивается. Укрѣпитъ ли новый порядокъ положеніе господствующаго класса? Очевидно, нѣтъ. Естественно, поэтому, что въ манифестѣ о восшествіи на престолъ Анны и въ формулѣ присяги Совѣтъ не рѣшился отступить отъ обычныхъ формъ. Свою нерѣшительность,—говоритъ С. Милюковъ,—Совѣтъ „прикрывалъ тѣмъ соображеніемъ, что народъ могъ бы считать ограниченіе власти Анны вынужденнымъ верховниками", если бы кондиціи были опубликованы раньше пріѣзда Анны въ Москву. „Но и послѣ пріѣзда Анны дѣйствія Совѣта не сдѣлались рѣшительнѣе". Очевидно, Совѣтъ лучше, чѣмъ современные намъ историки, понималъ всю опасность опубликованія кондицій.

Что Совѣтъ понималъ, какими опасностями угрожаетъ дворянско-землевладѣльческому сословію ограниченіе самодержавія, видно и изъ неопубликованнаго въ свое время второго проекта верховниковъ, — собственно проекта кн. Голицына. По этому проекту, носившему въ цѣломъ „аристократическій отпечатокъ", верховная власть принадлежитъ императрицѣ вмѣстѣ съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ изъ

10 — 12 членовъ знатнѣйшихъ фамилій. Сенатъ (изъ 30 — 36 лицъ) предварительно разсматриваетъ дѣла, вносимыя въ Совѣтъ. Палата нисшаго шляхетства (изъ 200 членовъ) охраняетъ права этого сословія. Палата городскихъ представителей, по два отъ каждаго города, вѣдаетъ торговыя дѣла и интересы простого народа.

Палата городскихъ представителей, — въ ней то и весь центръ тяжести при рѣшеніи вопроса, что было выгоднѣе дворянамъ: самодержавіе или конституція. Конечно, не изъ любви къ купцамъ и посадскимъ кн. Голицынъ проектировалъ участіе городскихъ представителей въ центральной власти; очевидно, онъ понималъ, что дворянство могло реорганизоваться, только подѣлившись долей господства съ владѣльцами городскихъ имуществъ, съ обладателями торговаго и промышленнаго капитала. Но спрашивается: ради чего стало бы дворянство подрывать полноту своего собственнаго политическаго господства, наносить ударъ самому себѣ? Внутренняя дворянская реорганизація, конституція, купленная такою дорогою цѣною, оказывалась для дворянъ товаромъ неподходящимъ.

И они, съ своей точки зрѣнія, были вполнѣ правы.

Сплоченный дворянскимъ „взаимнымъ человѣколюбіемъ“, землевладѣльческій классъ праздновалъ въ теченіе всего XVIII вѣка почти непрерывныя побѣды надъ другими классами. Въ началѣ вѣка крѣпостной крестьянинъ по закону еще не былъ рабомъ: за нимъ признавалась гражданская правоспособность и дѣеспособность; онъ могъ и съ казною вступать въ подряды и договоры. При Петрѣ II запрещено было свободное поступленіе крестьянъ на военную службу, что раньше служило способомъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости. Въ 1730 году крестьянамъ запрещено покупать недвижимыя имѣнія; въ 1731— вступать въ откупа и подряды; въ 1736 — отправляться на промыселъ безъ разрѣшенія помѣщика; въ 1734 — заводить суконныя фабрики; въ 1731 г. крестьяне подчинены помѣщикамъ въ податномъ отношеніи; около того же времени помѣщики получаютъ право переселять крестьянъ изъ уѣзда въ уѣздъ; въ 1731 г. крестьяне исключаются изъ присяги на вѣрноподданство,—они уже считаются вещью, а не людьми. Затѣмъ дворяне начинаютъ пользоваться своей организаціей для наказанія крестьянъ, — начинаютъ ссылать ихъ безъ суда на поселеніе, а съ 1766 г. и на каторгу „за дерзости“. Въ 1767 году крестьянамъ запрещено приносить жалобы на помѣщиковъ,—общедворянская (государственная) организація не желаетъ принимать жалобъ на своихъ сочленовъ.

Рядомъ съ этимъ растетъ преобладаніе дворянства и надъ другими классами. Въ 1746 году запрещено кому бы то ни было, кромѣ дворянъ, покупать крестьянъ съ землею или безъ земли. Въ 1754 и 1758 г.г. подтверждено это запрещеніе; всѣмъ не-дворянамъ, если они

владѣютъ крестьянами, предписано продать своихъ крѣпостныхъ. Позже запрещеніе покупать крестьянъ распространяется и на личныхъ дворянъ, то есть выходцевъ изъ другихъ классовъ, дослужившихся только до малыхъ чиновъ. Владѣніе недвижимыми имуществами стало дворянской привилегіей, строго охраняемой. Дворянство рѣзче обособляется, какъ классъ, и проявляетъ слабую тенденцію замкнуться, какъ сословіе, затруднить полученіе дворянскаго званія.

О томъ, что служащее дворянство постепенно повышало себѣ денежные оклады, и что такимъ образомъ обязательность личнаго участія дворянъ въ ихъ организаціи стала излишней, мы уже говорили раньше.

Но ростъ окладовъ былъ результатомъ роста бюджета, роста денежнаго хозяйства въ странѣ. Въ развитіи денежнаго хозяйства дворяне были заинтересованы вовсе не только съ точки зрѣнія 20-го числа. Они давно поняли выгоду „циркуляціи денегъ“, какъ выразился одинъ дворянскій депутатъ въ Екатерининской Комиссіи,—выгоду ея для продавца продуктовъ помѣщичьяго хозяйства и для владѣльца крѣпостныхъ рабочихъ рукъ, отпускаемыхъ на оброкъ въ городъ или на фабрику. Московское государство, выросшее въ Россійскую Имперію, сложилось изъ землевладѣльцевъ съ торгово-промышленной окраской. Скудная почва и суровый климатъ не давали населенію возможности отдаться исключительно земледѣлію, а землевладѣльцу мѣшали превратиться въ представителя совершенно обособленной хозяйственной единицы натуральнаго хозяйства. Захватъ черноземныхъ площадей мало измѣнилъ положеніе дѣлъ: въ черноземныхъ областяхъ главными захватчиками земли являлись все тѣже крупные землевладѣльцы промышленнаго центра. Поскольку же на черноземѣ могло образоваться чисто сельско-хозяйственное землевладѣніе, оно было разрознено и безсильно противъ сплоченнаго землевладѣнія центральныхъ областей. Такимъ образомъ въ дворянствѣ постоянно имѣли перевѣсъ владѣльцы хозяйствъ, наиболѣе втянутыхъ въ денежный оборотъ. Правительственная власть была въ рукахъ этой, болѣе прогрессивной части дворянства, и правительство стояло во главѣ прогрессивныхъ начинаній вѣка.

Оно было прогрессивно, поскольку это требовалось для дворянъ-землевладѣльцевъ. Въ этой именно мѣрѣ правительство стремилось къ подъему культуры, къ просвѣщенію, къ перенесенію въ Россію условій европейскаго буржуазнаго прогресса. Землевладѣльческое хозяйство поднималось, государственная территорія расширялась для новыхъ захватовъ. Дворянскій центръ, наученный горькимъ опытомъ верховниковъ, ставшихъ въ 1730 году „безпомощными, какъ дѣти“, въ цѣломъ чутко прислушивался къ голосу землевладѣльческой массы, шелъ навстрѣчу нарождающимся дворянскимъ потребностямъ. При такихъ усло-

віяхъ къ чему, спрашивается, понадобилось бы дворянской массѣ стремиться къ ломкѣ своей центральной организаціи?

16. О формахъ внутридворянской борьбы.

Борьба между различными группами внутри класса—явленіе болѣе или менѣе неизбѣжное. Классъ самъ по себѣ величина очень сложная; въ немъ переплетаются интересы разнообразные, доходящіе временами до полной противоположности. Сверхъ того, въ каждый отдѣльный моментъ могутъ выступить на первый планъ интересы той или иной группы. Наконецъ, поскольку рѣчь идетъ о политическомъ выраженіи интересовъ класса, нужно имѣть въ виду, что иногда возможно, со стороны центральной политической организаціи, уклоненіе въ сторону отъ прямого служенія интересамъ класса,—въ силу ли неправильнаго пониманія этихъ интересовъ или по какимъ-либо особымъ мотивамъ руководителей. Форма политической организаціи класса можетъ считаться удовлетворяющей своему назначенію только въ томъ случаѣ, когда на лицо имѣются способы исправить всякое уклоненіе, вернуть руководителей политики на путь прямого и правильно понятаго служенія интересамъ класса.

Имѣются ли такіе способы при политической организаціи экономически-господствующаго класса по типу абсолютной монархіи?

Конечно, при всякой формѣ организаціи возможны конфликты, выходящіе изъ рамокъ легальности. Конституціонный строй не предохранилъ Францію XIX вѣка отъ революцій 1830 и 1848 года,—отъ революціонныхъ конфликтовъ внутри буржуазнаго класса. Но въ настоящей главѣ мы имѣемъ въ виду не революціонные, а легальные способы разрѣшенія конфликтовъ.

При конституціонномъ строѣ внутриклассовая легальная борьба разыгрывается обыкновенно на аренѣ буржуазныхъ парламентовъ. Тамъ, какъ на центральномъ пунктѣ, она сосредоточивается на вопросѣ о составѣ министерства. Критикѣ подвергается дѣятельность министровъ. Конституціонный монархъ предполагается стоящимъ внѣ партій; о его личности не принято упоминать въ парламентскихъ преніяхъ. Этотъ обычай—прямое продолженіе формы партійной борьбы въ абсолютной монархіи, подобно тому, какъ цензовое избирательное право является продолженіемъ и видоизмѣненіемъ политическихъ сословныхъ привилегій.

Какъ въ конституціонныхъ, такъ и въ абсолютныхъ монархіяхъ борьба бываетъ направлена противъ министровъ и вообще главнѣйшихъ представителей исполнительной власти, – совѣтниковъ короны. Перемѣна исполнителей и здѣсь разсматривается, какъ перемѣна по-

литическаго курса. Извѣстно, напримѣръ, какъ въ свое время было въ Россіи понято назначеніе графа Панина на мѣсто умершаго предсѣдателя редакціонныхъ комиссій гр. Ростовцова. И борьба противъ принятаго политическаго курса или его поддержка принимаетъ форму борьбы за или противъ „совѣтниковъ“.

Противъ абсолютнаго монарха, какъ и противъ конституціоннаго, высказываться не принято. Противъ „совѣтниковъ“ говорить можно,— говорить достаточно свободно и рѣзко, лишь бы не выходить изъ предѣла отстаиванія такъ или иначе понимаемыхъ интересовъ господствующаго класса.

Для иллюстраціи приведу два-три примѣра изъ нашей исторіи. Правда, хронологически эти случаи выходятъ изъ предѣловъ XVIII вѣка. Но вѣдь намъ важно тутъ рѣшить общій вопросъ о томъ, является ли „государство“ при абсолютной монархіи угнетателемъ, деспотомъ по отношенію ко всѣмъ классамъ населенія или же нѣтъ. Въ Россіи XIX вѣка, по сравненію съ Россіей XVIII вѣка, государственный строй („абсолютизмъ“) росъ и укрѣплялся, а не разлагался. И если мы даже въ XIX вѣкѣ встрѣтимъ случаи легальной борьбы противъ принятаго политическаго курса, то тѣмъ болѣе мы докажемъ возможность такой борьбы для XVIII вѣка.

Вотъ одинъ примѣръ, изъ эпохи имп. Александра I, начавшаго либеральную эру. Преобладающая и болѣе сильная часть дворянства была недовольна конституціонными замыслами императора и его мечтаніями объ уничтоженіи крѣпостного права. Лидеромъ этой части дворянства явился Н. Карамзинъ съ своей Запиской; онъ не осуждаетъ монарха; онъ пишетъ:

„Минувшаго не возвратить! Было время, когда Александръ могъ легко возобновить систему Екатеринина царствованія... Теперь уже поздно... Для славы государя вредно съ торжественностью признаваться въ десятилѣтнихъ заблужденіяхъ, произведенныхъ *самолюбіемъ его весьма неглубокомысленныхъ совѣтниковъ*“.

Вся записка является протестомъ противъ „совѣтниковъ“. Это— легальная форма протеста. Правда, та же записка переполнена намеками на возможность протеста, такъ сказать, и сверхлегальнаго, но сама она не выходитъ изъ предѣловъ легальности. Извѣстно, что Карамзинымъ,—вѣрнѣе, партіей, выдвинувшей Карамзина, какъ своего лидера,— была одержана полная побѣда надъ непріятными „совѣтниками“.

Сравните съ Запиской Карамзина форму протеста дворянъ, недовольныхъ первыми шагами правительства по подготовкѣ реформы 19 февраля 1861 года. Въ проектѣ адреса дворянъ, группировавшихся вокругъ сенатора Безобразова, встрѣчаемъ слѣдующія строки: „Мы не разсуждаемъ, Государь, о намѣреніи и усердіи лицъ, дѣйствующихъ

нынѣ, *но утвердительно говоримъ*, что нужной опытности и знаній *нѣтъ въ правительственномъ кругу для исполненія воли Вашего Величества* и осуществленія ожиданій государства по предмету устройства быта крестьянъ, и что свойствъ этихъ *въ немъ быть не можетъ*". Другими словами: нынѣшніе совѣтники, нынѣшній „правительственный кругъ" долженъ быть замѣненъ другимъ кругомъ. Этотъ адресъ или его проектъ былъ конечно не первой и не послѣдней попыткой измѣнить политическій курсъ, обозначившійся въ то время; онъ категориченъ, но не рѣзокъ. За то совсѣмъ другимъ языкомъ заговоритъ архиблагонамѣренный Погодинъ.

Онъ писалъ въ своей Запискѣ, предназначенной для высшихъ круговъ дворянства: „Государь, очарованный блестящими отчетами, не имѣетъ понятія о настоящемъ положеніи Россіи. Ставъ на высоту недосягаемую, онъ не имѣетъ средствъ ничего слышать; никакая правда до него достигнуть не смѣетъ, да и не можетъ: всѣ пути выраженія мысли закрыты, нѣтъ ни гласности, ни общественнаго мнѣнія, ни апелляціи, ни протеста, ни контроля". Погодинъ, очевидно, забылъ о судьбѣ Записки Карамзина... Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что и Погодинъ, подобно другимъ, ведетъ борьбу противъ министровъ,—не отдѣльныхъ лицъ, а министровъ вообще,—легальную борьбу за передѣлку общедворянской организаціи. Министры виноваты не какъ лица, а въ силу своего положенія. Каждый министръ, по словамъ Погодина, „представляетъ собою въ своемъ вѣдомствѣ самодержавнаго государя и также не имѣетъ никакой возможности узнать правду о своей части; никто ему не скажетъ ея и никто не смѣетъ сказать, боясь попасть на замѣчаніе, возбудить подозрѣніе. Всякій думаетъ только о снисканіи благосклонности начальника предусмотрѣніемъ его мыслей и желаній, предугаданіемъ его намѣреній. Одуренному безпрерывнымъ кажденіемъ лести, развращенному мнимыми успѣхами, въ лентахъ и звѣздахъ, ему естественно уже счесть себя геніемъ непогрѣшимымъ, подобно Далай-Ламѣ. Всякое замѣчаніе онъ вскорѣ уже считаетъ личнымъ для себя оскорбленіемъ, неуваженіемъ власти, злоумышленіемъ либерализма..."

Намъ нѣтъ надобности разбирать мнѣнія Погодина по существу. Мы приводимъ ихъ только какъ лишній образчикъ легальной внутриклассовой борьбы въ абсолютной монархіи. Борьбы противъ „министровъ".

Но поскольку Погодинъ говоритъ объ отсутствіи у насъ въ дореформенный періодъ путей для мысли, объ отсутствіи гласности, возможности протеста и т. д., онъ ведетъ рѣчь какъ разъ о темѣ, подлежащей сейчасъ нашему разсмотрѣнію. И мы должны остановиться на этихъ мысляхъ Погодина, тѣмъ болѣе, что онѣ выражаютъ собою общепринятое мнѣніе.

Не будетъ большой натяжкой, если мы, переводя эту жалобу Погодина на современный намъ языкъ, формулируемъ ее, какъ жалобу на недостаточность въ Россіи свободъ: свободы союзовъ, собраній, слова, печати. Посмотримъ же, насколько основательны эти жалобы, насколько былъ виноватъ въ недостаткѣ свободъ такъ называемый абсолютизмъ или такъ называемое „государство".

При этомъ нужно не забывать двухъ вещей. Во первыхъ, нельзя забывать о томъ, что абсолютныхъ свободъ въ классовомъ обществѣ вообще не существуетъ и существовать не можетъ; рѣчь можетъ идти только о свободѣ для того или иного класса. И въ классовыхъ республикахъ, даже самыхъ демократическихъ, свободы на практикѣ нигдѣ не примѣняются въ одинаковой мѣрѣ по отношенію, съ одной стороны, къ господствующему классу буржуазныхъ собственниковъ, и съ другой стороны—по отношенію къ пролетаріату. Пролетаріи пользуются свободами лишь въ той мѣрѣ, въ какой успѣли завоевать ихъ для *своего* класса; и должны быть постоянно готовы защищать *свои* свободы отъ покушеній со стороны буржуазныхъ государственныхъ организацій. Поэтому и при разсмотрѣніи вопроса о свободахъ въ Россіи XVIII вѣка приходится говорить не о свободахъ вообще, а о свободахъ для опредѣленныхъ классовъ,—въ частности о свободахъ для дворянско-землевладѣльческаго класса.

Во вторыхъ не надо забывать и того, что одно и тоже явленіе можетъ принимать различныя формы, въ зависимости отъ условій времени и мѣста. Говоря о XVIII вѣкѣ въ Россіи, было бы ошибкой искать проявленій свободы именно въ той формѣ, въ какой мы встрѣчаемъ эти проявленія въ развитыхъ капиталистическихъ обществахъ.

Начнемъ съ вопроса о свободѣ печати. Эта свобода, какъ и сама печать, представляетъ собою явленіе новѣйшаго времени. Потребность въ печатномъ словѣ возникаетъ тогда, когда сношенія между людьми достигаютъ уже высокой степени интенсивности; эта потребность растетъ съ ростомъ денежнаго хозяйства. Въ Россіи XVIII вѣка денежное хозяйство еще не было господствующимъ; но оно уже играло большую роль. И печатное слово стало потребностью, безъ удовлетворенія которой уже трудно было обойтись. Была-ли у насъ въ то время свобода печати?

Несомнѣнно, была. Конечно, свобода печати только для господствующаго класса, дворянско-землевладѣльческая свобода печати,—такъ какъ господство этого класса было полное: это была диктатура класса, благополучіе котораго покоилось на землевладѣніи съ крѣпостнымъ трудомъ. Спрашивается: бывали-ли въ Россіи случаи, когда „абсолютизмомъ" ограничивалось бы печатное слово въ защиту крѣпостного права, противъ мысли объ освобожденіи крестьянъ? Подвергалась-ли гоненіямъ печать, ратовавшая за дворянскія привилегіи и преимуще-

ства на счетъ другихъ классовъ? Преслѣдовалось-ли превознесеніе дворянства въ связи съ возбужденіемъ презрѣнія къ другимъ классамъ? Ничего подобнаго не было. А такого рода стѣсненія печати вѣдь должны бы были имѣть мѣсто, если бы надъ дворянствомъ, выше дворянства стояла какая-нибудь сила, напримѣръ, „государство", закрѣпостившее всѣ классы и, слѣдовательно, регулирующее отношенія между классами.

На самомъ дѣлѣ не „государство" ограничивало и стѣсняло дворянско-землевладѣльческую свободу печати, а дворянско-землевладѣльческая организація стояла на стражѣ интересовъ своего класса и душила печать, сколько-нибудь враждебную интересамъ этого класса. Она была безпощадна и къ еретикамъ собственнаго класса или къ тѣмъ изъ представителей своего класса, которые имѣли несчастье показаться еретиками дворянскому большинству.

Наиболѣе извѣстной жертвой дворянско-землевладѣльческихъ цензурныхъ гоненій въ Россіи XVIII вѣка была императрица Екатерина II. Извѣстно, сколько труда вложила она въ свой либеральный Наказъ, какъ вѣрила въ его благотворное дѣйствіе, съ какимъ усердіемъ цитировала Монтескье,—между прочимъ и по вопросу о свободѣ печати. „Все превращаетъ и опровергаетъ тотъ,—писала она,—кто дѣлаетъ изъ словъ преступленіе, смертной казни достойное; великое было бы несчастіе въ государствѣ, если бы не смѣлъ никто... свободно говорить своего мнѣнія". Это была, съ классово-дворянской точки зрѣнія, конечно, проповѣдь еретическая; но въ Наказѣ были и ереси болѣе важныя,—напримѣръ ересь о вредѣ крѣпостного права. Классово-дворянская организація не могла потерпѣть такого покушенія на ея священныя права. Извѣстно, что Наказъ подвергся варварской цензурѣ со стороны высшихъ представителей этой организаціи; а затѣмъ и вовсе былъ преданъ гражданской смертной казни съ лишеніемъ всѣхъ правъ печатнаго состоянія,—путемъ пожизненнаго заточенія въ тайникахъ общедворянскихъ канцелярій.

Допуская полнѣйшую свободу печатной борьбы за ростъ крѣпостного права и дворянскихъ привилегій, господствующій классъ стоялъ на стражѣ всей той идеологіи, которая была ему выгодна. Всякое подрываніе основъ этой идеологіи считалось преступленіемъ или, по меньшей мѣрѣ, неприличіемъ. Неприлично было, напримѣръ, сомнѣваться въ томъ, что апостолъ Андрей крестилъ славянъ, что руссы произошли не отъ Руса, а отъ норманновъ и т. п.

Въ концѣ XVIII вѣка дворяне сознавали, что они, по крайней мѣрѣ для себя, пользовались свободой печати. Державинъ прославлялъ Фелицу за то, что она знать и мыслить позволяетъ, и о себѣ не запрещаетъ и быль и небыль говорить. Но когда Радищевъ осмѣлился выйти изъ рамокъ, ограничивающихъ свободу печати защитой дворян-

скихъ интересовъ, тотъ же Державинъ послалъ во слѣдъ осужденному автору злобную эпиграмму; а другъ Радищева, дворянинъ-масонъ Кутузовъ такъ опредѣлилъ рамки свободы: „я не перестану никогда твердить, что критика настоящаго правленія есть непозволенное дѣло и нимало не принадлежитъ литературѣ". Орудіемъ дворянства въ дѣлѣ Радищева было, конечно, „правительство". Но о дѣйствительной роли правительства вотъ что пишетъ, напримѣръ, одинъ изъ современниковъ Радищева: „Потемкинъ не сталъ бы мстить Радищеву, Екатерина пожалѣла бы его молодость; но настояніе другихъ лицъ, на которыхъ Радищевъ бросалъ стрѣлы въ книгѣ, проложило ему дальній путь въ Сибирь" [1]).

Мотивы гоненій противъ печати со стороны дворянскаго „общества" XVIII вѣка представляются намъ подчасъ смѣшными, неразумными Но опять повторяю: среди пострадавшихъ за печатное слово вы не встрѣтите ни одного человѣка, понесшаго кару за слишкомъ энергичную защиту дворянскихъ интересовъ противъ интересовъ другихъ классовъ. Можно ли послѣ этого говорить, что „государство" или существовавшая только въ воображеніи историковъ „бюрократія" стѣсняли дворянско-землевладѣльческую свободу печати?

О свободѣ союзовъ для дворянства и говорить нечего: оно все было объединено въ одинъ союзъ, въ общедворянскую или такъ называемую государственную организацію. Поскольку у отдѣльныхъ слоевъ дворянства возникала не идущая въ разрѣзъ съ классовымъ интересомъ потребность въ другихъ союзахъ,—она находила себѣ удовлетвореніе. Достаточно напомнить объ учрежденіи Имп. Вольно-Экономическаго Общества. Существовали союзы городскіе и сельскіе,—опять таки въ той мѣрѣ, въ какой это было желательно для господствующаго класса. На отсутствіе свободы союзовъ могъ жаловаться кто угодно, но только не дворяне-землевладѣльцы.

О томъ, что бы кто-либо стѣснялъ свободу собраній для лицъ господствующаго класса, въ XVIII вѣкѣ и вопроса не поднималось.

Въ цѣломъ высказываніе своихъ мнѣній лицами, стоявшими на крѣпостнически землевладѣльческой точкѣ зрѣнія, было болѣе чѣмъ свободно: къ этимъ мнѣніямъ чутко прислушивалась центральная власть. И Н. В. Гоголь, терпѣвшій самъ цензурныя стѣсненія, когда изображалъ отрицательныя черты господствующаго класса, не безъ основанія резюмировалъ положеніе дѣлъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Если у автора благія намѣренія, то ему вездѣ просторно, что доказывается дѣятельностью Карамзина. Послѣ этого смѣшны жалобы на то, что у насъ нельзя говорить правду печатно: цензура исключаетъ только запальчивыя слова, обнаруживающія неряшество растре-

---

[1]) Записки С. Н. Глинки. Спб. 1895 г., стр. 205.

панной души. Имѣй чистую душу,—и тебя выслушаютъ внимательнѣе, чѣмъ въ другихъ земляхъ слушаютъ парламентскихъ защитниковъ правъ и лучшихъ проповѣдниковъ". Гоголь былъ вполнѣ правъ, если примемъ во вниманіе, что въ то время чистой душой могла считаться только крѣпостнически-землевладѣльческая душа.

Формы конституціонныхъ свободъ и способы парламентскаго воздѣйствія на центральную власть не выросли изъ ничего: тѣ и другіе существуютъ и въ абсолютныхъ монархіяхъ. Тамъ онѣ были приспособлены къ потребностямъ опредѣленнаго класса.

Когда рядомъ съ господствующимъ классомъ періода абсолютной монархіи вырастаютъ новые классы, и когда экономическая физіономія самого господствующаго класса преобразуется подъ вліяніемъ роста денежнаго хозяйства, тогда возникаетъ потребность въ новыхъ формахъ политической организаціи экономически-господствующихъ классовъ. Политическая реорганизація не обходится безъ борьбы. Классъ, господствовавшій раньше безраздѣльно, пытается удержать въ своихъ рукахъ политическую власть, организація которой была приспособлена къ составу и потребностямъ именно этого класса. Новые классы ставятъ своимъ лозунгомъ такую реорганизацію политическихъ формъ, которая дала бы и имъ участіе въ политической власти. По внѣшности, начавшаяся такимъ образомъ борьба за реорганизацію кажется только борьбой противъ „правительства", борьбой за формы, борьбой чисто политической. Но за этой внѣшностью скрывается борьба экономическихъ интересовъ, борьба классовая. Всякая политическая борьба является борьбой классовъ.

Мы только что видѣли иллюзію, которой поддался представитель крѣпостническаго землевладѣнія Н. В. Гоголь: ему казалось, будто человѣку съ благими намѣреніями „вездѣ просторно", просторно было и въ крѣпостнической Россіи. Закрѣпощенный крестьянинъ, надо полагать, признавалъ какъ разъ обратное: человѣку съ благими намѣреніями вездѣ тѣсно. Это также была иллюзія: государямъ-дворянамъ XVIII вѣка „съ царственнымъ колоритомъ" ихъ власти вовсе не было тѣсно,—ни въ усадьбахъ, ни въ столицахъ. Буржуазная интеллигенція, выросшая у насъ послѣ 1861 года, примѣняя къ старому порядку мѣрку своихъ новыхъ потребностей, поддавалась естественной иллюзіи, будто въ крѣпостной Россіи было всѣмъ тѣсно. Повидимому, такого рода иллюзія сыграла извѣстную роль; она, до нѣкоторой степени, способствовала живучести крѣпостнической фантазіи о „государствѣ", закрѣпощавшемъ будто бы всѣ классы населенія; она въ извѣстной мѣрѣ породила совершенно невѣрныя представленія о „деспотизмѣ", „абсолютизмѣ", „бюрократіи" и тому подобныхъ фантастическихъ величинахъ, будто бы угнетавшихъ и обижавшихъ *всѣ* классы населенія.

Но какъ ни живучи бываютъ иногда иллюзіи,—въ концѣ концовъ разсѣиваются. А факты остаются.

Остается и фактъ политическаго господства крѣпостническиземлевладѣльческаго класса въ Россіи XVII и XVIII вѣковъ.

Признавать полноту политическаго господства крѣпостническиземлевладѣльческаго класса въ извѣстный историческій періодъ—значитъ ли отрицать наличность абсолютной власти монарха въ тотъ же періодъ? Ничуть.

Это значитъ только признавать, что никакая власть, никакая вообще личность не можетъ стать внѣ человѣческаго общества, выше естественныхъ законовъ соціальнаго развитія. Англійскій парламентъ полновластенъ. Онъ все можетъ. Но и онъ не можетъ женщину сдѣлать мужчиной. Всякое полновластіе ограничено законами біологическими, психологическими, соціологическими. Англійскій парламентъ ограниченъ не только въ области превращенія половъ. Психологически онъ ограниченъ принадлежностью большинства членовъ парламента къ извѣстному классу; ихъ сознаніе опредѣляется ихъ интересами, ихъ бытіемъ. Соціологически онъ ограниченъ соотношеніемъ силъ борющихся классовъ. Всякая полнота власти,—лица или собранія, — неограниченная юридическими нормами, всегда ограничена законами общественной эволюціи, законами въ научномъ смыслѣ этого слова.

Раздѣленіе на классы и наличность классовой борьбы на протяженіи исторіи—одинъ изъ основныхъ законовъ соціальнаго развитія. Этого закона не можетъ отмѣнить никакая человѣческая воля, какъ никакая воля не можетъ превратить мужчину въ женщину. Такимъ же неотмѣнимымъ закономъ является и политическое господство класса, господствующаго экономически.

Противополагать „правительство“ абсолютной монархіи всѣмъ классамъ населенія („народу“, „обществу“ и т. п.) или противопоставлять интересы такого правительства интересамъ всѣхъ классовъ мы можемъ ничуть не съ большимъ правомъ, чѣмъ противопоставлять интересы правительства и всего населенія при всякой иной формѣ правленія (конституціонной монархіи, республикѣ). При изложеніи исторіи странъ съ представительной формой правленія о дѣйствіяхъ правительства говорятъ, какъ о выраженіи организованной воли класса. Въ исторіи абсолютныхъ монархій картина моментально мѣняется: забываютъ о борьбѣ классовъ и противопоставляютъ правительство всѣмъ классамъ.

Такое противопоставленіе не имѣетъ никакого серьезнаго основанія. Оно является результатомъ примитивнаго пониманія сущности соціальнаго процесса.

17. Анна Леопольдовна и имп. Елисавета.

Періодъ времени отъ смерти имп. Анны Іоанновны до воцаренія имп. Александра I представляетъ собою на первый взглядъ эпоху переворотовъ, политическихъ смутъ. Въ теченіе какихъ-нибудь шести десятковъ лѣтъ верховные правители насильственно свергаются четыре раза; изъ нихъ два,—Биронъ и Анна Леопольдовна,—одинъ вслѣдъ за другимъ. Затѣмъ правильно чередуются царствованія благополучныя и неблагополучныя. Это явленіе давно привлекало къ себѣ вниманіе историковъ; но объясненія, которыя давались ему, не могутъ считаться удовлетворительными.

Кажется, чаще всего, для объясненія причины смутъ, историки ссылаются на отсутствіе точнаго закона о престолонаслѣдіи. Останавливаться на этомъ мнѣніи не стоитъ: нигдѣ и никогда писанный законъ самъ по себѣ, безъ поддержки общественныхъ силъ, не игралъ и не могъ играть никакой роли.

Вторая причина, на которую ссылаются, это—отсутствіе будто бы прямыхъ наслѣдниковъ у послѣдовательно смѣнявшихся монарховъ. Эта „причина“ также мало заслуживаетъ вниманія. Во первыхъ, прямые наслѣдники бывали; были они и у Петра I, и у Екатерины II. Это не спасло отъ гибели, напримѣръ, имп. Павла I. Во-вторыхъ, при нормальномъ ходѣ дѣлъ для всякаго крупнаго наслѣдства юристы умѣютъ находить законныхъ наслѣдниковъ; найти же наслѣдниковъ для занятія вакантнаго россійскаго престола въ XVIII вѣкѣ юристамъ не стоило никакого труда. Но именно царствованія лицъ, занявшихъ престолъ вопреки всякимъ представленіямъ о правѣ наслѣдства, проходили благополучно (Екатерины I, Анны Іоанновны, Екатерины II); а царствованіе законнѣйшаго со всякой точки зрѣнія имп. Павла I окончилось не благополучно.

Болѣе близки къ здравому взгляду на вещи мнѣнія лицъ, ищущихъ причины переворотовъ не въ фикціяхъ наслѣдственнаго права, а въ соотношеніи реальныхъ интересовъ различныхъ группъ. Но въ поискахъ за этими реальными интересами наши историки ограничиваются только тѣмъ, что идутъ по слѣдамъ С. М. Соловьева и видятъ въ переворотахъ борьбу интересовъ націоналистическихъ: въ переворотахъ XVIII вѣка мы имѣемъ дѣло будто бы съ протестомъ противъ захвата власти иностранцами. Это объясненіе также не выдерживаетъ критики.

Во первыхъ, мы знаемъ, что русское дворянство XVIII вѣка уже давно стало дворянствомъ не столько по крови, сколько по классовому положенію. Родовитость, титулъ почти не играютъ роли. Титулованный

князь, безспорный Рюриковичъ, не могъ попасть на дворянское собраніе, если переставъ быть землевладѣльцемъ; напротивъ, человѣкъ темнаго происхожденія, но обладавшій „большими суммами“, послѣ нѣкотораго служебнаго стажа или денежнаго взноса, принимался дворянами въ свою среду съ распростертыми объятьями, становился полноправнымъ членомъ дворянскаго общества. Русское дворянство давно усвоило себѣ буржуазный, классовый принципъ: деньги не пахнутъ. Оно въ большомъ количествѣ включало въ свою среду и иностранцевъ. Огромный процентъ россійскихъ дворянскихъ фамилій ведетъ свою родословную отъ иноземнаго или инородческаго корня,—литовскаго, польскаго, татарскаго, нѣмецкаго и т. п. Наплывъ иноземцевъ самъ по себѣ не могъ бы служить поводомъ къ цареубійствамъ. Наконецъ, при объясненіи убійства имп. Павла I вопросъ объ иностранцахъ вовсе не поднимается. Можно поэтому предполагать, что національностическіе лозунги въ переворотахъ XVIII вѣка были только внѣшней формой, прикрытіемъ какихъ то другихъ интересовъ, болѣе существенныхъ.

Наконецъ, выставляется еще причина: неспособность къ правленію безвременно погибшихъ правителей. Такъ напримѣръ, С. М. Соловьевъ говоритъ о правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ: „Не было существа, менѣе способнаго находиться во главѣ государственнаго управленія, чѣмъ добрая Анна Леопольдовна. Сильно доставалось ей въ молодости отъ матери, герцогини Екатерины Ивановны, за дикость; императрица Анна имѣла полное основаніе считать племянницу неспособною къ правленію. Не одѣваясь, не причесываясь, повязавъ голову платкомъ, сидѣть бы ей только цѣлый день во внутреннихъ покояхъ съ неразлучною фавориткою, фрейлиною Менгденъ!“ И далѣе: „Но Анна Леопольдовна, не умѣя управлять, скучая дѣлами, хотѣла однако управлять, и это желаніе естественно поддерживали въ ней приближенные люди, которые хотѣли управлять, по крайней мѣрѣ вмѣшиваться въ управленіе, играть видную роль, пользоваться важнымъ значеніемъ. Такими приближенными людьми были фрейлина Менгденъ и графъ Мих. Гавр. Головкинъ“ [1]). Все это не объясняетъ переворота; привычка не причесываться—не достаточный поводъ къ нему; что же касается неспособности вообще, то нужно выяснить, какія же именно способности требовались отъ правителя. И наконецъ, нужно помнить, что дворянство (или, если угодно, Россія) въ XVIII вѣкѣ не очень заботилось о способностяхъ высшаго представителя власти; не могло же, въ самомъ дѣлѣ, ожидать оно немедленнаго проявленія государственныхъ способностей отъ одиннадцатилѣтняго Петра II или отъ новорожденнаго младенца имп. Іоанна Антоновича! Екатерина I, какъ мы уже знаемъ отъ С. М. Соловьева, казалась способною только

[1]) Ист. Р. съ др. вр. т. XXI гл. I.

до тѣхъ поръ, пока не начала править; Анна Іоанновна отдавала свое время забавамъ и развлеченіямъ. Почему же такая суровая доля выпала только на долю Анны Леопольдовны и ея несчастнаго сына, императора младенца Іоанна Антоновича?

На протяженіи XVIII вѣка мы встрѣчаемъ два ряда противорѣчивыхъ явленій. Съ одной стороны мы наблюдаемъ довольно равнодушное отношеніе къ выбору высшаго представителя власти и къ его личности. Это сказывается какъ въ томъ, что назначеніе новаго главы государства производится только центромъ дворянской организаціи,— безъ всякаго „общенародія“, хотя бы только дворянскаго,—такъ и въ томъ, что способности или наслѣдственныя права кандидата на престолъ не играютъ большой роли. Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ слишкомъ частые случаи преступной и безчеловѣчной расправы съ „неспособными“ правителями.

Въ чемъ разгадка этого противорѣчія? И какія именно способности требовались отъ высшаго представителя власти? Не предрѣшая отвѣта, ознакомимся съ фактической стороной дворцовыхъ переворотовъ XVIII вѣка.

Послѣ смерти Анны Іоанновны остались новорожденный младенецъ-императоръ и при немъ, по завѣщанію, регентъ Биронъ, которому, до совершеннолѣтія Іоанна, дана была „полная мочь и власть управлять“ всѣми государственными дѣлами отъ имени императора. Биронъ и до того управлялъ Россіею черезъ покойную императрицу. Еще тогда замѣчалась уже въ немъ склонность отдѣлить себя отъ сторожевого отряда землевладѣльческаго класса, отъ гвардіи. На Украйнѣ изъ мелкой шляхты было набрано 2,000 человѣкъ, и сформированъ новый гвардейскій полкъ (Измайловскій) съ офицерами-иностранцами въ качествѣ командировъ. Этотъ полкъ, не связанный своимъ составомъ съ руководящими (великорусскими) элементами землевладѣльческаго класса, долженъ былъ явиться такъ называемой „опорой“ Бирона противъ старыхъ гвардейскихъ полковъ. Полковникомъ Измайловскаго полка былъ назначенъ лифляндецъ Левенвольдъ, подполковникомъ—шотландецъ Кейтъ и т. д. Ставши регентомъ, Биронъ выразилъ намѣреніе ослабить классово-землевладѣльческій составъ гвардіи путемъ перевода рядовыхъ-дворянъ изъ гвардіи офицерами въ армію и путемъ набора въ гвардію лицъ простого званія. Вызвавъ такимъ образомъ понятную тревогу среди столичнаго дворянства, Биронъ съ своей стороны полагалъ, что власть его теперь прочна. Между прочимъ, онъ не постѣснился вызвать недовольство и въ матери императора, принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, находившейся въ ложномъ положеніи; онъ возбудилъ противъ себя и дворянскую массу, и многихъ изъ числа командующихъ иноземцевъ. Окончательный ударъ Бирону взялся нанести фельдмаршалъ Минихъ, по уговору съ Анной Леополь-

довной. Въ помощь себѣ Минихъ взялъ подполковника Манштейна. Офицеры и солдаты Преображенскаго полка, занимавшаго караулы, перешли на сторону заговорщиковъ. Манштейнъ съ солдатами ночью ворвался въ спальню къ Бирону, разбудилъ и арестовалъ его; при этомъ Бирона сильно поколотили, повалили на землю, засунули въ ротъ носовой платокъ, связали и отвезли въ Зимній дворецъ. Адъютантъ Миниха, капитанъ Кенигфельсъ, арестовалъ въ тоже время Бестужева.

Къ шести часамъ утра все было кончено. Послали за Остерманомъ. Анна Леопольдовна провозгласила себя правительницей. Мирно покоившійся въ колыбели императоръ-младенецъ издалъ отъ своего имени (за подписью Сената, Синода и генералитета) манифестъ, въ которомъ объявлялъ, что до своего совершеннолѣтія поручаетъ правленіе матери своей Аннѣ Леопольдовнѣ. С. М. Соловьевъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ рисуетъ причину недовольства Биромъ: „Тяжелъ былъ Бирон, какъ фаворитъ... Но теперь этотъ самый ненавистный фаворитъ-иноземецъ, на котораго привыкли складывать всѣ бѣдствія прошлаго тяжелаго царствованія, становился правителемъ самостоятельнымъ; эта тѣнь, наброшенная на царствованіе Анны, этотъ позоръ ея становится преемникомъ ея власти; власть царей русскихъ, власть Петра Великаго въ рукахъ иноземца... Въявь, безъ прикрытія, иноземецъ, иновѣрецъ управляетъ Россіей... Россія была подарена безнравственному и бездарному иноземцу, какъ цѣна позорной связи!“ [1]) Однако, не странно ли? Во главѣ движенія противъ Бирона мы видимъ Миниха, Манштейна, Кенигфельса. Развѣ это русскіе? А въ числѣ арестованныхъ—Бестужевъ! Послѣ Бирона фактически правятъ Минихъ, Остерманъ...

„Народъ ликовалъ,—говоритъ С. Ѳ. Платоновъ,—когда узналъ о паденіи Бирона; думали, что съ Бирономъ исчезнетъ и бироновщина. Но то, что называли этимъ именемъ, осталось: правительство по прежнему осталось нѣмецкимъ, по прежнему оно существовало для себя, а не для народа“ [2]). Дѣйствительно императоръ-младенецъ сдѣлалъ плохой выборъ, вручивъ опеку надъ собою своей матери. Переворотъ произвела гвардія, а награды получили мужъ Анны Леопольдовны принцъ Антонъ Ульрихъ, далѣе: Минихъ, Остерманъ, кн. Черкасскій, кн. Трубецкой, Головкинъ, Лопухинъ, Ушаковъ, Куракинъ, Левенвольдъ,—нельзя сказать, что все нѣмцы, но во всякомъ случаѣ не гвардейская масса. Пытались, правда, расположить къ себѣ и гвардейцевъ, но пріемомъ грубымъ и не могущимъ достигнуть цѣли. Зазвали,

---

[1]) Ист. Р. съ др. вр. т. XXI гл. I.

[2]) Лекціи по р. ист. стр. 520. Неизвѣстно, впрочемъ, о какомъ народѣ говоритъ Платоновъ: только ли о дворянскомъ, или же и о не дворянскомъ.

напримѣръ, отдѣльнаго офицера къ принцу Антону Ульриху, сунули ему въ руку 300 червонцевъ и стали убѣждать быть вѣрнымъ новому правительству.

А въ это время Елисавета Петровна креститъ дѣтей у гвардейцевъ, радушно принимаетъ и угощаетъ ихъ. Распространяется убѣжденіе, что „нѣтъ добрѣе и ласковѣе матушки-цесаревны Елисаветы Петровны“. Офицеры толкаютъ ее къ перевороту: „Матушка! Мы всѣ готовы и только ждемъ твоихъ приказаній, что наконецъ велишь намъ“. Елисавета пока что велитъ одно: молчать. Между тѣмъ правительство обезпокоено близостью цесаревны къ гвардіи. Начинаются допросы; но рѣшительныхъ мѣръ противъ личности Елисаветы не принимаютъ; предпочитаютъ пресѣчь зло, предупредить опасность, удаливши гвардію изъ столицы. 24 ноября 1741 года издается приказъ по всѣмъ гвардейскимъ полкамъ быть готовыми къ выступленію въ Финляндію противъ шведовъ. Сторонники Елисаветы поняли маневръ и стали торопить ее. Явились солдаты и объявили, что по случаю выступленія въ походъ не будутъ уже въ состояніи служить цесаревнѣ; они клянутся ей въ вѣрности. Елисавета приводитъ солдатъ къ присягѣ, ѣдетъ въ казармы, оттуда съ подкрѣпленіемъ—къ дворцу. По дорогѣ арестуютъ Миниха, Левенвольда, Лопухина, Головкина, Стрѣшневыхъ, Остермана, наконецъ—принца Антона Ульриха и Анну Леопольдовну. Завѣдываніе военными силами и охрана порядка въ столицѣ поручаются иностранцу, принцу Гессенъ-Гомбургскому.

Въ манифестѣ о восшествіи на престолъ Елисаветы указывается, что отъ малолѣтства императора „разореніе всему государству послѣдовало *бы*“, и что того ради „всѣ наши какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чиновъ вѣрные подданные, а особливо лейбъ гвардіи нашей полки, всеподданнѣйше и единогласно насъ просили, дабы мы... отеческій нашъ престолъ всемилостивѣйше воспріять соизволили“.

Послѣдовали „награды за вѣрность“,—не десятку лицъ, какъ было по сверженіи Бирона. Всѣмъ офицерамъ гвардіи, а также полковъ Ингерманландскаго и Астраханскаго, выдано по третному жалованью не въ зачетъ; солдатамъ—отъ 3,000 до 12,000 р. на полкъ. Гренадерская рота Преображенскаго полка получила еще больше: она была переименована въ лейбъ-кампанію; всѣ унтеръ-офицеры, капралы и рядовые пожалованы въ потомственные дворяне, всѣмъ имъ даны имѣнія, причемъ саксонскій выходецъ, крещенный еврей Грюнштейнъ получилъ 927 душъ, а 258 рядовыхъ—по 29 душъ крестьянъ. Но все это были мелочи сравнительно, напримѣръ, со слѣдующей мѣрой. Во времена Петра I крѣпостные крестьяне, пожелавшіе поступить въ солдаты, освобождались отъ крѣпостной зависимости. Потомъ это было отмѣнено. Съ возвращеніемъ дочери Петра крестьяне подумали, что возстановленъ и законъ Петра; они стали подавать Императрицѣ

просьбы о принятіи въ военную службу. Послѣдовала милостивая резолюція: подававшихъ просьбы сообща бить кнутомъ и зачинщиковъ навѣчно сослать въ заводскую работу; а подавшихъ просьбы порознь—бить плетьми и батогами и вернуть помѣщикамъ. Новая политика опредѣлилась съ перваго же шага,—не политика иноземцевъ, а политика истинно русская.

Имп. Елисавета Петровна благополучно царствовала двадцать лѣтъ,—вплоть до своей естественной кончины. Благодаря какимъ особымъ способностямъ удалось ей избѣгнуть участи, постигшей Анну Леопольдовну?

По С. М. Соловьеву, Елисавета не имѣла „блестящихъ способностей, образованія, приготовленія, опытности и привычки къ дѣламъ правительственнымъ“; она „разумѣется, не могла имѣть самостоятельныхъ мнѣній и взглядовъ, исключая тѣхъ случаевъ, гдѣ она руководилась чувствомъ“. Но за то она обладала въ совершенствѣ такими качествами, какъ „крайняя осторожность, сдержанность, вниманіе, умѣнье проходить между толкающими другъ друга людьми, не толкая ихъ“; сверхъ того, она обладала добродушіемъ, снисходительностью, патріархальными привычками, любовью къ искренности и простотѣ отношеній. По характеристикѣ одного иностранца, которую безъ возраженій приводитъ С. М. Соловьевъ, Елисавета сверхъ того „свой народъ чрезвычайно любитъ, но еще больше боится его“.

Историкъ С. Ѳ. Платоновъ такъ характеризуетъ Елисавету: „По своему образованію и характеру Елисавета не могла стать во главѣ государства активнымъ его правителемъ, и нѣкоторая склонность къ лѣни заставляла ее управлять съ помощью довѣренныхъ лицъ... Въ частномъ быту Елисавета была чисто русскимъ человѣкомъ любила повеселиться, хорошо покушать, и распустила придворныхъ настолько, что хроника ея дворца была не бѣднѣе анекдотами, интригами и сплетнями, чѣмъ предъидущее время, несмотря на нѣкоторую крутость Елисаветы, способной сильно вспыхнуть и строго взыскать... Привязанность Елисаветы къ Разумовскому была очень крѣпка... Отличаясь честнымъ, благодушнымъ и лѣнивымъ характеромъ, онъ мало вліялъ на государственное управленіе“ [1]).

Мы знаемъ, что предшественница имп. Елисаветы Петровны, правительница Анна Леопольдовна, не любила причесываться. О Елисаветѣ Петровнѣ историки этого не говорятъ: вѣроятно, она причесывалась. Если сравнить данныя С. М. Соловьевымъ характеристики, то прежде всего получается впечатлѣніе, будто вся разница между Анной Леопольдовной и Елисаветой исчерпывается различнымъ отношеніемъ къ прическѣ. Но вглядѣвшись пристально, мы замѣтимъ и еще одно

[1]) Лекціи по р. ист., стр. 543—4.

различіе. Анна Леопольдовна не умѣла править, но хотѣла править. Елисавета Петровна предоставила все дѣло правленія Сенату, въ которомъ сама не бывала по нѣсколько лѣтъ. Сенатъ издавалъ законы, на которые онъ еще только „уповалъ“ получить согласіе императрицы.

Слѣдуетъ отмѣтить еще одно обстоятельство. Елисавета, по словамъ С. М. Соловьева, была самостоятельна, когда руководилась чувствомъ. Подъ вліяніемъ чувства она, напримѣръ, энергично боролась противъ смертныхъ казней. Мы знаемъ, что престола она достигла уже въ зрѣломъ возрастѣ; до тѣхъ поръ вела жизнь, почти не отличающуюся отъ образа жизни представителей крупнѣйшаго землевладѣнія. У нея были свои имѣнія, которыми она сама управляла, доходами съ которыхъ жила. Однажды, еще будучи цесаревной, она арестовала „своей канцеляріи судью“ Степана Корницкаго; при этомъ объясняла: „А оный арестъ для того учинила безъ соизволенія вашего императ. в-ства, надѣючись на сіе, что всякій помѣщикъ можетъ такъ поступать съ своимъ подчиненнымъ, ежели предъ нимъ явится въ похищеніи“.

Этотъ случай проливаетъ свѣтъ на складъ „чувствъ“ Елисаветы и даетъ основаніе думать, что и поступая самостоятельно, руководясь чувствомъ или непосредственнымъ инстинктомъ, она не могла бы далеко разойтись съ желаніями крѣпостнически - землевладѣльческаго класса,—даже если бы желала править.

18. Петръ III и Екатерина II.

Имп. Елисавета не имѣла прямыхъ наслѣдниковъ. Въ виду этого, еще при ея жизни, былъ вывезенъ изъ-за границы герцогъ шлезвигъ-голштинскій Карлъ-Петръ-Ульрихъ, четырнадцатилѣтній внукъ Петра I; женили его на выписанной также изъ Германіи принцессѣ Софіи Августѣ Фредерикѣ Ангальтъ-Цербтской.

Антонъ Ульрихъ сталъ извѣстенъ въ русской исторіи подъ именемъ Петра III; Софія Августа Фредерика — подъ именемъ Екатерины II.

Петръ III былъ русскій по матери; Екатерина—иностранка вполнѣ. Петръ III былъ свергнутъ съ престола и вскорѣ убитъ; Екатерина II, въ пользу которой былъ сверженъ Петръ III, благополучно царствовала болѣе 30-ти лѣтъ. Сверженіе Петра и воцареніе Екатерины историки относятъ къ числу переворотовъ, направленныхъ противъ господства иноземцевъ въ Россіи.

О Петрѣ III сложилось много разсказовъ изображающихъ его въ самомъ неприглядномъ видѣ. Это естественно: нужно было во что

бы то ни стало оправдать его низверженіе и убійство. Оффиціальные историки были, такимъ образомъ, заинтересованы въ томъ, чтобъ чернить низложеннаго императора; историкамъ же оппозиціоннымъ не было особаго интереса его реабилитировать. Нѣтъ этого интереса и у насъ. Достаточно оговориться, что разсказы противъ личности Петра III имѣютъ для насъ значеніе, преимущественно, какъ характеристика самихъ разсказчиковъ.

Что же именно, съ точки зрѣнія противниковъ Петра III, было въ этомъ императорѣ такого, что оправдывало бы жестокую расправу съ нимъ?

Дворянинъ Болотовъ, бывшій въ то время адъютантомъ начальника полиціи барона Н. Корфа, человѣкъ дворянской толпы, кажется, больше всего былъ недоволенъ тѣмъ, что Петръ III курилъ трубки, и что его сановники, прыгая на одной ножкѣ, толкали другъ друга согнутымъ колѣномъ. За Петромъ III,—разсказываетъ Болотовъ,—„табунъ, бывало, цѣлый поскачетъ вслѣдъ“,— табунъ генераловъ, адъютантовъ и ординарцевъ. „Не успѣемъ куда пріѣхать, какъ закурятся у насъ нѣсколько десятковъ трубокъ,—и въ одинъ мигъ вся комната наполнится густѣйшимъ дымомъ, а государю то было и любо“. За обѣдомъ звенѣли рюмки и бокалы; послѣ обѣда „первѣйшіе въ государствѣ люди, украшенные орденами и звѣздами“—„ну всѣ прыгать на одной ножкѣ, а другіе согнутымъ колѣномъ толкать своихъ товарищей“.—Сцены эти, и на нашъ взглядъ, довольно несвойственны сановникамъ; но можно ли тутъ считать виновникомъ одного императора? Вѣдь собственно о немъ даже и не говорится, чтобъ онъ лично прыгалъ на одной ножкѣ: прыгали и толкались согнутымъ колѣномъ „первѣйшіе въ государствѣ люди“. Очевидно, прыганье и трубки имѣли на судьбу Петра III не больше вліянія, чѣмъ на судьбу Анны Леопольдовны пренебреженіе прическами.

Послушаемъ, что говорятъ другіе.

Вотъ свидѣтель, сильно заинтересованный въ дѣлѣ: сама Екатерина II. Изъ времени, когда еще была жива Елисавета, Екатерина II передаетъ слѣдующій эпизодъ: „На первой недѣлѣ великаго поста у меня была очень странная сцена съ великимъ княземъ (Петромъ). Утромъ я съ своими женщинами, которыя всѣ были очень набожны, была у себя въ комнатѣ и служила заутреню... При первой нашей встрѣчѣ я увидала, что онъ на меня дуется, а когда спросила: за что?—онъ сталъ меня бранить за чрезмѣрную набожность... Я возражала ему говоря, что исполняю только приличіе, котораго невозможно обойти безъ скандала, и дѣлаю то, что всѣ дѣлаютъ, но онъ оставался при своемъ мнѣніи“ [1]).

---

[1]) Записки имп. Екатерины II. Русская Старина 1906 г., № 7, стр. 26.

Чтобы лучше понять этотъ эпизодъ, нужно имѣть въ виду, что Софія Августа Фредерика, ставшая православной Екатериной, не легко и не радостно перемѣнила религію: предъ тѣмъ она много плакала, искала утѣшенія у лютеранскаго пастора [1]).

Теперь намъ понятно до извѣстной степени, въ чемъ заключалась разница между супругами. Екатерина признавала нужнымъ дѣлать, что „всѣ дѣлаютъ“, исполнять приличія, избѣгать скандала. Петръ считалъ все это излишнимъ, думалъ поступать, какъ хотѣлъ. Екатерина „старалась казаться чисто русской набожной женщиной“, „къ Елисаветѣ относилась почтительно и какъ бы искала ея одобренія“, въ придворной средѣ „искала популярности“, находила для каждаго ласковое слово, старалась примѣниться къ нравамъ двора, пріобрѣсти общее расположеніе [2]). Петръ пренебрегалъ всѣмъ этимъ. Онъ открыто говорилъ: „Затащили меня въ эту проклятую Россію, гдѣ я долженъ считать себя государственнымъ арестантомъ, тогда какъ если бы оставили меня на волѣ, то теперь бы сидѣлъ я на престолѣ цивилизованнаго народа“. Противоположность характеровъ рѣзко била въ глаза, и не трудно было предвидѣть, который изъ двухъ,—Петръ или Екатерина,—лучше сумѣетъ удержаться на посту абсолютнаго монарха. Повидимому, это понималъ и самъ Петръ. По словамъ Екатерины, онъ нѣсколько разъ высказывалъ убѣжденіе, что погибнетъ въ Россіи.

Разница въ характерахъ Петра III и Екатерины II и разница въ поведеніи должны были сказаться еще рѣзче послѣ смерти Елисаветы. И для уясненія себѣ дальнѣйшихъ событій нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ пересказу болотовскихъ и другихъ сплетенъ относительно личности Петра III,—что такъ любятъ дѣлать историки, особенно оффиціальные. Остановимся только на политической сторонѣ событій.

Петра III изображаютъ намъ, какъ человѣка крайне невысокихъ умственныхъ способностей, человѣка легкомысленнаго и неустойчиваго. Однако, подобные недостатки при абсолютной формѣ правленія во многихъ случаяхъ проходятъ незамѣченными, такъ какъ власть проявляется черезъ совѣтниковъ, въ большинствѣ случаевъ имѣющихъ способы предупредить недостаточно продуманные акты. Были, конечно, такіе совѣтники и у Петра III. Чья тутъ вина или заслуга,—Петра III или его совѣтниковъ,—судить трудно; но фактъ тотъ, что въ указахъ и законахъ, изданныхъ въ это короткое царствованіе, не легко найти проявленіе ненормальности или легкомыслія Петра III. Даже такой строгій къ нему историкъ, какъ С. М. Со-

---

[1]) С. Ѳ. Платоновъ. Лекціи по р. ист. стр. 564—565.

[2]) Тамъ же.

ловьевъ, отмѣчаетъ только два случая непостоянства: перенесеніе изъ Москвы въ Петербургъ и затѣмъ обратно Мануфактуръ-Коллегіи, да уничтоженіе и затѣмъ возстановленіе должности полицеймейстеровъ. Оба эти случая не представляютъ такой ужъ большой важности, чтобы изъ-за нихъ люди стали прибѣгать къ заговору и цареубійству.

Въ политикѣ эпохи Петра III нельзя подмѣтить и строго проведенной противудворянской тенденціи. При немъ,—указомъ 29 января 1762 года,—„къ удовольствію всѣхъ помѣщиковъ“ облегченъ переводъ крестьянъ изъ уѣзда въ уѣздъ,—вмѣсто разрѣшенія на переводъ стали требовать только увѣдомленія о переводѣ. Черезъ два дня, по челобитью митрополита Арсенія, вышло запрещеніе крестьянамъ дворцовымъ, синодальнымъ, архіерейскимъ, монастырскимъ и помѣщичьимъ записываться въ купечество безъ отпускныхъ и увольнительныхъ писемъ. Указомъ того же 31 января сборъ съ крестьянъ подушной подати возложенъ на самихъ помѣщиковъ и ихъ прикащиковъ; при неаккуратности прикащики, выборные и старосты подлежали битью „нещадно батогами“, а помѣщики не несли отвѣтственности. 29 марта послѣдовалъ указъ о непокупкѣ крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ. Наконецъ, вѣнцомъ дворянскаго торжества явился знаменитый манифестъ о вольности дворянской. Относительно этого манифеста нужно, впрочемъ, оговориться. Онъ обрадовалъ многихъ, но этой радости не „могли раздѣлить дворяне, занимавшіе высшія должности, которые имѣли всѣ побужденія продолжать службу, дававшую имъ значеніе и выгоды [1])“. Такимъ образомъ манифестъ 18 февраля больше былъ выгоденъ дворянамъ, служившимъ въ провинціи и въ арміи, чѣмъ гвардейцамъ и сановникамъ.

Во всякомъ случаѣ, не въ области отношеній между закрѣпощеннымъ крестьянствомъ и землевладѣльцами крѣпостниками слѣдуетъ искать причинъ недовольства политикой времени Петра III.

Въ области общей политики этого царствованія можно подмѣтить нѣкоторые проблески либерализма. Манифестомъ 21 февраля была уничтожена Тайная Розыскная Канцелярія съ тѣмъ, что „ненавистное израженіе, а именно: слово и дѣло—не долженствуетъ отнынѣ значить ничего“. Въ мотивахъ манифеста сказано: „Но какъ Тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія всегда оставалась въ своей силѣ: то злымъ, подлымъ и бездѣльнымъ людямъ подавался способъ или ложными затѣями протягивать вдаль заслуженныя ими казни и наказанія, или же злостнѣйшими клеветами обносить своихъ начальниковъ и непріятелей“. Именнымъ указомъ того же дня предписывалось не требовать паспортовъ отъ пріѣзжающихъ въ Москву и выѣзжаю-

[1]) С. М. Соловьевъ. Ист. Р. съ др. вр. т. XXV гл. I.

щихъ изъ нея. Манифестомъ 28 февраля продолженъ срокъ для возвращенія бѣжавшихъ въ Польшу, Литву и Курляндію. 9 марта повелѣно прекратить наказаніе солдатъ и матросовъ батожьемъ и кошками. Относительно раскольниковъ принятъ рядъ мѣръ. Именнымъ указомъ 29 января разрѣшено раскольникамъ вернуться въ Россію и приказано, чтобъ „въ отправленіи закона по ихъ обыкновенію и старопечатнымъ книгамъ возбраненія не было“. Февраля 7 изданъ указъ о защитѣ раскольниковъ отъ чинимыхъ имъ обидъ и притѣсненій; 1 февраля—о прекращеніи слѣдствій о самосожигателяхъ и объ освобожденіи ихъ.

Послабленія раскольникамъ были, конечно, не очень пріятны православному духовенству. Но еще непріятнѣе было отношеніе правительства къ церковнымъ и монастырскимъ имѣніямъ. На эти имѣнія дворянство давно точило зубы; вопросъ никакъ не могъ прійти къ окончательному рѣшенію. При Петрѣ III въ этомъ отношеніи замѣчается нѣкоторая торопливость съ обиднымъ для духовенства подчеркиваніемъ того факта, что еще Елисавета, „по всегдашней своей набожности и благоговѣнію имѣя и о томъ попеченіе, дабы духовный чинъ не былъ отягощаемъ мірскими попеченіями, паче же освобожденныя всегда имѣлъ мысли прилежать своему званію“, подняла вопросъ о томъ, что „отъ имѣній монастырямъ только лишнее отягощеніе“. Святые отцы повидимому не очень стремились къ освобожденію своихъ мыслей и привѣтствовали скоро наступившій переворотъ довольно неумѣренными, восторженными рѣчами. Есть основанія думать, что Синодъ приложилъ свою руку и къ самому перевороту.

Еще больше поводовъ къ недовольству имѣлъ Сенатъ. При Елисаветѣ онъ былъ полновластенъ. Едва прошелъ мѣсяцъ отъ ея смерти,—и уже появляется именной указъ 29 января, понукающій его къ скорѣйшему разсмотрѣнію дѣлъ и учреждающій для этого три апелляціонныхъ департамента: при Юстицъ-коллегіи, при Вотчинной коллегіи и въ Судномъ приказѣ. Въ маѣ Сенату наносится новый ударъ учрежденіемъ Совѣта, который долженъ былъ ежедневно собираться во дворцѣ и вершить дѣла, поднося важныя къ подписи императора, а „меньшія“ рѣшая самостоятельно отъ его имени. Въ составъ Совѣта вошли: герцогъ Георгій, принцъ Гольштейнъ-Бекскій, Минихъ, Вильбуа, кн. Трубецкой, гр. Воронцовъ, кн. Волконскій, Мельгуновъ и Волковъ,—большинство не иноземцы. Наконецъ, указомъ 1 іюня 1762 года, предписывалось, „чтобъ отнынѣ Сенатъ отнюдь не издавалъ въ публику такихъ указовъ, кои въ нѣкоторый законъ или хотя въ подтвержденіе прежнихъ служатъ, не представя напередъ Намъ и не получа на то апробаціи“.

Не менѣе причинъ къ недовольству имѣлъ сторожевой отрядъ

землевладѣльческаго класса,—гвардія. Она привыкла къ тому, что за нею ухаживали; правителей, не умѣвшихъ ухаживать, она уже не разъ устраняла. А Петръ III, еще будучи великимъ княземъ, высказывалъ открыто, что гвардейцы „точно держатъ резиденцію въ осадѣ", называлъ ихъ янычарами; а воцарившись, сталъ утомлять ученіемъ, требовалъ непремѣннаго присутствія на ученіяхъ высшихъ гвардейскихъ чиновъ [1]); расформировалъ лейбъ-кампанію, уволивъ въ отставку почти всѣхъ офицеровъ; а главное—отдавалъ предпочтеніе своему отряду голштинцевъ. Пошли слухи объ уничтоженіи гвардіи; а попытка отправить ее на войну, удалить изъ Петербурга, ускорила развязку.

Гвардія отложилась отъ Петра III и провозгласила императрицей Екатерину II. Петръ III былъ арестованъ и черезъ нѣсколько дней убитъ. Въ моментъ переворота бросалась въ глаза роль гвардейскихъ офицеровъ. Но слишкомъ многое заставляетъ думать, что за спиной офицеровъ, кромѣ Екатерины, стояли наиболѣе видные представители правительства. Историки положительно указываютъ, напримѣръ, на генералъ-прокурора Глѣбова, начальника полиціи барона Корфа, дипломата Н. И. Панина, Кир. Разумовскаго и другихъ, какъ на лицъ, знавшихъ о заговорѣ. Въ моментъ переворота бросается въ глаза подготовленность Сената и Синода. Невольно, такимъ образомъ, возникаетъ вопросъ: не была ли и сама Екатерина II лишь орудіемъ переворота, какъ и гвардейскіе офицеры? На эту мысль наводятъ и разсказы о поведеніи Екатерины II въ первое время по воцареніи, и то обстоятельство, что такъ называемыя „награды" за измѣну Петру III получили не одни гвардейцы.

Духовенство, обиженное Петромъ III, привѣтствовало переворотъ довольно таки неумѣренными, восторженными рѣчами. Первый членъ Синода, архіерей Дмитрій, говорилъ отъ лица Москвы въ началѣ сентября: „Се царствующій градъ Москва, вмѣсто возженныхъ свѣтильниковъ, съ горящими любовію сердцами усрѣтаетъ вожделѣнную матерь и государыню свою, преславныя дѣла и заслуги Отечеству и Церкви показавшую. Гряди, защитница Отечества, гряди, защитница благочестія, вниди во градъ твой и сяди на престолъ *предковъ твоихъ*". Въ своей проповѣди 13 сентября высшій представитель церкви пошелъ еще дальше: его рѣчь—ни то молитва Богородицѣ, ни то акаѳистъ: „Красуйся, царствующій градъ и удивляйся, глаголя: *откуду мнѣ сіе, яко пріиде* мати Отечества ко мнѣ? Виждь въ св. храмъ сей, аки въ сердце всего Россійскаго царства, благочестиво входящую. Пріиде къ намъ благочестивыя вѣры защитница, Церковь и Отечество

[1]) Онъ издѣвался надъ вельможами, «заставлялъ ихъ маршировать по плацъ-парадамъ въ силу ихъ военнаго званія». (Платоновъ, лекціи стр. 570).

матернимъ покровомъ покрывшая и сохранившая: пріиде всѣхъ скорбей и печалей нашихъ окончаніе, всѣхъ радостей нашихъ вина. Видѣла матерь свою Церковь бѣдствуему и озлобляему,—восхотѣла отъ страха и *вредныхъ перемѣнъ* избавити" и т. д. Такимъ языкомъ не говорятъ изъ одного раболѣпія,—тутъ скорѣе слышится упоеніе побѣдой.

Дѣйствительное положеніе Екатерины II, — о которой дворяне говорили, что она на престолъ „Богомъ возведена",—было совсѣмъ не такимъ, какимъ оно могло казаться далеко стоящему наблюдателю. По общимъ отзывамъ постороннихъ свидѣтелей,—иностранныхъ пословъ,— Екатерина II послѣ переворота была одинока и переживала тяжелыя минуты. Любопытны отзывъ о ея роли Фридриха II и возраженіе, которое дѣлаетъ на этотъ отзывъ историкъ С. М. Соловьевъ.

„По справедливости, императрицѣ Екатеринѣ нельзя приписать ни чести, ни преступленія этой революціи, — говорилъ Фридрихъ II: она была молода, слаба, одинока, она была иностранка, наканунѣ развода, заточенія. Орловы сдѣлали все: княгиня Дашкова была только хвастливою мухой въ повозкѣ. Екатерина не могла еще ничѣмъ управлять; она бросилась въ объятія тѣхъ, которые хотѣли ее спасти. Ихъ заговоръ былъ безразсуденъ и плохо составленъ; отсутствіе мужества въ Петрѣ III, несмотря на совѣты храбраго Миниха, погубило его". Легитимный русскій историкъ оказался наиболѣе задѣтымъ фразой о томъ, будто заговоръ былъ плохо составленъ; онъ возражаетъ: „Фридрихъ не объяснилъ, какихъ бы условій онъ требовалъ отъ заговора, хорошо составленнаго. Мы видимъ одно, что *при всеобщемъ возбужденіи* людямъ энергическимъ было нетрудно достигнуть своей цѣли. Движеніе произошло въ гвардіи, но оказалось немедленно, что Екатерина точно также опиралась на Сенатъ и Синодъ".

Сейчасъ мы увидимъ, что значитъ „опиралась"...

Англійскій посланникъ, гр. Бекингамъ разсказываетъ: „Стѣсненная обязательствами, полученными въ послѣднее время, сознавая затруднительность своего положенія и страшась опасностей, которыми до сихъ поръ она (Екатерина II) должна была считать себя окруженною, она еще не можетъ дѣйствовать самостоятельно и *освободиться отъ многихъ окружающихъ ее людей*, которыхъ характеръ и способности она должна презирать. Въ настоящее время она употребляетъ всѣ средства для пріобрѣтенія довѣрія и любви подданныхъ". Екатерина II „опиралась" на окружающихъ ее людей, освободиться отъ которыхъ не могла.

Французскій посланникъ Бретейль передаетъ, какъ эти окружающіе,—„чувствуя выгоду своего положенія, осаждаютъ ее безпрестанно... Въ большихъ собраніяхъ при Дворѣ любопытно наблюдать тяжелую заботу, съ какою императрица старается понравиться всѣмъ, свободу

надоѣдливость, съ какими всѣ толкуютъ ей о своихъ дѣлахъ и о своихъ мнѣніяхъ. Зная характеръ этой государыни и видя, съ какою необыкновенною ласковостью и любезностью она отвѣчаетъ на все это, я могу себѣ представить, чего ей это должно стоить; значитъ, сильно же чувствуетъ она свою зависимость, чтобъ переносить это. Въ одно изъ послѣднихъ собраній, когда она была утомлена болѣе обыкновеннаго разговорами съ разными лицами и особенно съ пьянымъ Бестужевымъ, съ которымъ у нея былъ долгій и живой разговоръ, несмотря на ея старанія избѣгать его,—императрица подошла ко мнѣ и спросила, видалъ ли я *охоту за зайцемъ*. Когда я отвѣчалъ, что видалъ, то она сказала: „Такъ вы должны находить большое сходство между зайцемъ и мною,—меня поднимаютъ и гонятъ изо всѣхъ силъ, какъ я ни стараюсь избѣжать представленій, не всегда разумныхъ и честныхъ“. Не дурная иллюстрація къ понятію „опиралась“, которымъ такъ любятъ оперировать россійскіе историки и публицисты!

Тотъ же Бретейль писалъ позже:„ Она въ обаяніи отъ престола, но вмѣстѣ съ тѣмъ что то ее безпокоитъ и волнуетъ... Боязнь потерять то, что имѣла смѣлость взять, ясно и постоянно видна въ поведеніи императрицы, и потому *всякій* сколько-нибудь значительный человѣкъ чувствуетъ свою силу передъ нею. Изумительно, какъ эта государыня, которая всегда слыла мужественною, слаба и нерѣшительна, когда дѣло идетъ о самомъ неважномъ вопросѣ, встрѣчающемъ нѣкоторое противорѣчіе внутри имперіи“. Таково было положеніе императрицы, пока группировка партій при Дворѣ не сдѣлала успѣховъ, пока не выяснилось, что нужно „опираться“ не на *всякаго*, а на болѣе сильную партію.

Въ 1763 году Екатерина II писала Елагину: „Ты имѣешь сказать камергерамъ Ласунскому и Рославлевымъ, что понеже они мнѣ помогли взойтить на престолъ для поправленія непорядковъ въ отечествѣ своемъ, я надѣюсь, что они безъ прискорбія примутъ мой отвѣтъ, и что дѣйствительная *невозможность* нынѣ раздавать деньги, тому ты самъ свидѣтель очевидный“! Это называютъ „опираться“, „жаловать“.

Позже, когда партіи при дворѣ опредѣлились, и Екатеринѣ II удалось достаточно освѣдомиться относительно желаній и потребностей господствующаго класса,—внѣшнее обращеніе ея съ людьми должно было принять нѣсколько иной видъ. Но сущность и общая основа политики измѣниться не могли. Достаточно напомнить судьбу Наказа. Екатерина II высказалась въ немъ либерально вообще, и въ частности—отрицательно по отношенію къ крѣпостному праву. По требованію окружающихъ, многое изъ Наказа пришлось вытравить,—и всетаки Наказъ остался сочиненіемъ нецензурнымъ, запрещеннымъ. „Найдено,—говоритъ С. М. Соловьевъ,—что сочиненіе самодержавной государыни,

и прошедшее черезъ строгую цензуру подданныхъ, все еще содержитъ въ себѣ аксіомы, способныя разрушить стѣны, по выраженію Н. И. Панина". И Екатеринѣ II въ безсильномъ раздраженіи оставалось только дѣлать изрѣдка ѣдкія замѣчанія, которыя не могли получить большой огласки, напримѣръ: „Есть ли крѣпостного нельзя признать персоною, слѣдовательно онъ не человѣкъ; но его скотомъ извольте признавать, что къ немалой славѣ и человѣколюбію отъ всего свѣта намъ приписано будетъ. Все что слѣдуетъ о рабѣ, есть слѣдствіе сего богоугоднаго положенія и совершенно для скотины и скотиною дѣлано". Такъ говорилось; а дѣлалось массовое дальнѣйшее закрѣпощеніе крестьянъ и усиленіе власти помѣщиковъ. Противорѣчіе это естественно и понятно. У С. Ѳ. Платонова находимъ,—въ общемъ справедливое,—резюме отношеній между Екатериной II и дворянствомъ, личностью и средой.

„Политика Екатерины II была національной и благопріятной дворянству. Эти черты были усвоены самой императрицей, самыми обстоятельствами ея воцаренія. Въ этомъ она *неизбѣжно* должна была слѣдовать Елисаветѣ, хотя и относилась съ ироніей къ порядкамъ своей предшественницы... Личные взгляды императрицы, съ которыми она взошла на престолъ, не вполнѣ соотвѣтствовали обстоятельствамъ русской жизни, и теоретическіе планы Екатерины не могли перейти въ дѣло вслѣдствіе того, что не имѣли почвы въ русской практикѣ. Екатерина образовалась на либеральной французской философіи XVIII вѣка, усвоила и даже высказывала открыто ея „вольнодумные принципы", но *не могла* провести ихъ въ жизнь, или по неприложимости ихъ, или вслѣдствіе противодѣйствія окружающей ее среды. Поэтому появилось нѣкоторое противорѣчіе между словомъ и дѣломъ, между либеральнымъ направленіемъ Екатерины и результатомъ ея практической дѣятельности, которая была довольно вѣрна историческимъ русскимъ традиціямъ". Не нѣкотсрое, а очень большое противорѣчіе, и не по винѣ Екатерины II.

Какъ разрѣшалось это противорѣчіе на практикѣ? Отвѣтъ находимъ у самой Екатерины II. Этотъ отвѣтъ является исчерпывающей характеристикой роли личности въ извѣстномъ положеніи,—личности талантливой, образованной и энергичной. Екатерина II говорила:

„Я разбираю обстоятельства, извѣдываю мысли просвѣщенной части народа и по нимъ заключаю, какое дѣйствіе указъ мой произвести долженъ. Когда же напередъ увѣрена я въ общемъ одобреніи, тогда выпускаю я мое повелѣніе и имѣю удовольствіе видѣть то, что ты называешь слѣпымъ повиновеніемъ,—и вотъ основаніе власти неограниченной. Но будь увѣренъ, что слѣпо не повинуются, когда приказаніе мое не приноровлено къ обычаямъ, и когда я слѣдовала бы одной моей волѣ, не размышляя о слѣдствіяхъ".

Екатерина II извѣдывала мысли просвѣщенной части народа. Остается только пояснить, что просвѣщенной частью народа въ то время,—не въ обиду будь сказано нынѣшнимъ дворянамъ,— являлось землевладѣльческое дворянство, экономически-господствующій классъ эпохи.

19. Ученіе о зачинщикахъ.

Мы познакомились съ фактической стороной дворцовыхъ переворотовъ XVIII вѣка. Возможно, что на основаніи изложенныхъ фактовъ читатель уже и самъ сдѣлалъ нѣкоторые вѣрные выводы. Можетъ быть онъ и самъ уже замѣтилъ, что эти перевороты скорѣе объясняются консервативными тенденціями побѣдителей, чѣмъ тенденціями реформаторскими. Но, съ другой стороны, и побѣжденная сторона не можетъ считаться стороной революціонной или реформаторской. Если побѣдителемъ бывала крѣпостнически-землевладѣльческая партія, представительница крѣпостнически-землевладѣльческихъ интересовъ, то вѣдь и у побѣжденныхъ мы не найдемъ сколько-нибудь ярко выраженной политической линіи, направленной противъ крѣпостническаго землевладѣнія.—Относительно теоріи борьбы противъ иноземцевъ, какъ объясненія переворотовъ, и говорить не стоитъ.

Остается искать разгадки въ отношеніяхъ между личностью и обществомъ, прійти къ вопросу о способности или неспособности отдѣльныхъ лицъ занимать извѣстный постъ. Вопросъ о способности уже ставился историками. Но въ чемъ же именно заключалась неспособность?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ не такъ простъ, какъ кажется. Особенно, въ виду повторяемости переворотовъ. Приходится и въ индивидуальныхъ неспособностяхъ искать чего-то общаго, что приводило къ катастрофѣ одного правителя за другимъ.

И прежде всего, игнорируя вѣковыя сплетни, нагроможденныя вокругъ личности погибшихъ правителей, слѣдуетъ отвергнуть и то объясненіе, будто умственныя способности свергнутыхъ правителей были просто ниже среднихъ. Исторія русская и всемірная насчитываетъ не мало случаевъ, когда волею судебъ во главѣ абсолютной власти оказывались люди, безспорно неспособные, или младенцы въ колыбели,—и это не вело къ катастрофамъ. Приходится искать въ свергнутыхъ русскихъ правителяхъ XVIII вѣка какой-то специфической неспособности. Для этого намъ придется на время отвлечься отъ условій даннаго времени и мѣста и поставить болѣе общій вопросъ о сущности историческихъ явленій, съ одной стороны, и ихъ человѣческомъ пониманіи, непосредственномъ воспріятіи—съ другой.

Возьмемъ для начала сравнительно простѣйшее соціальное явле-

ніе, напримѣръ, простое, заурядное деревенское волненіе. Отъ чего происходили тѣ или иные такъ называемые бунты крестьянскіе? Вотъ одинъ изъ отвѣтовъ:

„Никто до сихъ поръ въ этихъ „бунтахъ“ разобраться не могъ. Что такое ихъ порождаетъ, экономическія ли причины, политическія ли или религіозныя—ни одинъ компетентный изслѣдователь пошехонской народности на этотъ вопросъ ясно не отвѣтилъ. Хотя же господа исправники и утверждаютъ, что всѣ бунты происходятъ отъ зачинщиковъ, но, по моему мнѣнію, такое объясненіе черезчуръ ужъ просто...“ [1]).

Не такъ ужъ просто...

Вдумайтесь въ психологію исправника. Онъ видитъ передъ собой толпу крестьянъ. Всматривается. Изъ моря головъ и мужицкихъ фигуръ передъ нимъ вырисовываются постепенно отдѣльныя фигуры и лица: вонъ одинъ—руками машетъ; вотъ другой — громче кричитъ; у третьяго борода особенная; четвертый на цѣлую голову выше другихъ; пятый слишкомъ впередъ выдвинулся; шестой смотритъ дерзко. Исправнику прежде всего нужно усмирить „бунтъ“, и онъ командуетъ: „тащи вотъ этихъ!“ Вытащилъ—тише стало. Не ясно ли, что съ точки зрѣнія исправника, которому поставлены опредѣленныя, узкія задачи,— онъ былъ правъ? Не ясно ли, что въ его глазахъ ученіе о зачинщикахъ имѣетъ свои резоны?

Теперь отрѣшитесь на минуту отъ мысли объ исправникѣ и станьте на точку зрѣнія „бунтующаго“ крестьянина. Бунтъ, положимъ, произошелъ изъ за расчетовъ съ помѣщикомъ. Но помѣщикъ безсиленъ защитить свои интересы физическимъ отпоромъ. На выручку ему является исправникъ. Именно онъ, исправникъ, а не помѣщикъ, грозно сверкаетъ глазами, блеститъ пуговицами, командуетъ „тащи“. Кто же виновникъ тому, что расчеты съ помѣщикомъ разрѣшились не въ пользу крестьянъ? Очевидно, исправникъ.

Представимъ себѣ далѣе, что среди мужиковъ нашелся человѣкъ образованный и по своему вдумчивый. Онъ скажетъ: виноватъ не отдѣльный исправникъ, а вся полицейско-военно-бюрократическая организація, виновато „государство“.

Теперь сравнимъ взгляды исправника съ взглядами гипотетическаго образованнаго мужика. Почему мы не удовлетворяемся исправницкимъ ученіемъ о зачинщикахъ, почему считаемъ это ученіе слишкомъ простымъ? Потому что исправникъ игнорируетъ все то, что было въ бунтующей деревнѣ раньше его пріѣзда, игнорируетъ тѣ расчеты съ помѣщикомъ, которые повели къ острому конфликту;

---

[1]) М. Салтыковъ (Н. Щедринъ). „Пошехонское дѣло“ въ „Пошехонскихъ Разсказахъ“.

исправнику дѣла нѣтъ до экономической подкладки явленія, которое въ его глазахъ стало политическимъ, превратилось въ нарушеніе порядка.

А что же дѣлаетъ нашъ гипотетическій образованный мужикъ? Онъ точно такъ же игнорируетъ все, чѣмъ жилъ исправникъ до своего пріѣзда на усмиреніе. Онъ не хочетъ знать, что у исправника гдѣ-то имѣется свое имѣніе, бываютъ свои расчеты съ крестьянами, что онъ воспитался на понятіяхъ о святости и правотѣ своихъ,—а слѣдовательно и вообще помѣщичьихъ,—интересовъ и притязаній; что онъ, бѣгая мальчикомъ по отцовской усадьбѣ и потомъ учась въ школѣ, съ младенческихъ лѣтъ проникся убѣжденіемъ, что крестьянину бунтовать не полагается. Не задается нашъ образованный мужикъ и вопросомъ: почему это нашъ помѣщикъ не живетъ постоянно въ усадьбѣ? Не служитъ ли и онъ въ свою очередь гдѣ-то исправникомъ, губернаторомъ, министромъ,—и не является ли тамъ, на мѣстѣ службы, въ глазахъ населенія только представителемъ военно-полицейско-бюрократической организаціи?

И у исправника, и у образованнаго мужика, хотя они и исходятъ изъ противоположныхъ точекъ зрѣнія, мы находимъ цѣпь разсужденій, совершенно аналогичныхъ одна другой: оба игнорируютъ экономическую основу дѣйствій противника, оба видятъ источникъ противодѣйствія себѣ только въ зачинщикахъ, оба стоятъ на точкѣ зрѣнія ученія о зачинщикахъ.

Читатель теперь, надѣюсь, уже замѣчаетъ, что опровергнуть это ученіе не такъ-то легко, что оно не такъ ужъ просто...

Прибавьте къ этому, что на извѣстной ступени развитія помѣщики организуются политически и, играя различныя роли въ своей организаціи, выступаютъ другъ передъ другомъ уже не только какъ владѣльцы столькихъ-то душъ или десятинъ, но и какъ исправники, губернаторы, министры.

Вспомните, что эта классовая организація помѣщиковъ почти всегда оказывается сильнѣе каждаго помѣщика въ отдѣльности, что организація распоряжается, а отдѣльные помѣщики подчиняются: исправникъ помѣщикъ, дѣйствуя въ извѣстныхъ рамкахъ противъ просто помѣщика въ качествѣ исправника, почти всесиленъ; тотъ же самый исправникъ-помѣщикъ, дѣйствуя въ качествѣ просто помѣщика противъ сосѣдняго исправника (тоже помѣщика) внѣ извѣстныхъ („законныхъ“) рамокъ, почти безсиленъ. У самихъ исправниковъ-помѣщиковъ при такихъ условіяхъ возникаетъ иллюзія, будто они сильны, какъ исправники, и безсильны, какъ помѣщики. Возникаетъ ученіе о первенствѣ политики передъ экономикой. Это—все то же ученіе о зачинщикахъ.

Далѣе, историческая наука не разсѣиваетъ, а укрѣпляетъ иллю-

зію; она научнымъ авторитетомъ закрѣпляетъ исправницкое ученіе о зачинщикахъ. Историческая наука долгое время не идетъ далѣе изученія юридическихъ актовъ. Понятно, что при такомъ изученіи первоисточникомъ явленій, творческимъ началомъ исторической жизни народа кажутся единственно распоряженія министровъ, губернаторовъ и исправниковъ. А такъ какъ въ каждомъ такомъ распоряженіи значится или подразумѣвается, что его нарушителямъ грозитъ насиліе (тюрьма, казнь), то и получается естественный выводъ, что единственнымъ творческимъ началомъ жизни являлось государство съ его аттрибутами насилія. Историки придали исправницкому ученію о зачинщикахъ научную обстановку и высокую авторитетность. Говорите послѣ этого, будто объясненіе пошехонскаго исправника было слишкомъ просто!

Давно замѣчено, что для политиковъ по профессіи, для теоретиковъ государственнаго права и многихъ вообще юристовъ, какъ и для пошехонскихъ исправниковъ, связь государства съ экономической жизненной основой совершенно исчезаетъ. Усложняющіяся экономическія взаимоотношенія формулируются юристами; усложненіе—процессъ медленный; настоящее тѣсно связано съ прошлымъ; юристы, формулируя настоящее, должны справляться съ ранѣе существовавшими формулами,—и имъ кажется, будто одна формула вытекаетъ сама собою изъ другой, будто юридическія формы экономическихъ отношеній живутъ самостоятельной жизнью,—и даже первенствуютъ въ жизни вообще. Это—ученіе о государствѣ, какъ первоначальной творческой силѣ; всякое нарушеніе порядка начинаетъ считаться покушеніемъ злонамѣренныхъ людей на творческую силу „государства“; возникаетъ ученіе исправниковъ о зачинщикахъ—бунтовщикахъ.

Теперь представьте себѣ нашего гипотетическаго мужика, получившаго образованіе на ученіяхъ политиковъ, государствовѣдовъ и юристовъ господствующаго класса. Этотъ мужикъ проникся идеей о первенствѣ политики передъ экономикой, о всесиліи начальства. Но какъ мужикъ, онъ видитъ, что начальство дѣйствуетъ обратно тому, о чемъ учатъ научные авторитеты: оно не творитъ, а разоряетъ. Разоряетъ въ образѣ сборщика податей, въ образѣ исправника, рѣшающаго расчеты съ помѣщикомъ въ помѣщичью пользу. У мужика крѣпнетъ убѣжденіе, что всѣхъ бѣдъ источникъ—это политическая сила, находящаяся въ рукахъ полицейско-военно-бюрократической организаціи или, будемъ говорить короче, въ рукахъ бюрократіи. Если нашъ образованный мужикъ вообще, по своему характеру, склоненъ къ бунту, къ протесту, то онъ все вниманіе сосредоточитъ на „бюрократіи“, весь смыслъ жизни будетъ видѣть въ борьбѣ противъ бюрократіи; для него будетъ экономика, хозяйство—вещью второстепенной, а политика, политическая борьба, понимаемая, какъ борьба противъ исправниковъ, губернаторовъ и министровъ, будетъ единственной вещью, заслужи-

вающей вниманія. Это будетъ ученіе о политическомъ строѣ, какъ единственномъ тормазѣ общественнаго развитія и совершенствованія; это будетъ ученіе бунтовщиковъ о зачинщикахъ-исправникахъ.

Оба вмѣстѣ,—то есть ученіе исправниковъ о зачинщикахъ-бунтовщикахъ и ученіе бунтовщиковъ о зачинщикахъ-исправникахъ,—составятъ единое, цѣльное ученіе о зачинщикахъ.

Ученіе о зачинщикахъ, въ своемъ чистомъ видѣ, въ настоящее время раздѣляется, кажется, только не очень вдумчивыми обывателями да профессіональными политиками,—отъ консервативныхъ до революціонныхъ включительно. Что же касается исторической науки, то она и въ Россіи, и въ особенности на западѣ, сдѣлала слишкомъ большіе успѣхи, чтобы всецѣло довольствоваться теоріей пошехонскаго исправника. Даже П. Милюковъ, одинъ изъ наиболѣе яркихъ представителей идеи политическаго пріоритета въ Россіи, видѣлъ въ послѣдней не правило, а исключеніе; онъ писалъ:

„Зная первобытность основъ русской экономической жизни, мы уже не будемъ ожидать какой-либо сложности и законченности отъ русской общественной организаціи... Изучая культуру любого западноевропейскаго государства, мы должны были бы отъ экономическаго строя перейти сперва къ соціальной структурѣ, а затѣмъ уже къ государственной организаціи. Относительно Россіи удобнѣе будетъ принять обратный порядокъ, т. е. съ развитіемъ государственности познакомиться раньше, чѣмъ съ развитіемъ соціальнаго строя. Дѣло въ томъ, что у насъ государство имѣло огромное вліяніе на общественную организацію, тогда какъ на западѣ общественная организація обусловила государственный строй. Европейское общество строилось, такъ сказать, изнутри, органически, отъ нисшихъ этажей къ высшимъ... У насъ историческій процессъ шелъ какъ разъ обратнымъ порядкомъ,—сверху внизъ... У насъ государственная власть закрѣпляетъ подъ собой землевладѣльцевъ,—землевладѣльцы закрѣпляютъ подъ собой земледѣльцевъ“ [1])...

Короче: не пошелъ нашъ поѣздъ, какъ идетъ нѣмецкій...

На западѣ государства возникали и строились по хорошему, снизу. А у насъ,—поучаетъ П. Милюковъ,—прежде всего явился „собиратель“. Невольно вспоминаешь по этому случаю юмористическій разсказъ Щедрина о томъ, какъ строились города въ Россіи: прежде всего являлся на пустое мѣсто начальникъ, а затѣмъ самъ собою возникалъ и городъ. Но и юмористика Щедрина не шла такъ далеко, чтобы изображать въ такомъ видѣ возникновеніе не города, а цѣлаго государства...

---

[1]) П. Милюковъ. Очерки по ист. русск. культуры. Спб. 1900, часть I стр. 124—125. Оч. III.

Въ сознаніи большинства русскихъ историковъ примитивное ученіе о зачинщикахъ уже сильно поколеблено. Все же оно прорывается въ видѣ разрозненныхъ обломковъ и обрекаетъ умныхъ людей на вопіющую непослѣдовательность. Мы уже видѣли это при разборѣ ученія о надклассовомъ государствѣ и о закрѣпощеніи всѣхъ сословій государству. Видѣли это и въ рѣчи В. Ключевскаго о бюрократіи, какъ о кучѣ физическихъ лицъ, объединенныхъ только чинопроизводствомъ. Ученіе о первенствѣ политики передъ экономикой старо, какъ стара сама исторіографія. И понятно, что оно цѣпляется за жизнь. Если становится уже смѣшнымъ формулировать это ученіе, какъ формулировалъ когда то Милюковъ, то нужно придумать ему новую обстановочку: „государство“ сводится на землю изъ надклассовыхъ высотъ и втискивается *между* классами. Ученіе о зачинщикахъ съ обновленными силами выступаетъ на бой подъ забраломъ межклассовой бюрократіи или межклассоваго абсолютизма.

Посмотримъ, какъ оно ведетъ свою войну на два фронта.

Старинное ученіе о томъ, что государство строится „собирателями“, отличалось цѣльностью и послѣдовательностью. Новѣйшая наука, отводящая всякой вообще личности подчиненную и ограниченную роль, отличается тѣми же качествами. Но послѣдовательное отрицаніе роли личности въ исторіи трудно завоевываетъ позиціи. Мѣшаетъ не только привычка къ традиціоннымъ формамъ пониманія соціальнаго процесса,— мѣшаютъ и опредѣленные классовые интересы. И господство получаетъ теорія о томъ, будто личность,—уже низведенная съ надклассовыхъ облаковъ на землю,—можетъ стоять всетаки не въ обществѣ и не надъ обществомъ, а рядышкомъ съ обществомъ.

Такова современная теорія абсолютизма, формулируемая буржуазными юристами.

Познакомимся съ этой теоріей по изложенію А. К. Дживелегова.

Абсолютизмъ, по этой теоріи, представляетъ собою ту форму монархіи, которая не признаетъ никакихъ ограниченій для носителя верховной власти. Всѣ прочіе органы государства получаютъ свои правомочія отъ монарха. На практикѣ самоограниченіе монарха неизбѣжно, но оно не носитъ абсолютнаго характера „и можетъ въ любой моментъ быть взято назадъ, ибо въ государствѣ нѣтъ такого органа, который могъ бы помѣшать этому“. Всѣ эти органы, если и пользуются извѣстной самостоятельностью, то „только фактически, а не юридически“. Итакъ, юридически — монархъ неограниченъ, прочіе органы—ограничены; а фактически—прочіе органы болѣе или менѣе самостоятельны, а монархъ—болѣе или менѣе связанъ. Юридическое положеніе лицъ и учрежденій—область юриспруденціи; фактическое—область соціологіи и исторіи. Путемъ перепутыванія этихъ двухъ точекъ зрѣнія и держится современная теорія абсолютизма. Перво-

бытная, цѣльная вѣра въ единую, творческую силу личности уже потеряна, но ее нужно поддержать какимъ-нибудь суррогатомъ. На выручку является ученіе о бюрократіи.

Абсолютизмъ немыслимъ безъ бюрократіи,—продолжаетъ А. К. Дживелеговъ,—ибо абсолютный монархъ не можетъ править одинъ и вынужденъ делегировать свою власть чиновничеству. Чиновничество—необходимая принадлежность абсолютизма, но оно же „приводитъ къ гибели абсолютную монархію, ибо, чуждое отвѣтственности, оно съ необычайной легкостью забываетъ объ интересахъ страны, соблюдая только собственные".

Абсолютизмъ немыслимъ безъ бюрократіи. А бюрократіи, стоящей внѣ классовъ, мы въ доформенной Россіи не нашли. Былъ ли у насъ абсолютизмъ? Говорятъ, что былъ...

Пойдемъ дальше за А. К. Дживелеговымъ. Абсолютизмъ—говоритъ онъ,—былъ необходимостью въ извѣстный историческій моментъ. Пока помѣстье живетъ изолированно и не нуждается въ обмѣнѣ, владѣлецъ помѣстья естественно становится государемъ и очень мало заботится о своемъ верховномъ сюзеренѣ. Но съ развитіемъ денежнаго хозяйства и съ соотвѣтственной перемѣной въ военной техникѣ создаются сословныя монархіи. „Символомъ земскаго единства становится король. Теперь это уже не первый между равными, а безусловно надъ всѣми сословіями стоящій государь".—Но что же на самомъ дѣлѣ знаменуетъ собою это новое положеніе: юридическій „символъ" или фактическое отношеніе?

„Классомъ, вложившимъ въ руки королевской власти острый мечъ абсолютизма, могъ быть только торговый и промышленный классъ... Абсолютная власть, лишивъ старшія сословія *политическихъ* правъ, мудро оставила въ ихъ рукахъ *соціальное* господство, и безъ колебаній становилась на ихъ сторону, когда этому господству что-нибудь угрожало. Это не только примиряло дворянство и духовенство съ абсолютизмомъ, но заставляло ихъ энергично его поддерживать. Живя въ мирѣ съ классомъ торговымъ, въ союзѣ съ землевладѣльческимъ, абсолютизмъ могъ не бояться ничего". Абсолютизмъ „безъ колебаній" становился на сторону старшихъ сословій и обладалъ волшебной способностью жить въ мирѣ съ классомъ торговымъ, когда онъ выступалъ противъ старшихъ сословій... Впрочемъ, съ теченіемъ времени,—„чтобы спасти себя, чтобы спасти свой абсолютизмъ, королевская власть дѣлаетъ третьему сословію уступки на счетъ землевладѣльцевъ". Такъ называемый „просвѣщенный абсолютизмъ" „облаготворяетъ" нѣкоторыми уступками крѣпнущее третье сословіе. Но „компромиссъ не спасъ абсолютизма".

Почему? Потому что „абсолютная *форма* правленія самымъ рѣшительнымъ образомъ противорѣчитъ интересамъ буржуазіи". Мы

видѣли, что А. К. Дживелеговъ началъ съ юридическаго, а не съ соціальнаго опредѣленія абсолютизма; затѣмъ, черезъ королевскую власть, какъ „символъ“, онъ незамѣтно перешелъ къ признанію за абсолютизмомъ роли самостоятельной соціальной силы, умѣстившейся рядышкомъ съ землевладѣльческимъ и торговымъ классомъ. А теперь онъ также незамѣтно возвращается къ юридическому пониманію абсолютизма, какъ *формы* государственной организаціи, формы правленія. Эта форма правленія неудобна для буржуазіи, потому что „не даетъ необходимаго простора для торговой и промышленной дѣятельности“. Но вѣдь буржуазія сама же когда то вложила въ руки короля „острый мечъ абсолютизма“. Какъ объяснить это противорѣчіе? По Дживелегову,—очень просто: тогда буржуазія ошиблась, попала впросакъ. Но „какъ только она приходила къ сознанію своихъ интересовъ, старалась раздѣлаться съ абсолютизмомъ“. Не слишкомъ ли наивно такое объясненіе?

Въ теоріи абсолютизма, только что нами изложенной, читатель вѣроятно не нашелъ для себя ничего существенно-новаго. Это понятно: поскольку рѣчь идетъ о Западной Европѣ, мы слышали всѣ эти разсужденія еще на школьной скамьѣ. Поищемъ поэтому чего-нибудь новаго. Послушаемъ, напримѣръ, что говорятъ нѣкоторые русскіе марксисты: вѣдь марксизмъ не признанъ оффиціальной наукой, и его ученіе въ школу не могло проникнуть.

Вотъ теорія абсолютизма въ изложеніи русскаго марксиста-историка.

Власть,—говоритъ онъ,—должна выражать интересы класса, но у насъ въ XVIII вѣкѣ она находилась въ рукахъ лица и по необходимости отражала вкусы, настроенія и даже капризы этого лица. Въ феодальной монархіи этотъ личный факторъ не опасенъ. „Какъ бы тиранически ни былъ настроенъ носитель власти, онъ можетъ проявлять свое настроеніе только по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, которыя имѣютъ съ нимъ дѣло непосредственно. Повліять на судьбу цѣлаго класса онъ не въ силахъ“. Но по мѣрѣ развитія денежнаго хозяйства „власть получаетъ въ свои руки прочные и постоянные источники дохода... на мѣсто ненадежныхъ вассаловъ, съ которыми приходилось договариваться и спорить, становятся *безличные и послушные чиновники*. По мѣрѣ развитія обмѣна и централизаціи хозяйственной жизни страны, районъ дѣйствія центральной власти расширяется: въ область личнаго усмотрѣнія попадаютъ уже не только индивидуальные, но и общіе интересы. Отъ каприза властвующаго лица начинаетъ зависѣть судьба не только лицъ, но и цѣлыхъ общественныхъ группъ. Логическимъ выводомъ изъ новыхъ хозяйственныхъ условій была бы конечно замѣна личной власти общественными учрежденіями. Но логика исторіи работаетъ медленно. Чѣмъ богаче власть, тѣмъ больше личныхъ существованій и интересовъ съ нею

связано,—тѣмъ больше у нея защитниковъ, уже *не изъ классовыхъ побужденій, а просто изъ личной корысти* (!). Съ другой стороны, наиболѣе въ это время сознательная и лучше всѣхъ организованная общественная группа,—крупные землевладѣльцы,—теряетъ съ каждымъ шагомъ экономическаго прогресса столько же, сколько выигрываетъ личная власть. Капиталистическое хозяйство разлагаетъ крѣпостныя отношенія, почва подъ помѣщикомъ становится все болѣе зыбкой, и онъ все чаще долженъ обращаться за помощью къ той же личной власти... А новые классы, создаваемые капитализмомъ, сначала слишкомъ еще слабы и слишкомъ мало сознательны: они тоже сплошь и рядомъ прибѣгаютъ къ помощи той же власти, *не понимая*, какой дорогой цѣной покупаютъ они минутную выгоду".

Чего не договариваетъ марксистъ-историкъ, то поясняетъ намъ другой марксистъ, спеціально писавшій по теоріи государства. Условіе торжества монархіи,—говоритъ онъ,—взаимообезсиленіе сословій и классовъ такою классовою борьбою, при которой ни одинъ классъ не въ силахъ задавить другіе и организовать свою собственную общественную власть. Борьба классовъ въ такомъ случаѣ кончается побѣдой ихъ „общаго врага". „Обезсиленіе общества неразрѣшимою классовою борьбою—вотъ *необходимое* условіе для существованія самодержавной монархической власти надъ обществомъ во всѣхъ ея видахъ и формахъ".

Третій марксистъ,—марксистъ-публицистъ,—дополняетъ предъидущихъ указаніемъ, что бываютъ моменты, когда господствующій классъ (рѣчь идетъ о буржуазіи) начинаетъ „усматривать опасность даже въ собственномъ политическомъ господствѣ": онъ мирится тогда „съ прекращеніемъ своего непосредственнаго политическаго господства и съ возстановленіемъ абсолютизма" ради того, чтобы обезпечить себѣ „господство соціальное".

Тогда торжествуетъ „бонапартизмъ". Бонапартизмъ,—по толкованію четвертаго марксиста,—представляетъ собою „лавированіе монархіи, потерявшей свою старую, патріархальную или феодальную... *опору*, монархіи, которая принуждена эквилибрировать, чтобъ не упасть, заигрывать, чтобъ управлять, подкупать, чтобъ нравиться, брататься съ подонками общества, съ прямыми ворами и жуликами, чтобъ держаться не только на штыкѣ".

Наконецъ К. Каутскій,—не знающій Россіи, но къ сожалѣнію пишущій о Россіи,—увѣрялъ однажды, будто въ Россіи всѣ, за исключеніемъ бюрократовъ и люмпеновъ, заинтересованы въ парламентаризмѣ,—будто *„всѣ классы, за исключеніемъ люмпеновъ*, вынуждены добиваться такого парламента, который перестроитъ государство совершенно наново". А радикальный парламентъ все не является... Долго ли это продлится?

Марксистъ-историкъ, котораго мы уже цитировали, какъ бы въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, успокаиваетъ насъ: „*агонія* личнаго абсолютизма можетъ длиться десятки и даже сотни лѣтъ“.

Охъ!...

Такъ страшно становится, что, опомнившись немного, прежде всего спрашиваешь себя: что это такое? Дѣйствительно ли, нужно вести рѣчь объ агоніи абсолютизма? Или умѣстнѣе будетъ заговорить здѣсь о теоретическомъ гніеніи стараго-престараго, пошехонскаго ученія о зачинщикахъ?

И Дживелеговъ, и русскіе марксисты, какъ могъ замѣтить читатель, относятся къ абсолютизму отрицательно. Но намъ здѣсь важно не ихъ отношеніе, а ихъ пониманіе. Это послѣднее сводится къ слѣдующимъ тезисамъ:

1) Абсолютизмъ представляетъ собою отдѣльную, самостоятельную силу, стоящую внѣ классовъ.

2) Онъ помѣщается между классами, „опирается“ на одинъ классъ противъ другого; такъ или иначе, интересы абсолютизма сталкиваются съ интересами всѣхъ классовъ.

3) Въ качествѣ самостоятельной политической силы, абсолютизмъ дѣйствуетъ черезъ организацію безличныхъ и послушныхъ чиновниковъ-бюрократовъ. Наличность внѣклассовой бюрократіи,—„кучи физическихъ лицъ, объединенныхъ только чинопроизводствомъ“, дѣйствующихъ „не изъ классовыхъ побужденій, а изъ личной корысти“ —необходимое условіе абсолютизма.

4) Абсолютизмъ появляется на извѣстномъ уровнѣ развитія денежнаго хозяйства. На его сторонѣ стоитъ, имъ пользуется для своихъ надобностей и нарождающійся торгово-промышленный классъ, и старый—землевладѣльческій.

5) Новый торгово-промышленный классъ поддерживаетъ враждебную ему силу (абсолютизмъ) только по неразумію, по недостаточной сознательности. Когда буржуазія приходитъ къ правильному пониманію своихъ классовыхъ интересовъ, она разрушаетъ силу абсолютизма.

6) Бываютъ, впрочемъ, случаи, когда буржуазія, для спасенія своего соціальнаго господства, сознательно передаетъ политическое господство изъ своихъ рукъ въ чужія. Вообще, слѣдовательно, для экономически-господствующаго класса возможенъ добровольный отказъ отъ своего политическаго господства.

Прежде всего въ этой теоріи обращаетъ на себя вниманіе тождество взглядовъ у Дживелегова съ русскими марксистами, а у русскихъ марксистовъ—съ составителями школьныхъ учебниковъ по исторіи Западной Европы. Марксизмъ ли тайкомъ проникъ даже въ школы, или марксисты не вышли изъ школьныхъ рамокъ,—судить не

берусь. Во всякомъ случаѣ, въ нашъ вѣкъ всяческой розни, пріятно наблюдать это единодушіе антиподовъ въ пониманіи абсолютизма. Грустно вторгаться въ это единодушіе съ своей критикой, вносить рознь туда, гдѣ царила благодать всеобщаго мира. А приходится.

Начнемъ съ необходимаго условія абсолютизма,—съ существованія внѣклассовой бюрократіи. Мы знаемъ, что въ Россіи ея не было, а „абсолютизмъ" былъ. Впрочемъ, Россія Европѣ не указъ: можно составить теорію абсолютизма вообще, вовсе не считаясь съ русскимъ абсолютизмомъ. Взять хоть, напримѣръ, Германію: развѣ это не классическая страна стоящей внѣ классовъ, послушной королю бюрократіи? Вѣдь объ этомъ говорится во всѣхъ учебникахъ! Однако, есть на свѣтѣ писатели, идеи которыхъ не всегда попадаютъ въ учебники. Обращаюсь къ одному изъ такихъ писателей, лично наблюдавшему Германію наканунѣ 1848 года.

Въ то время въ Германіи,—разсказываетъ этотъ проницательный наблюдатель,—политическими выразителями господствующаго класса были король, бюрократія и армія. Но они были сильны не сами по себѣ, а лишь какъ выразители опредѣленной соціальной основы: привилегированнаго дворянскаго землевладѣнія со всѣми его аттрибутами. Затронуть эту основу политической организаціи,—нанести ударъ привилегированному дворянскому землевладѣнію и господству помѣстья надъ городомъ,—значило вооружить противъ себя и короля, и бюрократію, и армію. А съ другой стороны, подорвать данную политическую власть значило нанести ударъ старому обществу: политическая власть ускользала изъ рукъ этого общества, какъ только король, бюрократія и армія лишались своихъ привилегій. Эта связь соціальной основы и ея политическаго выраженія не была связью, хотя бы самой тѣсной, *двухъ* силъ; это были только различныя формы проявленія одной и той же силы: господствующій классъ выступалъ экономически, какъ привилегированно-землевладѣльческій, а политически *онъ же* былъ организованъ въ бюрократію и армію, съ королемъ во главѣ: онъ поставлялъ изъ своей среды высшихъ правительственныхъ чиновниковъ, онъ же почти исключительно давалъ офицеровъ для арміи.

Относительно Франціи, опередившей Германію, тотъ же вдумчивый и очень образованный наблюдатель разсказываетъ, что тамъ послѣ февральскихъ событій 1848 года вмѣстѣ съ конституціонной монархіей исчезъ и *призракъ государственной власти*, которая самовластно противопоставляла себя буржуазному обществу, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезъ и цѣлый рядъ мелкихъ, второстепенныхъ конфликтовъ, которые вызываетъ такая *мнимо-самостоятельная* власть".

Итакъ, относительно Западной Европы, кромѣ теоріи школьныхъ учебниковъ, на которой основываются идеи Дживелегова и русскихъ

марксистовъ, существуетъ и другая теорія, еще не вошедшая въ учебники. По этой теоріи существуетъ не государственная власть, противостоящая обществу, а только призракъ этой власти, мнимо-самостоятельной. И въ Германіи,—„классической странѣ бюрократіи“, —существовало только мнимое господство бюрократіи. На самомъ дѣлѣ и руководящіе слои бюрократіи, и командующая часть арміи, и король были привилегированными землевладѣльцами. Но кто же далъ землевладѣльцамъ привилегіи,—точнѣе: кто юридически оформилъ и политически охранялъ эти привилегіи землевладѣльцевъ? Очевидно, король, бюрократія и армія. А изъ кого состояли бюрократія, армія, король? Изъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ. А гдѣ же былъ абсолютизмъ, стоящій между классами? Это былъ призракъ, мнимая величина.

Но какъ же объяснить происхожденіе теоріи абсолютизма, которую отстаиваютъ Дживелеговъ, нѣкоторые марксисты и составители школьныхъ учебниковъ? Руководящую нить для полученія отвѣта на этотъ вопросъ мы находимъ у нашего марксиста-историка. Въ чемъ заключался переходъ къ абсолютизму? Въ томъ, — отвѣчаетъ онъ, — что передъ королемъ „на мѣсто ненадежныхъ вассаловъ, съ которыми приходилось договариваться и спорить, индивидуальность которыхъ приходилось уважать, становятся безличные и послушные чиновники“.

Теперь перенесемся мыслью въ Пошехонье. Есть въ немъ, конечно, исправникъ; сверхъ того есть, положимъ, фабрика съ наемными рабочими. Хозяинъ фабрики, случалось, увольнялъ отдѣльныхъ рабочихъ; иногда отношенія обострялись до забастовки. Для помощи уволеннымъ и передъ забастовкой рабочіе договаривались между собою, спорили на улицѣ, въ трактирахъ и т. п. Но потомъ появился профессіональный рабочій союзъ; помощь отдѣльнымъ рабочимъ стала производиться безъ особыхъ договоровъ и споровъ, по уставу; забастовка обсуждалась не на улицѣ, а въ помѣщеніи союза; споры были урегулированы; объявлялась она письменно, секретаремъ союза, отъ лица правленія союза. Представьте себѣ, что исправникъ былъ убогій и появленіе союза проспалъ. Приносятъ ему объявленіе секретаря о забастовкѣ, которая уже началась. Исправникъ, естественно, ничего не понимаетъ кромѣ того, что въ городѣ безпорядокъ, и что зачинщики— правленіе и секретарь. Онъ принимаетъ мѣры. И въ тоже время спрашиваетъ себя: какъ же это все произошло безъ договоровъ и споровъ?

Договоры и споры—это признакъ малой организованности. Появленіе усовершенствованной землевладѣльческой организаціи, вызванное экономической эволюціей класса, нашъ марксистъ историкъ принялъ за появленіе какой то новой силы и цѣликомъ усвоилъ исправ-

ницкое ученіе о зачинщикахъ, какъ усвоили его А. К. Дживелеговъ, многіе русскіе марксисты и составители школьныхъ учебниковъ: они видятъ бюрократію, армію,—но не видятъ, изъ какихъ общественныхъ элементовъ состоятъ армія и бюрократія.

Ученіе объ абсолютизмѣ, стоящемъ между классами и будто бы болѣе или менѣе враждебномъ всѣмъ классамъ, въ конечномъ счетѣ сводится къ ученію о внѣклассовой бюрократіи. Историческими фактами это ученіе безусловно опровергается. Въ чемъ же его теоретическая ошибка? Именно, въ предположеніи, что чиновникъ — только чиновникъ, и ни въ коемъ случаѣ не собственникъ. Предполагается, что каждый министръ начинаетъ свою бюрократическую карьеру съ должности писца уѣзднаго полицейскаго управленія, рядомъ съ другими такими же писцами: ни у кого изъ нихъ нѣтъ собственности, кромѣ носильнаго платья; карьера каждаго зависитъ исключительно отъ его способностей и усердія; отъ двадцатаго до двадцатаго числа всѣ чиновники проживаютъ рѣшительно до послѣдней копѣйки все, что получаютъ; умирая, министръ не оставляетъ своимъ сыновьямъ ничего, кромѣ поношенныхъ костюмовъ, и сыновья министровъ въ свою очередь начинаютъ, подобно отцу, карьеру съ должности писца въ уѣздномъ полицейскомъ правленіи и т. д. Но такъ какъ всѣ подобныя предположенія—чепуха, то такой же чепухой является и ученіе о безличныхъ и послушныхъ чиновникахъ, о внѣклассовой бюрократіи, о присосѣдившемся между классами абсолютизмѣ, враждебномъ будто бы всѣмъ классамъ.

Отвергая ученіе о внѣклассовой бюрократіи, мы тѣмъ самымъ отвергли и первые два пункта формулированнаго нами ученія о внѣклассовомъ абсолютизмѣ. Легко объясняется и пунктъ шестой,—о передачѣ буржуазіей своего политическаго господства абсолютизму, по существу враждебному той же буржуазіи. Вообще передача кому то другому своего политическаго господства и сохраненіе въ тоже время господства соціальнаго — это идея, чудовищная по своей нелѣпости. Это во первыхъ. Во вторыхъ, буржуазія не могла передавать своего политическаго господства призраку, мнимой соціальной величинѣ. А въ третьихъ, случаи возврата буржуазіи, въ критическіе моменты, отъ парламентаризма къ абсолютизму представляютъ собою ничто иное, какъ временную постановку буржуазной же политической организаціи на военную ногу, для отраженія вражескаго натиска.

Что касается пунктовъ 4 и 5-го, — о томъ, что новый буржуазный классъ раньше стоитъ на сторонѣ абсолютизма, а потомъ выступаетъ противъ него, — то конечно смѣшно объяснять этотъ переходъ, какъ результатъ только большей сознательности. Не въ сознательности тутъ дѣло, а въ томъ, что не только количественно, но и качественно, по своей соціальной роли, буржуазія вовсе не остается на

протяженіи вѣковъ величиной неизмѣнной: между буржуазіей торгово-ростовщической и торгово-промышленной, буржуазіей монополіи и буржуазіей свободной конкурренціи дистанція огромнаго размѣра. Что было нужно и полезно буржуазіи примитивной, то становится вредно и излишне буржуазіи, развитой экономически (а не только умственно). Понять отдѣльные періоды исторической жизни невозможно, если игнорировать эти качественныя различія буржуазіи различныхъ ступеней ея развитія.

Мнѣ пришлось отвлечься далеко въ сторону общихъ разсужденій, чтобы отвѣтить на вопросъ, который на первый взглядъ кажется довольно несложнымъ,— на вопросъ о томъ, почему такая печальная судьба постигла нѣкоторыхъ представителей высшей власти въ Россіи XVIII вѣка. Мы уже свели этотъ общій вопросъ къ болѣе простому,— къ вопросу о способностяхъ или неспособностяхъ безвременно погибшихъ правителей. Оставалось только рѣшить послѣдній вопросъ: какой же специфической способности у нихъ не оказалось на лицо?

Чтобы окончательно вяснить этотъ вопросъ, нужно еще немного остановиться на одномъ эпизодѣ русской исторіи XVIII вѣка. Этотъ эпизодъ изъ исторіи пугачевскаго бунта поможетъ намъ уяснить себѣ, кѣмъ, какъ и насколько понималась въ тѣ времена связь между экономикой и политикой, понимался классовый характеръ явленій политическаго порядка. Передъ нами рядъ манифестовъ Екатерины II, съ одной стороны, и самозваннаго Петра III—съ другой,—своеобразная полемика путемъ манифестовъ.

Въ первомъ своемъ манифестѣ, обращенномъ къ татарамъ, калмыкамъ и казакамъ, мнимый императоръ объявляетъ: „Во всѣхъ винахъ прощаю и жалую я васъ: рѣкою съ вершинъ и до устья, и землею, и травами, и денежнымъ жалованіемъ, и свинцомъ, и порохомъ, и хлѣбнымъ провіантомъ“. Если принять во вниманіе, что на рѣкѣ (Уралѣ-Яикѣ) съ вершинъ до устья помѣщиковъ не было, то становится яснымъ, что Пугачевъ распоряжается просто какъ хозяинъ-землевладѣлецъ, владѣлецъ всей русской земли, согласно представленіямъ мелкихъ хозяевъ о верховномъ правителѣ государства: Пугачевъ не возстановляетъ классъ противъ класса, не выступаетъ представителемъ класса. Борьба начинается только между хозяиномъ и другимъ хозяиномъ (Екатериной II).

Такъ это и принимается въ Петербургѣ. Екатерина II, хозяйскія права которой оспариваются, опредѣляетъ дѣйствія противной стороны, какъ дѣйствія „шайки воровъ и бродягъ“, во главѣ съ бѣглымъ казакомъ, укравшимъ („дерзнулъ присвоить“) имя Петра III.

Событія развиваются,—и Пугачевъ начинаетъ уяснять себѣ политическую сторону событій. Но только политическую. Онъ объявляетъ походъ противъ непокорныхъ его власти, а тѣхъ, кто покорится,—

говоритъ онъ,—„прощаемъ, сверхъ того *всякою вольностью* отечески васъ жалуемъ“.

Всякая вольность—понятіе неопредѣленное; противъ крѣпостного права—ни слова.

Екатерина II замѣчаетъ политическую сторону движенія и въ своемъ проектѣ манифеста пишетъ между прочимъ: „содрагаетъ духъ нашъ отъ воспоминаній Годуновыхъ и Отрепьевыхъ“. Но сановники, которымъ предъявила на разсмотрѣніе свой проектъ Екатерина II, оказываются проницательнѣе Пугачева и раньше его переносятъ вопросъ на классовую почву. Гр. Чернышевъ и гр. Орловъ возражаютъ Екатеринѣ, что въ смуту XVII вѣка „все государство было въ смятеніи, а нынѣ одна только чернь“. Нужно, слѣдовательно, говорить не о политикѣ, не о правахъ Екатерины II, а о правахъ помѣщиковъ.

Задумывается и Пугачевъ о крѣпостномъ правѣ, но еще не рѣшается возмущать народъ прямо противъ дворянъ; онъ подходитъ къ вопросу сторонкой: „Жалуемъ... вольностью безъ всякаго требованія въ казну подушныхъ и прочихъ податей и рекрутовъ набору, коими казна сама собой довольствоваться можетъ (!)... Сверхъ того въ Россіи дворянство крестьянъ своихъ великими работами и податями отягощать не будетъ, понеже каждый восчувствуетъ прописанную вольность и свободу“.

Пока Пугачевъ ходитъ вокругъ да около вопроса о помѣщичьей власти, Екатерина II дѣйствуетъ. Возстаніе прежде всего угрожаетъ Казанской губерніи. Екатерина II беретъ изъ гвардіи казанскихъ дворянъ унтеръ-офицеровъ, производитъ ихъ въ офицеры, организуетъ подъ командой этихъ офицеровъ своихъ крестьянъ Казанской губерніи и объявляетъ себя казанской помѣщицей. Понятно, казанскіе дворяне привѣтствуютъ это объявленіе и отвѣчаютъ въ торжественной рѣчи: „Признаемъ тебя своею помѣщицей. Принимаемъ тебя въ свое товарищество. Когда угодно тебѣ, равняемъ тебя съ собою“. Казанскіе, а за ними и другіе, дворяне поднимаются противъ Пугачева не ради защиты интересовъ того или иного „хозяина“, а ради своихъ собственныхъ классовыхъ интересовъ. Къ тому же и петербургскій дворянскій центръ, въ манифестѣ отъ имени Екатерины II, поясняетъ имъ, что Пугачевъ привлекаетъ людей, „обѣщая вывести ихъ изъ *всякой* властямъ подчиненности“; а дворяне всей Россіи знали, что власть—это они.

Что же касается Пугачева, то только передъ концомъ возстанія, послѣ переправы черезъ Волгу, онъ рѣшительно становится противъ дворянъ-землевладѣльцевъ, освобождаетъ крестьянъ „отъ злодѣевъ дворянъ, градскихъ мздоимцевъ и судей“. Дворянъ, противниковъ „нашей власти“, какъ возмутителей имперіи и разорителей крестьянъ, Пугачевъ призываетъ теперь „ловить, казнить и вѣшать“.

Екатерина II была иностранкой въ Россіи. Она получила образованіе, училась на лучшихъ иностранныхъ писателяхъ того времени. Ставши императрицей, она столкнулась лицомъ къ лицу съ реальными условіями и нашла въ себѣ достаточно энергіи, чтобы начать переучиваться. Поэтому ея личная исторія—богатый источникъ для наблюденія и правильнаго пониманія реальныхъ политическихъ отношеній. То, что Екатерина II усвоила умомъ,—русская по происхожденію, воспитанію и всѣмъ условіямъ жизни Елисавета принимала просто по инстинкту, въ силу своего классоваго положенія, мало отличавшагося, до ея вступленія на престолъ, отъ положенія всякаго другого помѣщика того времени. И Елисавета, и Екатерина II, такимъ образомъ, хотя и разными путями, пришли къ одинаковому пониманію реальныхъ условій своего существованія и царствовали благополучно.

Что же касается правителей, кончившихъ неблагополучно, то они слишкомъ опередили свою эпоху: пророческимъ взоромъ они предвидѣли будущія теоріи Дживелегова, школьныхъ учебниковъ и многихъ русскихъ марксистовъ; они слишкомъ хорошо усвоили эти теоріи и хотѣли править черезъ безличныхъ и послушныхъ, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, черезъ „внѣклассовую бюрократію“. Они, надо полагать, оказались не неспособными, а слишкомъ способными...

33/12

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
	О трехъ китахъ (вмѣсто предисловія).	3
ГЛАВА 1.	Государства въ государствѣ	5
„ 2.	Вотчина государя-царя	11
„ 3.	Организація государей	20
„ 4.	Дворяне-торговцы и промышленники.	29
„ 5.	Самопополненіе дворянства. Войско. Абсолютизмъ.	35
„ 6.	Политическія идеологіи.	44
„ 7.	Политическая свобода	53
„ 8.	Надклассовое государство	57
„ 9.	Н. П. Сильванскій и Н. Рожковъ	61
„ 10.	И. Энгельманъ и К. Каутскій.	64
„ 11.	В. Ключевскій	68
„ 12.	Нѣкоторыя черты XVIII в.	77
„ 13.	Петръ Великій.	81
„ 14.	Бюрократія	93
„ 15.	О формахъ дворянской организаціи	111
„ 16.	О формахъ внутридворянской борьбы	137
„ 17.	Анна Леопольдовна и Елисавета	145
„ 18.	Петръ III и Екатерина II	151
„ 19.	Ученіе о зачинщикахъ	160

„МАТЕРІАЛЫ КЪ ИСТОРІИ И ИЗУЧЕНІЮ РУССКАГО СЕКТАНТСТВА И РАСКОЛА".

Подъ редакціей Владимира Бончъ-Бруевича.

ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ.

Баптисты.—Бѣгуны.—Духоборцы.—Л. Толстой о скопчествѣ.—Павловцы.—Поморцы.—Старообрядцы.—Скопцы.—Штундисты.

Содержаніе: Предисловіе отъ редакціи. — Программа для собиранія свѣдѣній по изслѣдованію и изученію русскаго сектантства и раскола *Влад. Бончъ-Бруевича.*—Воспоминанія ссыльнаго, баптиста *В. Г. Павлова.*—Краткое жизнеописаніе баптиста *Егора Никаноровича Иванова.*—Въ тюрьмѣ и въ ссылкѣ. Записки баптиста *Е. Н. Иванова.*—Краткія свѣдѣнія о жизни штундиста *Софрона Чижова,* сообщенныя имъ самимъ. — Дополнительныя свѣдѣнія о жизни штундиста *Софрона Чижова.*—Два письма *Л. Н. Толтого* о скопчествѣ. — Мое путешествіе, разсказъ члена „Христіанской общины всемірнаго братства" *Михаила Андросова.*—Разсказъ о нашихъ предкахъ, духоборца *Михаила Андросова.*—Письмо духоборца *Вас. Потапова* къ П. И. Бирюкову. — Духоборческіе выходцы. — Съѣздъ духоборцевъ въ 1904 году. — Первый отчетъ прихода и расхода „Христіанской общины всемірнаго братства въ Канадѣ".—Отчетъ о съѣздѣ канадскихъ духоборцевъ, бывшемъ въ селѣ „Надежда" 1906 г.—Отчетъ прихода и расхода „Христіанской общины всемірнаго братства" за 1905 г. — Отчетъ И. Е. Конкина — расходы и приходы на пріѣздъ якутскихъ братьевъ въ Канаду въ 1905 году. — Посланіе ко всѣмъ скопцамъ.—Начало жизни христіанъ и страданія ихъ въ селѣ Павловкѣ, какія они переносили мученія и гоненія язычниковъ за вѣру Господа нашего Іисуса Христа.—Книга о посылкѣ новоспасскаго монастыря архимандрита въ Костромской и въ Кинешемскій уѣзды въ 195-мъ году раскольниковъ, о увѣщаніи ихъ во истинной вѣрѣ.—Бѣгунскіе стихи, сообщилъ *Вс. И. Срезневкій.* — Къ исторіи поморскаго согласія. сообщилъ *Вс. И. Срезневкій.* — 1. Лексинскій лѣтописецъ, *В. И. Срезневкаго.*—Краткое лѣтосчисленіе настоящаго вѣка Выгорѣцкаго общежительства.—Дополненіе къ тексту лѣтописца изъ рукописи бывшей Невоструева.—2. Риѳмы воспоминательны, стихъ и плачъ объ Андреѣ Діонисіевичѣ, устроителѣ и предводителѣ Выговской монастырской общины. Сообщилъ *В. И. Срезневскій.* — I. Риѳмы воспоминательны о киновіарсѣ Выгорѣцкаго общежительства Андреѣ Діонисіевичѣ, вкратцѣ всего житія его (и) рожденія. — II. Стихъ плача, ему же краегранесіе. Печать сокрушаетъ мя.— III Стихъ надгробнаго плача.—IV. Плачъ отъ лица всея церкви. Гласъ 8.—3. Плачъ о Симеонѣ Діонисіевичѣ, предводителѣ Выговской монастырской общины. Сообщилъ *В. И. Срезневкій.* — Плачъ о отцѣ умершемъ, сочиненъ стихами, писанъ отъ многи скорби теплыми слезами. — 4. Слово надгробное Симеону Титовичу. Сообщилъ *В. Срезневскій.*

Цѣна **два** рубля.

Учебный Комитетъ при святѣйшемъ Сунодѣ опредѣлилъ: выпускъ первый „Матеріаловъ къ исторіи и изученію русскаго сектантства и раскола" допустить къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій (см. „Церковн. Вѣдом." № 32, 8 августа 1909 г.).

„МАТЕРІАЛЫ КЪ ИСТОРІИ И ИЗУЧЕНІЮ РУССКАГО СЕКТАНТСТВА И РАСКОЛА".

ВТОРОЙ ВЫПУСКЪ.

„ЖИВОТНАЯ КНИГА ДУХОБОРЦЕВЪ".

Записалъ и собралъ Вл. Бончъ-Бруевичъ.

Въ „Животную книгу" входитъ болѣе четырехъ сотъ различныхъ произведеній устной литературы духоборцевъ. Вступительная статья *В. Д. Бончъ-Бруевича*: „Изложеніе міровоззрѣнія духоборцевъ".

Цѣна **два** рубля.

3959

„Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества".

ТРЕТІЙ ВЫПУСКЪ.

СРЕДИ СЕКТАНТОВЪ.

Содержаніе: Завѣщаніе *Тимофея Артемовича Зайца* (южно-русскаго штундиста).—Его портретъ.—Факсимиле.—Сказаніе о самомъ себѣ, *Т. А. Зайца.*—Письма *Т. А. Зайца* къ разнымъ лицамъ.—Памяти Тимофея Артемовича Зайца, *Вл. Бончъ-Бруевича.*—Дѣдушка Тимофей Зайцевъ, стихотвореніе *Е. Г. Литарчука.*—Упованіе духовныхъ скопцовъ, *С. Фарфоровскаго.* — Жизнь Алексѣя (къ характеристикѣ секты „постниковъ" „духовныхъ скопцовъ").—Старая вѣра, *М. Н. Новикова* и др.

Цѣна два рубля.

„Программа для собиранія свѣдѣній по изслѣдованію и изученію русскаго сектантства и старообрядчества" *В. Д. Бончъ-Бруевича* **высылается безплатно.**

Условія покупки „матеріаловъ".

Книгопродавцамъ уступка въ 30%. Пересылка и упаковка за счетъ покупателя.

Библіотекамъ, кружкамъ самообразованія, союзамъ, обществамъ, и пр. т. п. учрежденіямъ, выписывающимъ книги изъ редакціи, дѣлается уступка въ 20%. Пересылка за ихъ счетъ.

Частныя лица, выписывающія „Матеріалы" изъ редакціи, за пересылку не платятъ.

„Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества" будутъ выходить періодически выпусками. Предполагая издавать „Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества" болѣе регулярно—намъ необходимо, хотя бы приблизительно, опредѣлить число лицъ и учрежденій, желающихъ получать это наше изданіе, почему мы просимъ всѣхъ, кто желаетъ получать наши „Матеріалы", сообщить намъ свой точный адресъ. Всѣмъ заявившимъ о своемъ желаніи получать „Матеріалы" мы будемъ высылать ихъ немедленно по выходѣ въ свѣтъ съ наложеніемъ платежа.

Всѣ запросы, справки, а также рукописи, статьи и пр. просимъ присылать по адресу:

Владимиру Дмитріевичу Бончъ-Бруевичу.

С.-Петербургъ, Пески, Херсонская улица, домъ № 5—7, кв. 27.

Для личныхъ переговоровъ: по вторникамъ отъ 7 до 9 часовъ вечера.

2007041865